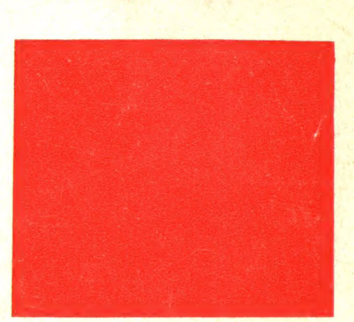
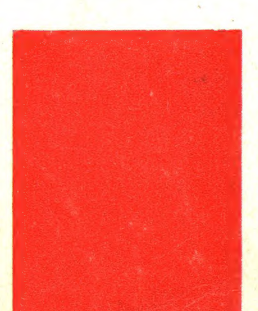
ОРЛЯТА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ...

Советской молодежи посвящается

В ЗАЩИТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОТЕЧЕСТВА ВЕЛИЧАЙШИЕ ОБРАЗЦЫ МУЖЕСТВА И ГЕРОИЗМА ПОКАЗАЛИ НАШИ ЮНОШИ И ДЕВУШКИ, КОМСОМОЛЬЦЫ И КОМСОМОЛКИ. ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ В ТЕ ДНИ ДАЛ РОДИНЕ МИЛЛИОНЫ И МИЛЛИОНЫ БЕЗЗАВЕТНЫХ БОЙЦОВ. ОНИ СМЕЛО ШЛИ НА СМЕРТЬ РАДИ ЗАЩИТЫ ОТЧИЗНЫ.

Л. И. Брежнев

ОРЛЯТА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ...

ОЧЕРКИ, ЗАРИСОВКИ, ВОСПОМИНАНИЯ, СОСТАВЛЯЮЩИЕ СБОРНИК, РАССКАЗЫВАЮТ О ЮНЫХ ПАРТИЗАНАХ, СЫНОВЬЯХ ПОЛКОВ И ВОСПИТАННИКАХ КОРАБЛЕЙ — ЮНГАХ, ЧЬЕ ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ОПАЛЕНЫ ОГНЕМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

М О С К В А

ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР

1 9 8 0

9(С) 27
Г93

Составитель — ВИТАЛИЙ ГУЗАНОВ

Художники — ИГОРЬ ГРЮНТАЛЬ, НИКОЛАЙ ЗАХАРЖЕВСКИЙ

Память...

Память человеческая способна десятки лет хранить подробности событий, фактов, эпизодов, но имена людей забываются раньше всего. Я с глубоким уважением отношусь к тем ветеранам Великой Отечественной войны, которые разыскивают однополчан, фронтовых друзей, собирают документы по истории своей части, восстанавливают имена погибших товарищей, рассказывают об их подвигах на слетах, в школах и на предприятиях, просто на встречах друзей в будни и в наши военные праздники.

Воспоминания фронтовиков... Какой впечатляющей силой обладают они! Участие в крупном сражении, получение боевой награды, чувства, взаимоотношения людей на войне... Да разве всё перечислишь! Годы пишут книги событий, и это справедливо. Люди старшего поколения знают, что война — тяжелый, изнурительный труд. Труд денный и нощный, сопряженный с постоянной смертельной опасностью. В этом нелегком ратном труде есть доля участия воспитанников частей, которых потом стали называть сыновьями полков. В первые дни войны в частях появились ребята, судьбы которых сложились трудно. Немало было среди них сирот — детей погибших. Эти ребята во что бы то ни стало стремились попасть на фронт и драться с ненавистными фашистами. В годы минувшей войны мне не раз приходилось видеть отважных мальчишек, которые в свои тринадцать — шестнадцать лет прошли суровую школу жизни. Это были настоящие орлята Великой Отечественной...

По человеческому долгу мы обязаны в первую очередь вспомнить о тех юных героях, которые не увидели нашей Победы, но сделали для нее все, что смогли. Мы преклоняемся перед памятью мальчишек сороковых годов. В очерках, зарисовках, воспоминаниях и просто в коротких заметках сборника «Орлята Великой Отечественной...» названо много имен. Выделить и перечислить их, пожалуй, невозможно. Читатель сам познакомится с ними. Важно другое: остаться наедине с героем, почувствовать духовную близость с ним, мысленно вернуться в прошлое, которое известно по рассказам старших, фильмам, книгам о войне, и пропустить все это через свое сердце. У каждого человека, даже если он не видел войны, есть свое представление о ней. Сегодняшняя молодежь хочет как можно пристальней вглядеться в жизнь военных лет, воскресить в памяти родных и близких ее грозные дни.

Память сердца... Память о прошлом всегда дорога нам. Не может человек отказаться от прожитых лет, забыть их лишь потому, что они были мучительно суровыми, эти годы. Так быть не может! И не может

потому, что юное поколение идет сегодня дорогой отцов и дедов. С годами память о войне не ослабевает; она становится достоянием не только фронтовиков, но и молодежи. Мы гордимся тем, что вырастили достойную смену, которая близка нам не только по крови, но и по духу.

Дороги отцов и дедов... Важно постоянно помнить, что они пролегли повсюду, что соприкосновение с военными реликвиями, посещение памятных мест, музеев боевой славы оставляет неизгладимый след в юных сердцах. Вот уже много лет идет по стране поиск. Поиском заняты красные следопыты, и работа эта увлекает ребят. Сегодня можно с уверенностью сказать: цены нет этим тысячам школ, поисковым клубам и отрядам! Их титанический труд беспримерен, как беспримерен и сам подвиг, совершенный советским солдатом. Хотя, надо признаться, настоящие солдаты никогда не считали свою жизнь подвигом, они, увенчанные заслуженными наградами, просты и сердечны, строги и взыскательны к себе.

Книга «Орлята Великой Отечественной...» — мужественный и правдивый рассказ о фронтовых дорогах юных героев, путешествие в героическое прошлое. Это рассказ и о том, в чем наш народ черпал духовные силы для преодоления всех трудностей, всех лишений.

Я глубоко убеждена, что сборник о юных участниках войны тронет сердце мальчишки-подростка. Он всколыхнет и души ветеранов, заставит закаленных бойцов вернуться памятью к военным годам. А ведь фронтовикам есть о чем вспомнить, есть что поведать своим детям и внукам.

Каждая страница сборника «Орлята Великой Отечественной...» призывает нашу молодежь: будьте верны идеалам и боевым традициям отцов и дедов, будьте всегда готовы отдать все силы за счастье своего народа, социалистической Родины, за дело нашей ленинской партии, за коммунизм!

НАДЕЖДА ПОПОВА,
член президиума
Советского комитета ветеранов войны,
председатель комиссии по связям
со школами и школьными организациями,
Герой Советского Союза

Мужал в боях юный партизан

Наши дети — героические, великолепные советские дети, с мужеством взрослых, с разумом взрослых борются теперь за Родину. В их крови горит любовь к свободе. И слово «Родина» для них — это не мертвое слово, а сама жизнь, само биение сердца, пламенный призыв, глубочайшая любовь.

«Правда», 16 августа 1941 года

Федор ТРЕТЬЯКОВ

ЮНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

Задание было не только трудным, но и очень ответственным. Трудным потому, что требовалось проникнуть в стан врага под чужим именем. Ответственным потому, что от выдержки и мужества исполнителей зависело многое в борьбе с врагом.

Летом сорок второго года штабу партизанского соединения, действовавшего в лесах Орловщины, стало известно, что в деревню Зеленая Степь прибыл моторизованный карательный отряд, а в соседних селениях появились новые подразделения гитлеровцев. Горели крестьянские избы, на площадях маячили виселицы, тела казненных по нескольку дней лежали на улицах — их не давали хоронить.

Командование партизанского соединения решило нанести удар по гитлеровцам. Но для этого требовались точные сведения о враге. Шесть партизанских разведчиков ушли в Зеленую Степь, но все не вернулись... И вот тогда возник новый план.

На хуторе Малиновом Рождественского района Курской области жил фашистский прихвостень Пальчиков, произведенный гитлеровцами в бургомистры. На совести этого подлеца было немало загубленных человеческих жизней. Особенно Пальчиков измывался над семьями красноармейцев и местных активистов. Жалобы на него не раз доходили до партизан.

Семья Пальчикова — жена и двое детей — выехала в тыл. Но, боясь потерять теплое местечко, предатель говорил немцам, что семья живет вместе с ним. На этом и решили сыграть командир отряда Фильчаков и комиссар Пузин.

В одну из темных июльских ночей сорок второго года на хутор ворвались партизаны. Пальчикова застали в постели.

— Вставай! Пора держать ответ за расстрелянных и замученных, — гневно сказал командир разведгруппы Пантелеев, направив пистолет на бургомистра. Тот сразу все понял и заюлил, начал изворачиваться: «Меня заставили, не сам я...»

— Пиши, негодяй... — На столе появился лист чистой бумаги и химический карандаш. — Если сделаешь все как надо, может, и спасешь свою шкуру. Но если чуть соврешь...

Бургомистра заставили под диктовку написать в областное управление полиции гитлеровцу такое письмо: «Дорогой друг, меня и жену схватили партизаны. Жена расстреляна, такая участь ожидает и меня за верную службу фюреру. Очень прошу, если к вам обратятся мои дети — сын Виктор 12 лет (глухонемой) и дочь Екатерина 10 лет, — помогите им, отправьте в Германию. Записку передаю через доверенного человека».

Партизаны подробно выяснили родословную фашистского холуя, узнали имена, профессии, адреса его ближайших родственников.

Записка начальнику областного управления полиции быстро дошла до адресата. К этому времени были подготовлены участники операции. В партизанском отряде имени Ворошилова было несколько подростков. Выбор пал на Федю Клюева — расторопного, смелого паренька тринадцати лет. Его отец, Петр Алексеевич, был командиром авиаполка, погиб несколько месяцев назад. Мать умерла перед войной.

Эвакуируясь в тыл, мальчик пристал к одному батальону и остался в нем. Батальон попал в окружение. Феде удалось бежать в лес, где он и нашел партизан. Мальчишка ходил в разведку, не раз удачно пересекал линию фронта и передавал в штаб 40-й армии ценные для командования сведения.

Нашлась и девочка — двенадцатилетняя Валя Соколова. Эти подростки и должны были сыграть трудные и опасные роли детей бургомистра.

Федю и Валю разведчики-партизаны ознакомили с жизнью родственников Пальчикова — бабушек, дедушек, дядей и тетей. Ребята выучили назубок имена, отчества, местожительство, возраст многочисленных родственников, затвердили мельчайшие подробности о «своем» районе. Учителем был командир разведгруппы отряда Александр Соломонов. По нескольку часов в день гонял он ребят по всем нужным вопросам. Гонял небезуспешно...

То, что Федя был «глухонемой», несколько облегчало положение. Тем труднее становилась роль Вали Соколовой — Кати Пальчиковой. Ей одной предстояло отвечать на все вопросы гитлеровцев.

И вот как-то под вечер в деревне Зеленая Степь, где квартировали каратели, на улице появились мальчик и девочка. Грязные, оборванные, у мальчика на плече висела засаленная мешочная сумка с двумя кусками темного хлеба и луковицей. На детей сразу обратили внимание.

Выслушав вполне правдоподобный рассказ Вали, командир карательного отряда доложил по телефону в управление областной полиции о задержанных. Кац, который уже знал о казни предателя, приказал доставить детей к нему.

Случилось так, что ребята сразу расположили к себе гитлеровца. Оба плакали, просили защиты. Кац направил их в соседнюю деревню к старосте Воробьеву. Маленькие разведчики приступили к выполнению задания. Не в одном селе побывали они. Все высматривали, примечали, на каких машинах подъезжают к деревне фашисты, сколько их.

— Завтра поедете в Германию, — сообщили наконец им.

— Вот спасибочки! — радостно воскликнула Катя.

А ночью ребята исчезли. Гитлеровцы обшарили все дома, подполья, сараи, но не нашли. Презирая смерть, рискуя своей жизнью, Федя и Валя образцово выполнили задание и благополучно вернулись в партизанский штаб.

В три часа утра командир отряда Фильчаков по тревоге поднял партизан, и ни один фашист в деревне Зеленая Степь не ушел от пули народных мстителей.

За этот подвиг Федя Клюев был награжден орденом Отечественной

войны I степени, а на груди Вали Соколовой засиял орден Ленина. Были у юных героев другие подвиги и другие награды. Сохранился документ, подписанный бывшим командиром партизанской группы, в которой действовал Клюев, — Лукьянчиковым. Вот некоторые выписки из него:

«Тринадцатилетний партизан Федя Клюев по заданию командования четыре раза переходил линию фронта в районах Тим и Солнцево Курской области и передавал в штаб 40-й армии ценные сведения о базировании танковых и сухопутных войск фашистской Германии. Обладая мужеством и стойкостью, Федя Клюев переносил через линию фронта пакеты, содержащие секретные сведения, зная заведомо, что в случае провала фашисты применят смертную казнь».

«Зимой 1941/42 г. Ф. Клюев и пионер-партизан Володя Ткачев подожгли комендатуру, гестапо и взорвали склад в с. Медвенка. Клюев вместе с партизанской группой переправлял через линию фронта бывших военнопленных. Всего переправлено триста человек».

«Будучи в партизанах, Клюев лично уничтожил тринадцать гитлеровцев. В феврале 1943 года в районе, где действовал партизанский отряд, тов. Клюев один задержал четырех полицейских предателей, активно сотрудничавших с немецко-фашистскими захватчиками».

Кончилась война. Сын партизанского отряда Федя Клюев навсегда связал свою судьбу с Советской Армией. Окончил училище, служил в авиационных частях. В шестьдесят третьем году Федор Клюев успешно окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, а позже — философский факультет МГУ. Федор Петрович женат, растит двух дочек — Аню и Лизу.

Грудь Федора Петровича украшают ордена и медали. Много их. Они завоеваны в боях с лютым, ненавистным врагом, получены за успехи в нелегкой, но почетной армейской службе.

Долгое время мы переписывались. Я радовался успехам по службе своего тезки. Но вот связь оборвалась, след Клюева потерялся. Пришлось долго его разыскивать, слать в разные инстанции запросы. И пришло от него письмо, хорошее и радостное для меня.

Очень хотелось бы знать, где сейчас Валя Соколова, где храбрый пионер Володя Ткачев, где другие юные партизаны — боевые друзья Клюева. Хочется верить, что они живы, откликнутся и пришлют о себе весточку.

Иван ВИНОГРАДОВ

В ДВЕНАДЦАТЬ МАЛЬЧИШЕСКИХ ЛЕТ

В канун пионерского юбилея я вновь восстановил в памяти образы парнишек военных лет, встречавшихся мне на партизанских тропах. Маленькие, недавно пережившие радость приобщения к пионерской семье, они, перешагнув детство, сразу становились взрослыми. В свои неокрепшие руки вместо школьных учебников и игрушек они взяли боевое оружие, а родившаяся в юных сердцах ненависть к врагу заслонила все детские увлечения.

Редкий партизанский полк или бригада не имели своего любимца — маленького партизана. Ребята проявляли такую смелость и находчивость, что становились незаменимыми разведчиками и связными. Некоторые из них пали смертью храбрых.

Многие юные герои остались живы. Теперь им всем за сорок. Перебираю старые снимки, с которых смотрят увешанные оружием, в шубах и папахах народные мстители. На нескольких снимках — невысокий улыбающийся мальчик с круглым лицом и пытливыми глазами. Специально сшитая по его росту шинелька перетянута портупеей. На голове кубанка с ленточкой наискосок. Сбоку — пистолет, на груди — бинокль. Это Миша Богданов. Вот он стоит с командиром 6-й партизанской бригады В. П. Объедковым. На другом снимке он с комиссаром 2-й бригады В. И. Ефремовым.

...У здания Кировского райкома партии Ленинграда партизаны выстроились по команде «смирно». Ефремов подозвал Мишу:

— Приготовиться! Будешь выступать от нашей бригады.

Открывается митинг. На трибуне — Миша Богданов. Над площадью звенит его голос:

— Товарищи ленинградцы! Я вам сейчас скажу, как я вступил в ряды партизан. В сорок втором году, когда вокруг нас началась борьба с фашистами, мы всей семьей — две сестры, четыре брата и отец — пошли партизанить...

Сколько мужества, смертельной опасности скрывалось за этими скупыми словами! Рискованные разведки, бои, утомительные походы... Юный разведчик устроил на дорогах, по которым продвигались немцы, шесть взрывов, постоянно добывал ценные сведения.

Сохранился отчет с ленинградского митинга. «Пройдет время, — говорилось в статье, — и о людях, которых вы видите на этих снимках, об их легендарных подвигах народ будет рассказывать детям своим и внукам».

С тех пор прошло много лет. Где же сейчас Михаил Богданов, что с ним?

Новгород, 19 мая. В Доме культуры профсоюзов идет торжественное заседание, посвященное 50-летию пионерской организации. Выступают мальчики и девочки — показывают славную жизнь пионерии. Годы первых пятилеток, преобразования в городе и деревне, строительство социализма... В зале гаснет свет. Голос ведущего наливается металлом:

— В июне сорок первого года на нашу Родину напали немецкие фашисты. Началась Великая Отечественная война...

На сцену поднимается плотный, широкоплечий мужчина. Вглядываюсь в широкое улыбчивое лицо и безошибочно узнаю: он, Миша Богданов.

От Дома культуры профсоюзов мы шли вместе. Шли почти строевым шагом, как тогда, в сорок четвертом. Только теперь уже я подстраивал ногу под его широкие мужские шаги. Сильный, энергичный, Миша был радостно взволнован. Он то вспоминал, то спрашивал, потом снова вспоминал.

Так, за разговором, мы незаметно подошли к дому, где живет Богданов. Дверь открывает жена, Евгения Ивановна, навстречу выбегает девочка лет четырех с бантиками в косичках, рекомендуется, забавно картавя:

— Ира Михайловна Богданова.

Евгения Ивановна начинает хлопотать по хозяйству, а мы с Мишей (теперь уже с Михаилом Федоровичем) продолжаем затянувшийся разговор. Михаил рассказывает о своей послевоенной жизни. Был в детдоме, оттуда попал в ремесленное училище. После учебы работал в совхозе кузнецом. Потом перебрался к сестре Любе в Вышний Волочек, обучался на курсах шоферскому делу, получил права, стал водителем автобуса.

Михаила Федоровича все время тянуло в родные места. Обменял квартиру, приехал в Новгород, стал работать здесь. Жена — диспетчер грузового автотранспортного предприятия. Он — шофер автоколонны, водит автобус. В коллективе уважают Богданова. Да и есть за что. Водитель с большим стажем, человек прямой, честный, общительный. Ему присвоено звание «Ударник коммунистического труда».

Вспомнили общих знакомых. Некоторых уже нет. Не стало комбрига Никифора Синельникова и комиссара Василия Ефремова. Война подорвала здоровье бывших партизанских вожаков, и оба ушли из жизни в цветущие свои годы — в пятьдесят лет. Но живут, здравствуют и хорошо помнят двенадцатилетнего бойца бывшие партизаны Николай Рачков, Виктор Объедков, Александр Майоров, Борис Крицков, Екатерина Петрова, Нина Щербакова, Мария Синельникова...

Наш разговор продолжался и за ужином. Ирина принесла награды отца, бережно разложила на столе. Потом она устроила концерт: читала стихи Пушкина, Некрасова, пела детские песенки, все время поглядывая на отца, ожидая его оценки. А тот упоенно слушал трогательный голосок.

Утром Михаил Федорович надел форменную фуражку, выглянул в окно. День начинался яркий, весенний. Михаил Богданов сел за руль и отправился в рейс. По всему маршруту поблескивали стеклами новые дома. Сверкали в солнечных лучах купола Софийского собора.

В один из майских дней в Новгороде состоялся пионерский парад. Михаил Федорович как почетный пионер стоял на трибуне. Он видел перед собой сотни, тысячи радостных детских лиц, и сердце его до краев было полно счастьем и гордостью.

Юрий СВИНТИЦКИЙ

ВОЙНОЙ ОПАЛЕННОЕ ДЕТСТВО

Через Жлобин, только что оставленный нашими частями, шли оккупанты. Никто не обращал внимания на худенького мальчишку с сумкой через плечо, который стоял на тротуаре и как будто чего-то ждал.

Сначала пронеслись мотоциклисты. Он стоял и смотрел. Прогрохотали грузовики с орущими песни пехотинцами. Он проводил их сосредоточенным взглядом. Прошли танки. Мальчишка ждал.

Потом показалась штабная машина с откинутым верхом. Когда она приблизилась, мальчишка выхватил из сумки гранату и бросил ее в офицеров. Страшный взрыв уничтожил и штабистов, и самого мальчонку.

Это был четырнадцатилетний Саша Тышкевич. Накануне гитлеровские офицеры зверски уничтожили всю его семью: отца, мать, сестренок. Сам он остался жив лишь потому, что случайно в то время не был дома. И вот он отомстил.

...Война была суровым испытанием даже для зрелых и закаленных. Какие же бедствия и несчастья обрушились на детей в те жестокие годы! Их детство было опалено огнем войны. Никто не собирался использовать в военных действиях детишек. В памяти народной сохранились тысячи и тысячи случаев, когда советские люди — воины и гражданские — жертвовали жизнью ради спасения мальчишек и девчонок. Но гитлеризм шел войной не только против нашей армии и нашего государства: он стремился в конечном итоге поработить советский народ.

Я стою у одного из стендов экспозиции Гомельского краеведческого музея, посвященной Великой Отечественной войне. Рядом с портретом Саши Тышкевича висят фотографии других мальчишек, кто боролся с фашистами. Фото сделаны в предвоенные дни, и поэтому лица улыбчивы и безмятежны. Это потом недетская суровость опустит книзу уголки пока еще припухлых губ. Это потом от голода станут выпирать ключицы и западут щеки. Это позже глаза нальются ненавистью к тем, кто жег и убивал. И детские ручонки сожмут рукоятку гранаты, приклад автомата, научатся начинять взрывчаткой самодельные мины. А сколько ценнейших сведений соберут ребята на дорогах и вокзалах — сведений, доставленных партизанским разведчикам и переданных на Большую землю.

...Я внимательно разглядываю их лица.

Василек Шолухов, отважный подрывник, «лихой орленок», как называли его в отряде. Пустил под откос три вражеских эшелона. Зверски замучен гитлеровцами.

Гриша Подобедов. По доносу предателя отец Гриши, мать и две сестры были расстреляны оккупантами. Гриша пришел к партизанам и стал разведчиком. Уничтожил одиннадцать фашистов. В критический момент боя, не желая попасть в лапы карателей, последний патрон послал в себя.

Витя Кучерявый, связной и разведчик, и после зверских пыток не выдал расположения отряда и был расстрелян карателями.

— Но он жив! — сказали мне работники музея.

Я узнал домашний адрес Виктора Дмитриевича, и вечером мы встретились.

— Понимаете, — говорил Виктор Дмитриевич, машинально поправляя черную повязку, — у меня едва ли не единственный свободный вечер. Ребятишки приглашают на встречи в школы, училища, Дворцы пионеров — хотят знать, каким было детство их сверстников в суровые годы войны. Мне тогда, к примеру, едва минуло четырнадцать...

Так получилось, что отец успел уйти, проскочив сквозь огненное кольцо окружения, а Витя с матерью и сестренкой остались в Гомеле. Вскоре он встретился с человеком, которого видел прежде у отца. Тот сказал:

— Устройся на паровозовагоноремонтный.

— Помогать немцам?

— Послушайся меня, малыш. Когда вернется отец, он одобрит твой поступок.

Через несколько дней, подметая цех, Витя Кучерявый насыпал песок в буксы только что отремонтированного вагона. Потом он стал жечь в плавильной печи дефицитный сплав — баббит, портить оборудование. За этой работой его застукали местные подпольщики. А вскоре к Вите заглянул связной партизанского отряда. Через мальчонку были налажены контакты с заводчанами.

Однажды два гитлеровца, охранявшие выход с завода на железнодорожную станцию, остановили для обычной проверки двух вызванных для ремонта рабочих и мальчонку-подручного. У каждого в руках были ящики для инструментов. Когда ящики рабочих были осмотрены, один из ремонтников бросился бежать. Оба часовых кинулись к нему и схватили.

— Знаете, испугался, — простодушно усмехаясь, объяснял тот.

— Автомат — пуля — капут! — пригрозил на будущее автоматчик.

Взволнованный погоней, гитлеровец уже не обратил внимания на мальца. А в ящике у Вити Кучерявого лежали три мины. Через несколько часов эшелон с войсками, отправленный со станции, взлетел на воздух.

Когда первый раз его схватили и стали допрашивать, он сообразил, что ничего конкретного о нем гестаповцы не знали. Провокатор, который затесался в ряды подпольщиков, обратил на него внимание и посоветовал взять. Дескать, мальчишка, прижмешь его — выдаст. Но зверские пытки не заставили заговорить этого худенького мальчонку. И когда он совсем обессилел, его, полумертвого, выбросили за ворота тюрьмы. Сердобольные женщины подобрали его и принесли домой.

В городе шли повальные обыски, аресты, по ночам казнили заложников. Надо было уходить к партизанам. И семья Кучерявых пробирается в одно из сел. Виктор снова налаживает связь с партизанами. Он ходит по селам с торбочкой через плечо, собирает сведения о численности гарнизонов, о передвижении частей.

Однажды его вызвал командир партизанской бригады «Большевик» Иван Федорович Гамарко. Вместе с другими разведчиками Витя Кучерявый получает задание проникнуть в Гомель.

Вот на пути назад, в Зеленых Луках (куда он зашел к двоюродному брату, считая, что задание уже выполнено), все и случилось. Их схватили обоих по доносу старосты и отдали в руки карателей.

— Мы уничтожим бандитов, — сказал офицер-каратель. — Видишь, сколько мы имеем войска? Сопротивляться бесполезно. Вы будете показывать нам дорогу.

Они не показали. Несмотря ни на какие пытки и истязания.

— Вы будете мертвыми, — махнул рукой офицер. — Расстрел!

...Их вели по старому парку. Огромные многолетние липы роняли ярко-желтые листья, и они шелестели под ногами. Кровавое солнце садилось за лес, в котором были партизаны. Виктор помнил, как погибали матросы в кинофильме «Мы из Кронштадта». Как плыл через Урал раненый Чапаев и как они, мальчишки, требовательно кричали в зале: «Подмога!»

Их повернули к стене, и Виктор почувствовал на затылке мертвый холод ствола...

Ночью жившая неподалеку Валентина Новикова проснулась — ей показалось, что кто-то скребется в дверь. Обмерев, она подошла поближе и прислушалась. Стонал ребенок. Женщина решилась открыть дверь. То, что она увидела, заставило ее отшатнуться...

Очнулся Виктор уже в партизанской бригаде. Первым же самолетом он был отправлен в Москву, к лучшим хирургам. И жизнь бесстрашного разведчика была спасена.

Виктор Дмитриевич показывает письма, фотографии, вырезки из газет:

— Теперь у нас в Белоруссии есть «Батальон белорусских орлят». Меня избрали в состав его штаба.

Родина-мать свято хранит имена своих мальчишей-кибальчишей. Многие из них, воевавшие на земле Белоруссии, удостоены посмертно высоких наград.

Марат Казей, юный партизан-разведчик. Героически погиб при выполнении задания. Герой Советского Союза.

Зина Портнова. Эта юная подпольщица выполняла опасные и ответственные задания. Была схвачена фашистами. Сумела на допросе завладеть пистолетом, застрелить допрашивавшего ее офицера-гестаповца, а потом еще двоих. Зверски замучена январским утром сорок четвертого. Герой Советского Союза.

Они — как на поверке. В одном ряду с суровыми солдатами и народными мстителями, отстоявшими свою землю, добывшими Победу, навечно оставшимися в нетленной памяти народной.

Лев ЯНОВСКИЙ

ТЕЗКА ЛИНКОРА

В белорусском селе Станьково жил тракторист, который долгое время служил на флоте, плавал на линкоре «Марат».

Когда у него родился сын, он назвал его именем родного корабля. Иван Георгиевич Казей обещал подросшему сынишке:

— Свожу, дай только срок, тебя на «Марат».

Сшил даже мальчугану для такого случая матроску — белую блузу с большим синим воротником.

Не пришлось, однако, Марату посмотреть на отцовский корабль. Ранней весной, накануне пахоты, Иван Георгиевич тяжело заболел и вскоре умер. А летом разразилась война.

В Станьково нагрянули фашисты. Осенней ночью мама Марата, Анна Александровна, подожгла вражеский склад. Гитлеровцы дознались, кто вредит им. Они арестовали Анну Александровну, казнили ее.

Осталась у Марата одна только старшая сестра — Ада. Да и с ней пришлось расстаться. Девушка ушла в партизанский отряд, в бою ее тяжело ранило. Партизаны отправили Аду самолетом в госпиталь, на Большую землю. Прощаясь с братишкой, Ада передала ему свой автомат. А тот ей — матроску, подаренную отцом. Просил беречь. Сам же надел шинель, шапку с приколотой наискосок красной лентой.

Много раз ходил пионер в разведку. Последняя разведка была майским утром сорок четвертого.

...Когда Ада вернулась в освобожденное родное село, ей рассказали, как сражался и погиб ее четырнадцатилетний братишка. Посмертно ему присвоили звание Героя Советского Союза.

Матроску Ада сохранила. Однажды Ада, Ариадна Ивановна, ставшая учительницей, Героем Социалистического Труда, узнала: отправился в плавание океанский теплоход, на борту которого начертано: «Марат Казей». Вскоре капитан этого корабля прислал Ариадне Ивановне письмо, в котором

сообщал: есть, мол, на нашем судне небольшой музей Марата, не отыщется ли у вас какой экспонат. Вот и вспомнила учительница про матроску.

А мне захотелось рассказать вам о матроске вот почему.

Во-первых, мы ровесники с Маратом, оба белорусы, оба как умели помогали в войну партизанам. Потом, уже после войны, я сам служил на военном корабле, полюбил море, которое так и не довелось увидеть Марату. И, наконец, самое, по-моему, любопытное: ведь мы, довоенные пионеры, шефствовали над линкором «Марат». Замечательная была у нас дружба с моряками!

Корабль принял имя

Имена юных патриотов на борту судов. Родина славит тех, кто пал смертью героя на поле брани. И сегодня ко всем материкам несут гордый флаг Страны Советов корабли, через моря и океаны прокладывая путь к народам и странам. Море — великая дорога мира.

«Марат Казей», «Саша Ковалев», «Леня Голиков», «Валя Котик», «Володя Щербацевич», «Олег Ольховский», «Саша Бородулин», «Володя Дубинин», «Вася Курка», «Толя Комар», «Боря Цариков»...

Более сорока судов морского торгового флота носят имена юных героев, совершивших подвиги во время Великой Отечественной войны.

Олег **МОСКОВСКИЙ**

ЮНОСТЬ БОЕВАЯ

Операция «Эшелон»

Полковник Шерстнев, заканчивая совещание в Центре, попросил остаться в кабинете офицера Белова, координировавшего деятельность разведчиков в Белоруссии.

— Ну что там у Лана?

Белов прочитал радиограмму, полученную от Баглая:

«Центру от Лана. Через Бо́бруйск к Жлобину 17 апреля проследовало 2 эшелона. Один — с артиллерийской частью, другой — 28 платформ с сеном».

Шерстнев машинально провел ладонью по подбородку, словно проверяя, насколько гладко он выбрит, и сказал офицеру:

— Не нравится мне это сено.

Белов уточнил:

— Мы уже кое-что выяснили, товарищ полковник. На этом участке фронта у гитлеровцев нет никаких кавалерийских частей.

— То-то и оно. Загадочный эшелон. Судя по всему, это камуфляж и фашисты хотят нас ввести в заблуждение.

«Лану из Центра. Необходимо выяснить, что маскируют гитлеровцы под сеном в эшелонах, которые следуют через Бобруйск, их маршрут».

Теплый апрельский вечер. Сумерки опускались на землю. На окраине Бобруйска у широкого, поросшего кустарником луга ночные дозоры гитлеровцев с вечера занимали позиции на случай нападения партизан.

У одного из домов пригорода Бобруйска — деревни Деднoво мелькнула тень. Неслышно открылась дверь, и человек скользнул внутрь.

— Проходи, Александр Иванович. — Баглай пропустил гостя вперед. — Заждался я.

— Что нового из Центра, Михаил Григорьевич? — с порога спросил Седов.

Баглай дословно передал текст радиограммы об эшелоне с сеном. Седов поинтересовался:

— Что-нибудь выяснил?

— Мои люди на станции не смогли подойти к эшелону. — Баглай огорченно развел руками. — Усиленная охрана, путевая бригада и машинист — немцы.

— Это не меняет дела. Нам крайне важно знать, что скрывается под этим сеном. Неспроста такая охрана.

— Придется сына послать, — вздохнул Баглай. — Взрослому на станцию не пройти, а он вроде бы уголь будет подбирать. Может, что и заметит. А главное, сообщит о прибытии эшелона. Если не получится у Кима, попробуем другой вариант.

...Паровоз, попыхивая, подходил к станции. По тому, как забегали охранники, как заспешили на перрон подразделения гитлеровцев, Ким догадался: эшелон ожидается не простой. Это был тот самый товарняк с сеном, который отец наказывал ему караулить на станции.

О том, чтобы подойти к поезду близко, не могло быть и речи — по путям сновали эсэсовцы с собаками. Заметив, что паровоз становится под кран для заправки водой, мальчик, не торопясь, пошел от станции, а свернув за угол, бросился бежать к дому подпольщика Василия, которому должен был сообщить о прибытии загадочного эшелона.

Василий все понял с полуслова и начал собираться:

— Ты, Ким, ступай домой. Живо. А я буду встречать состав у поворота.

...Сразу же за городом железная дорога делала крутой поворот. На этом месте составы всегда замедляли ход. Именно здесь, затаившись в кустах возле путей, Василий поджидал эшелон. Он понимал, что идет на большой риск. Но только тут был шанс вскочить на платформу и определить, что находится под сеном.

Одиночество тяготило партизана: случись с ним что — никто не узнает.

Вдруг рядом послышался шорох. Василий, мгновенно повернувшись, выхватил пистолет и замер в изумлении — к нему подползал Ким.

— Дядя Вася, — прошептал мальчик. — Я вспомнил. На станции между пятой и седьмой платформами, кажется, не было часовых. — Ким умоляюще посмотрел и добавил: — Не гони только... Вдруг пригожусь?

Василий искренне обрадовался мальчику — вдвоем веселее. Подмигнул:

— Недаром тебя назвали в честь Коммунистического Интернационала Молодежи. Солидарный ты парень... — И сказал уже серьезно: — Спрячься в кустах метрах в десяти от меня, впереди по ходу поезда. Когда я поднимусь на платформу и начну сено перетаскивать, гляди в оба. Понял?

По гулу рельсов определили, что эшелон подходит. Вот он все ближе и ближе. На повороте, как и предполагали, паровоз замедлил ход. Мимо прошли первые платформы. И тут Василий стремительно выскочил из кустов, ухватился за металлический поручень и, бросив свое сильное тело на платформу, пополз к стогу из тюков прессованного сена.

Через секунду-другую какой-то звук заставил Василия приподнять голову. На мгновение он похолодел — в метре от него стоял здоровенный, обсыпанный сеном гитлеровец. Он настороженно смотрел вниз.

Ким заметил охранника и, отвлекая его внимание на себя, бросился к платформе.

— Дяденька, мне в Жлобин нужно, — плаксиво тянул Ким и, ухватившись за поручень, полез на платформу.

Эти секунды спасли Василия. Он вскочил на ноги и ударил гитлеровца по голове зажатым в руке пистолетом. Охнув, фашист осел.

Переложить в сторону тюки было делом нескольких секунд. Сначала показались траки танка, затем черно-белый крест на борту.

Словно отдышавшись на повороте, поезд снова стал набирать скорость. Первым спрыгнул Ким, затем — Василий.

Уже смеркалось, когда они пришли в дом Баглаев.

— Что так долго? — озабоченно спросил Михаил Григорьевич.

Василий хотел рассказать все по порядку, но, не вытерпев, ошарашил:

— Танки под сеном — вот что. — И торжествующе посмотрел на Седова. — Танки, которые мы... то есть я... — виновато и неумело пытался он оправдаться в том, что взял с собой Кима. Но мальчик, не заметив промаха Василия, подлил масла в огонь:

— А у танка, дядя Саша, сбоку на башне знак.

— Какой еще знак? — насторожился Седов.

Ким при свете лампы огрызком карандаша, как мог, нацарапал череп и кости.

— Неужели «Мертвая голова»? — недоверчиво протянул Седов. — Ну ладно. Разберемся. А вы, герои, марш отдыхать.

— Товарищ полковник, разрешите войти?

Полковник Шерстнев поднял глаза на вошедшего Белова:

— Что у вас?

— Сведения, переданные Ланом, подтвердились. По данным, полученным из других источников, эшелоны с танками следуют через Бобруйск и Жлобин на юго-восток, и далее — в центр России...

Полковник подошел к карте и прикинул на ней путь следования эшелонов. Карандаш в его руке замер на углу красной линии, выступом входившей в немецкую оборону.

Так советское командование получило еще одно подтверждение того, что фашисты стягивают на Курскую дугу большое количество техники, в том числе и танки.

Удар по аэродрому

Долговязый жандарм с металлической бляхой на груди, неожиданно выйдя из-за дерева, изучающе поглядывал на подходившего к нему мальчика. Ким внутренне сжался, не ожидая ничего хорошего от встречи с фашистом.

— Дяденька, пропустите. Я в соседнюю деревню, к больной тете, — слезно причитал Ким. — В обход далеко, боязно. А через аэродром — рядом. Меня всегда пускали.

Но жандарм не слушал объяснений. Он жадно вглядывался в корзину с яйцами, которую оборванный мальчуган держал в руке.

— Комм — иди сюда. Их либе яйко и сало, — приговаривал он, торопливо рассовывая съестное по карманам.

Ким в душе радовался — может, забудет обо всем гитлеровец и пропустит его по дороге через аэродром.

Но не успел он сделать и двух шагов, как прозвучало «хальт!» и грубый рывок бросил его на землю.

Серые недобрые глаза фашиста словно сверлили Кима:

— Цурюк!

Ким, понурив голову, поплелся назад к чернеющей окраине Деднова. Он так и не смог выполнить поручение Седова — посмотреть, сколько фашистских самолетов на аэродроме.

Но Седов, к удивлению мальчика, нисколько не расстроился из-за этой неудачи.

— А до войны ты на пустыре у аэродрома что делал? — спросил Александр Иванович.

— В Чапая играл с мальчишками...

— Ну вот и на этот раз во что-нибудь сыграйте. Подбери хлопцев побойчее. В общем, действуй. — И ободряюще улыбнулся.

...Часовые поначалу с неохотой, а потом все заинтересованней поглядывали на стайку ребят, с визгом и криком налетавших друг на друга. А когда возникла куча мала, фашисты, казалось, забыли обо всем. Они азартно подбадривали ребятишек, не возражая против того, что финал битвы переместился прямо к колючей проволоке, вплотную к ангарам. И когда побежденные посадили победителей на плечи и «повезли» домой, часовые гоготом и улюлюканьем проводили драчунов. Им было невдомек, что самый бойкий и шустрый мальчонка, бегая вдоль колючей проволоки, считал самолеты.

Выслушав Кима, отец и Седов удовлетворенно переглянулись.

— Правильно, все цифры сходятся. Помог ты нам, Ким, здорово. Иди-

ка, брат, погуляй, — сказал Александр Иванович и обратился к Баглаю:

— Ну, Михаил Григорьевич, дело за тобой. Теперь нужно учитывать каждый самолет, который поднимется с аэродрома или сядет на него.

Посылая Кима на это задание, ни отец, ни Седов не хотели, конечно, подвергать его опасности. Ранее подпольщикам попала в руки копия такого приказа:

«Начальнику ГФП-718 (тайная полевая полиция — *Прим. авт.*) Бобруйска... Приказываю сменить весь обслуживающий персонал из местных жителей. Вновь начавших работу на аэродроме перевести на казарменное положение.

Военный комендант г. Бобруйска Ф. Гоффман».

Так подпольщики после замены персонала лишились своего человека на аэродроме, а значит, и возможности получать достоверную информацию. Вот почему Баглай и Седов послали на задание Кима.

«Центру от Лана. На аэродроме находится свыше 60 самолетов. В одном километре севернее развернут ложный аэродром».

Через несколько дней вечером, когда очертания домов стали сливаться с чернеющим небом, послышался рокочущий гул. Это летели наши бомбардировщики. После бомбового удара аэродром надолго был выведен из строя.

В Москве

В середине июня партизаны узнали, что гитлеровцы напали на след разведчиков. Связная подпольщиков Вера поспешила предупредить об этом Баглая.

Проходя мимо дома Михаила Григорьевича, она заметила игравшего во дворе Кима. Замедлив шаг, тихо сказала:

— Передай отцу, что дома оставаться нельзя. Скорее уходите в лес. — И, не оборачиваясь, повернула за угол.

...В партизанской бригаде с нетерпением ждали вестей от подпольщиков. И какова же была радость партизан, когда на следующее утро в землянку вошли смертельно уставшие, но целые и невредимые Баглай с сыном и радисткой.

Седов сообщил о случившемся в Центр. Оттуда последовало категорическое распоряжение:

«Седову, Баглаю с Кимом ближайшим самолетом вылететь в Москву. Радистке оставаться в партизанской бригаде до особого распоряжения».

Шло время, а самолета с Большой земли все не было — начались затяжные дожди. Наконец в один из ясных августовских дней на партизанском аэродроме приземлились два самолета. Седов решил лететь на первом с тяжелоранеными, чтобы в Москве встретить Баглая с сыном, которые должны были прилететь следующей ночью.

Но самолет с Баглаем и Кимом не прилетел в Москву ни на второй, ни на третий день. Выяснилось, что при перелете через линию фронта он был обстрелян фашистами и потерпел аварию.

В Центре забеспокоились — о разведчиках не было никаких сведений.

Полковник Шерстнев вызвал в кабинет майора Седова.

— Что-нибудь выяснили о Баглае с сыном?

— После аварии самолета они решили добираться в Москву самостоятельно. И вот — как в воду канули, товарищ полковник.

— Ускорьте поиски. Не иголка же они в стоге сена, — бросил Шерстнев.

В комнату к дежурному по отделению милиции Октябрьского района Москвы вошел постовой и доложил, что задержаны двое подозрительных — документов нет, фамилии говорить не хотят.

— А ведут себя как? — поинтересовался капитан милиции.

Постовой пожал плечами:

— Нормально ведут. Даже, пожалуй, солидно.

— Давай их сюда.

Когда в комнату вошли невысокий коренастый мужчина в очках и мальчик, милиционеры, сидевшие в дежурке, посмотрели на них с интересом.

— Ну что, голуби, молчите?

— Так все равно вы нам без документов не поверите...

— И то верно, — подтвердил дежурный. — Так что будем делать?

Мужчина с достоинством ответил:

— Соедините меня... — И назвал номер телефона, который сообщил ему Седов в партизанском отряде.

Когда в телефонной трубке послышался голос ответившего, капитан милиции, с интересом глядя на мужчину, протянул ему трубку. Тот взял ее и твердо сказал:

— Передайте командованию: Лан прибыл в Москву. Нахожусь в отделении милиции Октябрьского района.

Через несколько минут раздался телефонный звонок. Из управления сообщили, что в отделение выехала машина.

Вскоре вошел Седов. Навстречу ему бросились Михаил Григорьевич и Ким. Александр Иванович обнял каждого, расцеловал:

— Ну и попало мне за вас! Собирайтесь, поехали!

Когда в Свердловский зал Кремля вошел Михаил Иванович Калинин, все зааплодировали. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Горкин стал зачитывать Указ о награждении отличившихся в боях с фашистами. К Михаилу Ивановичу Калинину подходили награжденные. Он крепко жал каждому руку, благодарил, говорил теплые слова.

Вскоре и Михаил Григорьевич вернулся с удостоверением и коробочкой, в которой сверкал орден Отечественной войны I степени.

И вот прозвучало: Баглай Ким Михайлович.

Ким робко встал с места, неуверенно пошел к Калинину. Все привстали, чтобы лучше рассмотреть маленького героя. Михаил Иванович Калинин прикрепил к груди Кима медаль «За отвагу», пожал ему руку и, обращаясь к залу, с гордостью сказал, обнимая мальчика за плечи:

— Вот какая у нас растет смена!

И зал снова разразился аплодисментами.

В ноябре сорок третьего года Кима Баглая направили на учебу в Калининское суворовское военное училище. Но спустя три месяца Ким сбежал на фронт. Правда, не попал туда — его задержали в Москве. Так и остался вместе с отцом при Центральном штабе партизанского движения. А в июле сорок четвертого года, уже после освобождения Бобруйска, Баглаи вернулись домой.

Михаил Григорьевич работал в горисполкоме. Теперь он на пенсии, живет в Бобруйске, в том самом доме, из которого руководил подпольной группой в годы фашистской оккупации.

Ким Михайлович Баглай — прапорщик, инструктор парашютно-десантной службы. На его счету около семисот прыжков.

Живы и некоторые другие герои бобруйского подполья. Так, Седов — полковник запаса, трудится в одном из научно-исследовательских институтов.

Записи бесед с бывшими разведчиками, их воспоминания, архивные материалы послужили основой для написания этого очерка.

Алевтина ЛЕВИНА

ПОВЕСТЬ О КОМСОМОЛЬСКОМ БИЛЕТЕ

Фронтовая жизнь Юры Жданко, витебского школьника, началась в июле сорок первого года. Последние наши части с боями оставляли Витебск. Уже взорваны были мосты через реку. Отступавшим бойцам вызвался показать брод десятилетний мальчик. Назад пройти было нельзя, город заняли фашисты. Красноармейцы взяли мальчишку с собой.

В одиннадцать лет на фронте его приняли в комсомол. За образцовое выполнение особого задания маршал Ворошилов лично объявил ему благодарность.

В двенадцать лет ему вручили орден Красной Звезды.

В тринадцать лет ветеран 332-й дивизии рядовой Юрий Жданко был контужен и отправлен в тыл.

Был Юра воспитанником стрелковой роты. Разведчиком.

Если бы о его фронтовой жизни снять фильм, то, отдав должное выдумке и изобретательности авторов, мы бы тем не менее упрекнули их в излишней закрученности сюжета, а то и в неправдоподобии. Однако жизнь нередко оказывается изобретательнее любого вымысла...

В наградах, которыми Родина отметила юного воина, нет скидки на его годы, награды эти заслужены выполнением сложнейших заданий командования на фронте и в тылу врага. И нет ошибки в том, что комсомольский билет выдали ему не в четырнадцать, как полагается по уставу, а в одиннадцать. Так постановила комсомольская организация роты. И записали в протоколе: «Просить ЦК комсомола в порядке исключения принять в комсомол Юрия Ивановича Жданко досрочно, за особые заслуги в боевой работе». В сорок втором году начальник политотдела дивизии полковой комиссар Асулгариев выдал Юре билет № 17445064. Сейчас он находится в минском Музее истории Великой Отечественной войны.

Заявление о приеме в комсомол Юра написал, вернувшись из вражеского тыла, с трудного и опасного задания. Да, он был очень юн. Но за год с

небольшим войны пришлось мальчишке повидать и пережить такое, чего иной не увидит и за всю долгую жизнь. И он уже научился отвечать за свои поступки со всей серьезностью взрослого человека.

В полку Юра был всеобщим любимцем. Солдатам, разлученным войной с родными, маленький воин напоминал дом. Воины постарше видели в нем своего сына, оставленного где-то далеко. Все старались пригреть и приласкать его. И не было малолетнему солдату ни в чем отказа. Обмундирование шили для него специально. Отдельно ему тачали сапоги. И последний, бывало, кусок берегли для него.

Но случалось, что командир звал мальчишку к себе, начинал разговор словами: «Приказывать тебе, Юра, я не имею права...» Значит, была нужда в нем, наступал час, когда сам возраст его и детский вид могли сослужить службу боевым товарищам. Без сожаления снимал мальчишка щегольское свое, любовно сшитое по фигуре обмундирование и переодевался в жалкие лохмотья, сохраняемые для такого случая.

Разведка всю войну была на переднем крае. И там, где бойцам, скрываясь, надо было ползти, оборванный мальчишка с нищенской сумой мог идти открыто, в полный рост.

...Сколько изголодавшихся, потерявших семьи детей бродило тогда по дорогам войны! Среди этих ребят было немало настоящих бойцов, разведчиков, партизанских связных. Даже сегодня мы не можем точно назвать их число: ведь юные солдаты часто не значились ни в каких воинских списках.

Юра служил в разведке. Он видел, как работают взрослые, и многому научился у них. Сведения, добытые им, не приходилось ни дополнять, ни уточнять. Сообразительный, шустрый мальчишка в малые свои годы стал настоящим профессионалом.

И вот однажды командир снова вызвал его и сказал, что приказывать не имеет права.

В партизанском отряде ждали помощи. Отряд попал в тяжелое положение, и командование попросило прислать опытного разведчика.

Горели костры в лесу. На их огонь летел с Большой земли самолет. Разведчик прыгал ночью с парашютом. Его встречали. И встретили... мальчишку.

Прошли годы. Многое стерлось в памяти Юрия. Но он хорошо помнит, что деда, к которому его определили «внуком», звали Власом. Он был старостой в деревне. На квартире у него жил немецкий офицер, в сейфе которого лежали секретные документы, интересовавшие партизан.

Несколько дней «дедов внук» топил в доме печи, мел полы, носил ведра с водой, приглядываясь к обстановке, изучая распорядок дня офицера. Вместе с дедом он придумал план действий.

Юра выждал момент, когда офицер вышел, не закрыв сейфа...

Конечно, лестно бы рассказать дальше, сколь ценные документы там оказались. Но Юрий Иванович Жданко не прельщается возможностью домыслить продолжение. Он говорит: «Дальнейшие подробности мне неизвестны. Я выполнил задание, и мы с дедом Власом тотчас ушли к партизанам».

Ночью из-за линии фронта снова прилетел самолет. Забрал раненых партизан, фашистские документы и юного разведчика.

Самолет привез его в Москву. Да, его могли и хотели оставить в детском доме. Но для боевых друзей он был не только бездомным ребенком. Он был для них надежным и смелым товарищем, находчивым разведчиком. И он вернулся в часть.

После этого задания и подал Юра заявление в комсомол. И услышал от старших товарищей: достоин!

Дети на войне... Может быть, это самая страшная, самая горькая страница Великой Отечественной. Неокрепшие души, открытые ужасам войны. Неокрепшие руки, сжимающие автомат или гранату. Но народная война не обошла их стороной.

Годы открывают нам все новые и новые имена юных бойцов Великой Отечественной. И это не случайно. Не такое легкое дело отыскать юных участников войны. Выросшие на фронте, свою военную жизнь они считали обыденной. Воевала вся страна, и они не задумывались о своей исключительности.

Вернемся снова к судьбе Жданко.

После того рейда в тыл врага многое было в его фронтовой жизни. Участвовал в подрыве стратегически важного моста: охране этого объекта целую неделю носил рыбу; высматривал пулеметные точки, удобный подход для подрывников. Вынес важные документы попавшего в окружение батальона. На линии фронта под вражеским огнем подобрал трехлетнюю девочку (ее и в детдом сдали под фамилией Жданко). Случалось пробиваться из окружения. И ранен был, и контужен...

Но после войны долгое время даже товарищи по работе ничего не знали о прошлом Юрия. После контузии в конце войны он остался в Москве, окончил ремесленное училище. Исполнилось восемнадцать лет — пошел служить в армию. Теперь уже по призыву.

Только в конце второго года службы встретил знакомого по фронту командира: «Жданко! Как ты в армии оказался? Ведь ты фронтовик, прошел настоящую школу жизни. В чем дело?»

Оказалось, постеснялся призывной комиссии о себе рассказать. Сверстники служат, а он почему не должен?

Да, мало кто знал о военном прошлом электросварщика Жданко. Знали его как прекрасного специалиста. Объездил рабочий Жданко полмира, варил трубы во Франции, Афганистане, Монголии. И только когда в газете появилась статья бывшего фронтового корреспондента Дружинина, который просил помочь разыскать юного разведчика, — и узнали товарищи, что у молодого ещё человека богатое боевое прошлое.

Бывший фронтовик, боец «Батальона белорусских орлят» Юрий Иванович Жданко ведет большую военно-патриотическую работу. Почти каждый день приходят к нему посланцы пионерских отрядов с просьбой выступить, рассказать о прошлом. И никогда не знают отказа.

О чем рассказывает пионерам Юрий Жданко? Конечно, о своих боевых товарищах. О комиссаре дивизии Лоскутове. О командире взвода связи

Козлове, который преподал ему, юному фронтовику, первые уроки арифметики и грамматики. О пулеметчике Быстрове, виртуозно работавшем на «станкаче». О комсорге Георгии Тюрине, санинструкторе Вере, минере Блохине... Он рассказывает ребятам о товарищах по «Батальону белорусских орлят», об их судьбах. Рассказывает сегодняшним мальчишкам и девчонкам о военном прошлом: не о лихих и захватывающих приключениях — о суровой правде жизни.

Меньше всего говорит о себе. Наверняка ребята — и те, перед которыми он выступал в Витебске, и те, с которыми он переписывается, — не знают, что недавно на завод электроизмерительных приборов, где работает Юрий Иванович, врачи обратились с просьбой сдать кровь для умирающего человека. Жданко, перенесший тяжелую контузию, человек не блестящего здоровья, мог бы остаться в стороне, никто бы его в этом не упрекнул. Но он пошел первым. И у него оказалась самая подходящая группа крови. «Сколько вы можете сдать?» — спросили его врачи. «Сколько возьмете», — был ответ. За один раз он сдал самую большую из возможных дозу крови.

Как-то в Москве встречались ветераны 4-й ударной армии. Приехал в Москву и Юрий Жданко. Пришел на площадь Коммуны. И сразу увидел боевых друзей, постаревших, поседевших. Юрий Иванович подошел к одному, к другому: «Узнаёшь?» На него смотрели недоверчиво. Нет, его не узнавали. До тех пор, пока не назвал себя. А потом достал фронтовую фотографию: среди замершего строя бойцов мальчишка в пилотке, никому не достающий и до плеча.

Альберт ЛИХАНОВ

ПАРЕНЕК ИЗ ГОМЕЛЯ

Гитлеровцы появились в городе неожиданно. Так считал Борька.

Сначала, осторожно ворочая пушками из стороны в сторону, будто принюхиваясь, прошли танки, потом прикатили огромные грузовики, и город сразу стал чужим. Немцы были всюду: толкались полуголые у колонок, шастали по домам и выходили оттуда, будто спекулянты рыночные, с узлами всякого барахла, и вслед им тоскливо смотрели белесыми глазами бабки и крестились на восток.

К Цариковым немцы не зашли. Да и что с того? Мама уехала с братом в Саратов. А он, Борька, уходит с отцом в лес, в партизаны. Только отец раньше. Сначала он, Борька, должен зайти к деду. Так договорились с отцом.

Борька вышел на улицу.

Он перебегáл от дома к дому, прячась за углами, чтобы его не увидели немцы. Но они занимались своими делами, и никто не смотрел на Борьку. Тогда он пошел прямо по улице, сунув для независимости руки в карманы. А сердце билось тревожно. Он шел через весь Гомель, и его не останавливал никто.

Он вышел на окраину. Вместо домов торчали печные трубы, как кресты на могилах. За трубами, в поле, начинались траншеи. Борька пошел к ним, и снова никто не окликнул его.

Чадили головешки на многих пожарищах, колыхалась трава, уцелевшая кое-где.

Озираясь по сторонам, Борька прыгнул в траншею. И разом все в нем застыло, будто остановилось даже сердце. На дне траншеи, раскинув руки, лежал среди пустых гильз боец с черным лицом. Он лежал спокойно, и лицо у него было спокойное. Рядом, аккуратно прислоненная к стенке, стояла винтовка, и казалось, что боец спит. Вот полежит немного и поднимется, возьмет свою винтовку и снова станет стрелять.

Борька смотрел на бойца, смотрел пристально, запоминая его, повернулся наконец, чтобы идти дальше, и рядом увидел еще одного убитого. И дальше, и дальше вдоль траншеи лежали люди, недавно, совсем еще недавно живые.

Вздрагивая всем телом, не разбирая дороги, Борька пошел обратно. Все плыло перед глазами, он глядел лишь себе под ноги, голова гудела, звенело в ушах, и он не сразу услышал, что кто-то кричит. Тогда он поднял голову и увидел перед собой гитлеровца.

Фашист улыбался ему. Он был в мундире с закатанными рукавами, и на одной руке у него — от запястья до самого локтя — часы. Часы... Солдат сказал что-то, но Борька не понял его. Гитлеровец все лопотал и лопотал. А Борька, не отрываясь, смотрел на его руку, на его волосатую руку, унизанную часами. Наконец немец повернулся, пропуская Борьку, и Борька, озираясь, пошел дальше, а немец все смеялся, потом поднял автомат — и за Борькой, всего в нескольких шагах, брызнули пыльные фонтанчики.

Борька побежал, солдат захохотал вслед, и тут только, одновременно с

автоматными выстрелами, Борька понял, что эти часы фашист снял с наших. С убитых.

Странное дело — дрожь перестала бить его, и, хотя он бежал, а немец улюлюкал ему вслед, Борька понял, что больше не боится. Будто что-то перевернулось в нем. Он не помнил, как очутился опять в городе, около школы. Вот она — школа, но это уже не школа — немецкая казарма. В Борькином классе на подоконнике солдатские подштанники сушатся. Рядом гитлеровец сидит, блаженствует — пилотку на нос надвинул, в губную гармошку дует.

Прикрыл глаза Борька. Почудился ему шум многоголосый, смех переливчатый. Знакомый смех. Не Надюшки ли со второй парты? Почудился звон ему редкий, медный. Будто Ивановна, уборщица, на крылечке стоит, на урок зовет. Открыл глаза — снова немец пиликает, немцы по школе расхаживают, будто всю жизнь они в Борькиных классах живут. А ведь где-то там, на кирпичной стенке, ножичком имя его процарапано: «Борька». Вот только надпись и осталась от школы. Поглядел Борька на школу, поглядел, как ходят в ней гады эти проклятые, и сердце сжалось...

Улицы, как малые речки, вливались одна в другую, становились все шире. Борька бежал вместе с ними и вдруг споткнулся будто... Впереди, посреди развалин, стояли оборванные женщины, дети — много-много. Вокруг сидели овчарки с прижатыми ушами. Между ними с автоматами наперевес, с закатанными рукавами, как на жаркой работе, прохаживались солдаты, пожевывая сигареты. А женщины, беззащитные женщины, топтались беспорядочно, и оттуда, из толпы, слышались стоны. Потом вдруг что-то затарахтело, из-за развалин выехали грузовики, много грузовиков, и овчарки поднялись, оскалив клыки; зашевелились и немцы, подгоняя женщин и детей прикладами.

Среди этой толпы Борька увидел Надюшку со второй парты, и Надюшкину маму, и уборщицу из школы, Ивановну. «Что делать? Как им помочь?» Борька наклонился к мостовой, схватил тяжелый булыжник и, не отдавая себе отчета в том, что делает, бросился вперед. Он не видел, как обернулась в его сторону овчарка и как солдат щелкнул у нее замком на ошейнике. Собака пошла, не побежала, а пошла на Борьку, уверенная в легкой победе, и немец отвернулся тоже без всякого интереса к тому, что произойдет у него за спиной. А Борька бежал и не видел ничего. Но собаку увидели мама Надюшки и Ивановна. Они закричали: «Соба-ка! Соба-ка!» Они закричали так, что на площади даже тихо стало, и Борька увидел овчарку. Он повернулся и побежал. Побежала и собака, раззадоривая себя, зная, что до цели несколько сильных прыжков. Борька мчался быстрее ее, повернул за угол, и в тот момент, когда повернула за ним и овчарка, гитлеровец, хозяин ее, обернувшись, засмеялся. Женщины закричали снова. И крик их будто подхлестнул Борьку. Сжавшись как пружина, он распрямился и взлетел на груду кирпича и мусора. Обернувшись, он увидел овчарку.

И крик женщин, и собачья морда с оскаленными зубами будто наполнили Борьку страшной силой. Глянув еще раз отчаянно в глаза собаки, собравшейся прыгнуть, Борька схватил ржавый лом и, коротко размахнувшись, выставил его навстречу собаке. Овчарка прыгнула, глухо ударилась о кирпичи и замолкла.

Борька спрыгнул вниз и, оборачиваясь на мертвую овчарку, на первого убитого им врага, побежал снова к окраине, за которой начинался редкий кустарник. Его пересекала дорога в деревню, где жил дед...

Они шли лесной тропой, и ноги их утопали в тумане. Точно из-за занавеса выступила кузня. Дед отомкнул дверь, шагнул вперед, остановился, словно раздумывая, потом глянул по сторонам: на холодный горн, на черные стены. Развели огонь, и он замельтешил, весело переплетаясь в красные косицы. Железо калилось в нем, становилось белым и гнучим. Дед глядел в огонь задумавшись. Они и раньше ковали, дед и внук. Прошлым летом Борька все лето в деревне жил, поднаторел в дедовом ремесле, любил его, и дед радовался тому, хвастал, бывало, соседям, что растет ему взамен добрый коваль, потомственный мастер.

Молоты стучали, железо послушно гнулось. И вдруг дед молот остановил, сказал, кивнув на металл:

— Вишь... Вишь, она, сила-то, и железо гнет...

Борька стучал молотком по гнущемуся железу, думал над дедовыми словами и вспоминал... Женщин и детей, угоняемых неизвестно куда на машинах с крестами... Волосатого немца с часами до локтя... Розовый, со слюной оскал овчарки...

Облокотясь о колено, смотрел дед в горн, в утихающий огонь:

— Нет, ты не слухай меня, старого. Потому как сила силе рознь, и не набрать фашистам на нас никакой силы...

Они обернулись на ярко вспыхнувший свет неожиданно распахнутой двери и увидели гитлеровца с автоматом на груди. Лицо у него было розовым от мороза, и голубые глаза улыбались. Шагнул фриц через порог, сказал что-то деду.

Дед пожал плечами.

Снова повторил румяный немец свои слова, на лай похожие. Дед головой мотнул. Посмотрел на деда фриц прозрачными глазами... И вдруг автоматом повел — и брызнуло из ствола пламя.

Увидел Борька, как не на солдата, нет, на него, Борьку, посмотрел в последний раз дед, медленно оседая, роняя из рук малый молоток — серебряный голос. Осел дед, упал навзничь. Обернулся Борька. Немец стоял в дверном проеме, улыбался приветливо, потом повернулся, сделал шаг...

Прошло не мгновение. Меньше. Оказался возле немца Борька и услышал сам густой стук молота о каску. Ткнул фрица в кузнечный пол румяным лицом, улыбкой. Рванул из побелевших рук автомат. И услышал, как зовут немца:

— Шнель, Ганс!.. Шнель!..

Борька выскочил из кузни, наспех натянув шубейку, глянув в последний раз деду в лицо. Дед лежал спокойный, словно спал... По тропке к кузне шел другой гитлеровец. Борька поднял автомат, навел на солдата, нажал крючок — и ткнулся в снег немец, торопивший Ганса.

Борька шагал целый день, проваливаясь в глубокий снег, выбиваясь из сил, ночевал в черной холодной бане на задах какой-то тихой деревни. Едва

забрезжило, он пошел снова, все дальше и дальше уходя в глубину леса, пытаясь найти партизанский отряд. Вторую ночь он провел в ельнике, трясся от мороза, но все-таки выдюжил. Утром опять в дорогу и снова шел целый день, а когда совсем выбился из сил, когда поплыли от голода оранжевые круги перед глазами, сзади скрипнул снег...

Борька резко обернулся, перехватывая поудобнее автомат, и тут же сел, слабея, в снег: на него смотрел парень с карабином в руках и с красной полоской на ушанке.

Очнулся Борька в землянке. На него удивленно глядели незнакомые люди...

Командир был строг и громко выспрашивал у Борьки все придирчиво. Когда Борька рассказал обо всем, Батя сел на круглую чурбашку, заменявшую стул, и заворошил руками волосы, уставившись в пол. И так сидел молча, будто забыл про Борьку. Борька кашлянул в кулак, переминаясь с ноги на ногу, Батя взглянул на него пристально и сказал парню, который привел Борьку:

— Поставьте на довольствие. Возьмите к себе, в разведгруппу. Ну, а оружие... — Он подошел к Борьке и ткнул тихонько в бок. — Оружие он, как настоящий солдат, с собой принес...

Сережа, тот самый парень, который нашел его в лесу, тащил на спине к партизанам, а потом стоял рядом с ним перед Батей, теперь стал Борькиным командиром, начал учить его военному делу.

Задание было особое. Как сказал разведчикам сам Батя, надо перерезать, словно ножницами, важную дорогу, остановить движение поездов. А удастся — эшелон взорвать.

Разведчики долго выбирали место, то приближаясь, то уходя в сторону от дороги.

Сережа был мрачен и гнал отряд без перекуров. По рельсам то и дело сновали дрезины с пулеметными установками и время от времени строчили длинными очередями по лесу. Через каждые полкилометра стояли часовые, их часто меняли, и не было никакой возможности подобраться к дороге. Поэтому Сережа все гнал и гнал отряд, злясь на гитлеровцев.

— Борька, — сказал он неожиданно, — не возвращаться же так... На тебя вся надежда.

Когда стемнело, разведчики подошли поближе к дороге и залегли, чтобы прикрыть Борьку, если что. А Сережа обнял его и, прежде чем отпустить, долго смотрел в глаза.

Борька полз ящерицей, маленький и легкий, почти не оставляя за собой следа. Перед насыпью остановился, примеряясь: «Ползком на нее не взобраться — слишком крутая». Он выждал, коченея, сжимая взрывчатку и нож, пока пролетит наверху дрезина, пока пройдет часовой, и бегом кинулся вперед к рельсам.

Озираясь по сторонам, он мгновенно раскопал снег. Но дальше шла мерзлая земля, и, хотя нож был Сережкин, острый, как шило, мерзлота, словно каменная, поддавалась еле-еле. Тогда Борька положил взрывчатку и стал копать обеими руками. Теперь надо всю землю до крошки спрятать под снег, но и лишнего не насыпать, чтобы не было горки, чтоб не увидел ее часовой, посветив фонариком. И утрамбовать как следует.

Борька осторожно сполз с насыпи, засыпая снегом шнур. Когда дрезина прошла, он был уже внизу. Но Борька решил не торопиться, подождать часового. Скоро прошел и немец, прошел, ничего не заметив, и Борька пополз к лесу.

На опушке его подхватили сильные руки, приняли конец шнура, молча хлопнул по спине Сережа: дескать, молодец.

Раздался неясный шум, потом он усилился, и Сережа положил руку на замыкатель. Промчалась дрезина, тарахтя из пулеметов по макушкам елей, стремительно пронеслась, будто удирала от кого-то. Через несколько минут вдали показался прямой столб дыма, превращающийся в черную неподвижную полосу, а после и сам поезд. Он шел на полной скорости, и еще издали Борька разглядел на платформах множество танков.

Он сжался весь, приготовясь к главному, сжались и все разведчики, и в ту минуту, когда паровоз поравнялся с часовым, Сережа резко дернулся.

Борька увидел, как взлетела маленькая фигурка часового, как паровоз вдруг подпрыгнул и залился малиновым светом, как накренился, плавно уходя под насыпь, и за ним послушно пошел весь эшелон. Грохотало и скрипело железо, расцветая белыми огнями, дико кричали солдаты.

— Отходим! — весело крикнул Сережа, и они побежали в глубь леса, оставив одного разведчика, который должен был считать потери.

Они шли шумно, не таясь, немцам было теперь не до них, и все смеялись и говорили что-то возбужденно, и вдруг Сережа схватил Борьку под мышки, и мальчишка полетел вверх, к вершинам елей, освещаемых красными отблесками.

Пулеметную очередь никто не услышал. Дальним молотком протукала она где-то на насыпи, длинная, злая пулеметная очередь, и свинцовая злость ее, слабея, рассыпалась впустую по лесу. И только одна пуля, нелепая пуля, достигла цели...

Борька взлетел вверх еще раз, и его опустили, сразу отвернувшись. В снегу, глотая синий воздух, лежал Сережа, чуть побледневший, без единой царапины. Разведчики, растерявшись, склонились над ним.

Борька растолкал их, снял шапку с головы Сережи. У виска чернело, расплываясь, пятно...

Подбежал, запыхавшись, разведчик, оставленный считать потери немцев. Подбежал веселый, нетерпеливый.

— Семьдесят танков, братцы!

Но его никто не услышал. Он молча снял шапку.

— Сережа... — Борька плакал как маленький, гладя Сережу по голове, и шептал, будто упрашивал его проснуться: — Сережа!.. Сережа!..

Борька смотрел, как вздрагивают тонкие крылья, рассекающие облака, и было горько и радостно у него на сердце. Он не хотел лететь в Москву, ни за что не хотел. Но Батя на прощание сказал:

— Ты все-таки слетай. Война от тебя не уйдет, не бойся, а орден получи. Получи его и за себя, и за Сережу...

Москва оказалась совсем не такой, какой ее Борька раньше видел на картинках. Не золотели купола на кремлевских соборах, не было на улице толпищ людских. Народ все больше военный, торопливый.

С аэродрома повезли Борьку в гостиницу. Когда зашли в нее, Борька оробел. Вокруг всё майоры да полковники, сапоги блестят, медали во всю грудь позвякивают, а он, мальчишка какой-то с зеленым Сережиным мешком, где паек.

В Кремле его вместе с группой притихших военных провели в зал. Борька сидел и глазел по сторонам. Наконец все сели, успокоились, и тут Борька увидел. Он даже сам себе не поверил сначала... Да, там, впереди, у стола с маленькими коробочками, стоял Михаил Иванович Калинин... Он постоял, глядя сквозь очки на людей, добрый, бородатый, совсем как на картинках, и назвал чью-то фамилию.

Борька от волнения фамилию прослушал, хлопал дольше всех, потому что человеку этому, высокому майору в форме летчика, Калинин вручил Золотую Звезду Героя Советского Союза. Борька хлопал и влюбленно смотрел на летчика.

Борьку назвали по фамилии, имени и отчеству, и юный партизан не сразу понял, что это про него.

— Цариков Борис Андреевич, — повторил Калинин, — награждается орденом Красного Знамени.

Борька вскочил и сказал вдруг из зала по-военному: «Я!»

Все засмеялись, и Калинин засмеялся, а Борька, покраснев до макушки, стал пробираться по своему ряду к проходу. Михаил Иванович протянул Борьке коробочку, пожал руку, как взрослому, и вдруг обнял и поцеловал трижды, по-русски, как целовал Борьку отец, как целовал его до войны дед... Борька хотел уже идти, но Михаил Иванович задержал его за плечо и сказал, обращаясь к залу:

— Поглядите, каков партизан! Вот не зря говорят: мал золотник, да дорог. Взорвал наш Боря вражеский эшелон, семьдесят танков уничтожил! Молодец!

И Борьке захлопали второй раз, как тому герою-летчику, и хлопали долго, пока он, все такой же как рак красный, не прошел сквозь весь зал и не сел на свое место.

И был в жизни Борьки Царикова еще один день. Тяжелый и радостный день, когда он вспомнил так рано забытое детство, тополиную метель в городе на старой улице. Это было уже после того, как партизанский отряд Бати соединился с наступающими войсками и Борька стал ефрейтором, настоящим военным разведчиком. Это было уже после того, как на своем автомате ППШ сделал он острым ножом, оставшимся в наследство от партизанского друга Сережи, тридцать зарубок — на память о тридцати «языках», которых он взял вместе с товарищами. Это было в тот день, когда Борькина часть подошла к Днепру, остановилась напротив Лоева, готовясь к прыжку через реку.

Это было в октябре сорок третьего года.

Опять была ночь, плескалась вода о прибрежные камни. К поясу

Борька привязал на тесьме Сережин нож и ступил в воду, стараясь не шуметь. Вода обожгла, и, чтоб согреться, он нырнул и под водой сделал несколько сильных гребков. Он плыл наискосок, не борясь с течением, а используя его, и приметой ему была береза на том берегу.

Фашисты беспорядочно стреляли, и пули шлепались, будто мелкие камешки, усеивая дно свинцовыми градинами. В минуты, когда Борька нырял, стараясь подольше задерживать дыхание, ракеты плавили Днепр в синий цвет. В трусах, с ножом на бечевке, дрожа от холода, Борька выполз на берег. Невдалеке слышался немецкий говор — гитлеровцы были в траншее. Идти дальше — опасно: ночью в темноте запросто можно столкнуться с немцем носом к носу, да и заметнее в темноте голый человек. Борька оглянулся. Целил он на березу и выплыл точно к ней. Мышью шмыгнул к дереву, влез на него, укрывшись в ветках. Сидеть тут было опасно. Нет, немецкие трассы шли ниже, но в ответ изредка огрызались и наши, и эти выстрелы могли пройтись по дереву. Эх, знать бы раньше, можно было предупредить. Борька замер там, наверху. Место было отличное. По огонькам сигарет, видным сверху, по голосам угадывались траншеи, ходы сообщения, окопы, землянки.

Гитлеровцы готовились обороняться, и земля вокруг была изрыта траншеями. Громоздились доты, наспех замаскированные. Борька глядел на землю, раскинувшуюся перед ним, и каждую точку, будто картограф опытный, вносил в уголки своей памяти, чтоб, вернувшись, перенести все на настоящую карту, которую долго изучал, прежде чем плыть, и теперь она была перед глазами, будто сфотографированная.

Штурмовать Днепр Борькина часть начала утром, сразу же после артподготовки, во время которой удалось уничтожить несколько мощных дотов, обнаруженных разведкой. Остальные потери врага можно было увидеть только на поле боя, на той стороне Днепра, куда уже переправлялись первые подразделения.

Борька поплыл туда вместе с комбатом и был при командном пункте, выполняя приказы. Всякий раз приказ был один: переправиться через Днепр — доставить пакет.

Днепр кипел от разрывов снарядов, от фонтанчиков пуль. На Борькиных глазах вдребезги разнесло понтон с ранеными, люди тонули, и ничем нельзя им было помочь.

Несколько раз Борька бросался в самое пекло, искал на берегу лодку, чтобы скорее доставить пакет; он знал теперь, что значит доставить вовремя пакет, пронести его целым и невредимым сквозь этот шквал, сквозь это кипение, где земля сомкнулась с небом и водой. Борька искал лодку и, не найдя, раздевался, как утром, и снова плыл, чудом оставаясь в живых. Найдя же лодку, он, подогнав ее к берегу, помогал раненым сесть в нее и греб что было сил к своим...

К концу дня, когда бой стал удаляться и Днепр поутих, Борька, в восьмой раз переправившись через Днепр, шатаясь от усталости, пошел

искать походную кухню. Увидев ее синий дымок, Борька присел, радуясь, что дошел, и, сидя, уснул.

Разведчики искали его на берегу Днепра, ходили вдоль течения, обошли плацдарм и уже считали погибшим, как вдруг батальонный повар нашел Борьку спящим под кустом. Его не стали будить, так, спящего, и перенесли в землянку. А Борька сладко спал, и снился ему родной город. И тополиная метель в июне. И солнечные зайчики, которых пускают девчонки во дворе. И мама. Во сне Борька улыбался. В землянку входили люди, громко говорили, а Борька ничего не слышал.

А потом у Борьки был день рождения. Командир батальона велел, чтоб повар даже пироги сделал. С тушенкой. Пироги получились на славу. И уплетал их Борька за обе щеки, хоть и стеснялся комбата, а пуще того — командира полка, который вдруг в самый разгар именин приехал на своем «виллисе».

Все пили за Борькино здоровье. Когда чокнулись, встал командир полка. Колыхнулось пламя коптилки. Притихли все. Командир полка, человек еще не старый, но седой, сказал Борьке так, будто знал, о чем Борька думает.

— Отца бы твоего сюда, Борька,— сказал он.— Да маму. Да деда твоего, кузнеца. Да всех твоих боевых друзей, живых и мертвых... Эх, хорошо бы было!

Командир полка вздохнул. Борька смотрел на огонь задумавшись.

— Ну, чего нет, того нет,— сказал командир полка.— Убитых не оживишь... Но за убитых мстить будем. И вот всем нам...— он оглядел бойцов, ездовых, повара,— и вот всем нам, взрослым людям, нужно учиться у этого мальчика, как надо мстить.

Он потянулся через стол к Борьке, чокнулся с ним кружкой, обнял Борьку, прижал к себе.

— Ну, Борька, слушай! Ты теперь у нас настоящий герой. Герой Советского Союза.

Все повскакивали с мест, даже комбат, все загалдели, выпили свой спирт, заобнимали Борьку.

А он все думал о том, что командир полка сказал. Об отце, о солдате с черным от копоти лицом, о маме и брате Толике, и о Надюшке, и об ее маме, и об Ивановне, о деде, о Сереже, обо всех людях, которых знал, которых любил...

Слезы поплыли у него из глаз. И все подумали, что плачет Борька от радости.

Через две недели, 13 ноября 1943 года, немецкий снайпер поймал в перекрестие оптического прицела русского солдата.

Пуля достигла цели, и на дно окопа упал маленького роста солдат. А рядом упала пилотка, обнажив русые волосы.

Боря Цариков...

Он умер сразу, не страдая, не мучаясь. Пуля попала в сердце.

Весть о Бориной смерти мигом облетела батальон, и из наших траншей неожиданно не только для немцев, но и для нашего командира, вдруг рванулась стена огня. Стреляли все огневые средства батальона. Яростно тряслись, поливая немцев, пулеметы и автоматы. Ухали минометы. Трещали карабины.

Видя ярость людей, комбат первым выскочил из окопа, и батальон пошел вперед мстить за маленького солдата, за Борю Царикова.

Владимир ХАЗАНСКИЙ

ВО ВРАЖЕСКОМ ТЫЛУ

На заводе имени Коминтерна помнят, как пришел в их коллектив не по годам серьезный парень со смуглым лицом. Сегодня шлифовщик Михаил Севастьянович Титов — известный в городе новатор, Герой Социалистического Труда.

И Титов, и его одногодки повзрослели быстро. Зрелость пришла к ним в юности. И зрелость эту не измеришь обычным житейским опытом — за ней не просто дни и годы, а дни и годы Великой Отечественной войны.

Вместе со сверстниками он угонял на восток колхозный скот. Но далеко пробиться не удалось, и они повернули назад. Скот разобрали по дворам, спрятали в лесу. А вскоре он очень пригодился: появилась острая потребность в продуктах. К глухой белорусской деревушке, зажатой между лесом и озером, пробирались выходившие из окружения советские воины. Надо было их накормить, обмыть, перевязать им раны. За это и взялись местные жители.

Сложнее было помочь бойцам пробиться через две дороги, что лежали на их пути, — шоссейную и железную. Пошли с одной стороны, в обход озера, — напоролись на вражескую засаду. С другой стороны — непролазные топи и болота. Мудрые старики держали совет: как быть? В деревне скапливалось все больше и больше окруженцев. Вот-вот могли нагрянуть каратели.

Миша Титов и два его дружка, не вступая в споры старших, сели в лодку и поплыли к противоположному берегу озера. Затем с корзинками — якобы за ягодами — добрались до железной дороги. Вокруг ни души. Гитлеровцы, понадеявшись, видимо, на естественное препятствие — озеро, — постов вдоль него не выставили.

До самых заморозков осени сорок первого года работала налаженная деревенскими подростками переправа.

А вскоре Миша решил уйти в партизаны.

В соседний район, откуда шла слава о партизанской бригаде батьки Миная — М. Ф. Шмырева, — они, пятеро парней, пробирались несколько дней. Принесли с собой найденные в лесу винтовки. Но в отряде их встретили без энтузиазма. Только на четвертый день, когда ребята уже решили, что о них забыли, вызвал командир:

— Вы, как я понял, из Городокского района. Кто из вас знает, где находится мост между станциями Лосвида и Залучье?

— Я знаю, — поспешил ответить Миша. — Он близко от нашей деревни.

— Комсомолец?

— Да.

— Это хорошо. Пойдешь с группой подрывников. Твоя задача — указать лучшие подходы к мосту...

Много лет прошло с тех пор. Много незабываемых событий произошло в жизни Титова. Но не сотрется в памяти испытанное и пережитое в войну. Вместе с товарищами ходил он в разведку, взрывал мосты, пускал под откос вражеские эшелоны, отражал налеты карателей.

В истории партизанского движения в Белоруссии особое место занимают Витебские ворота. Их открыли, прорвав линию фронта, народные мстители Витебско-Суражской зоны в январе сорок второго года. Через эти ворота, связавшие оккупированные районы республики с Большой землей, партизаны получали оружие и боеприпасы, а в сторону советского тыла шли обозы с хлебом и другими продуктами, вывозились больные и раненые, переправлялись семьи, которым угрожала смертельная опасность.

Но мало кто знает, что и после 26 сентября 1942 года, когда Витебские ворота перестали существовать, связь белорусских партизан с Большой землей действовала. В группе, которая налаживала эту связь, был и Михаил Титов.

Уже стоял ноябрь. Землю покрывала изморозь, и шаги оставляли заметный след. А нужно было пройти через линию фронта и вернуться назад с оружием и боеприпасами. В группе только каждый третий имел винтовку и к ней — четырнадцать патронов.

Сначала шли с проводником, хорошо знавшим местность. Но вскоре потеряли его, вступив в вынужденный бой. Начали искать новый путь. Делали многокилометровые броски из стороны в сторону, и снова нарывались на гитлеровцев, и снова принимали бой. Пройти удалось только с четвертой попытки.

Путь назад был не легче. Сгибались под тяжестью груза: автоматы, минометы, патроны, мины несли они в отряд. Шли, соблюдая величайшую осторожность. Неожиданным препятствием стала река: по воде плыли большие льдины.

— Надо раздеваться, — предложил Миша. И первым сбросил одежду, полез в ледяную воду.

До отряда оставалось километров тридцать, когда в гуще леса мелькнул кто-то. Схватились за оружие, полагая, что это немцы. Но то были волки. Звери долго провожали ослабевших от голода и длительного перехода людей. Изредка, осмелев, подходили совсем близко. Полоснуть бы по ним из автомата... Но лишний шум партизанам был ни к чему. Так вместе и в отряд пришли: люди впереди, волки сзади.

...Смотрю на него, поглощенного делом, вглядываюсь в его сосредоточенное волевое лицо, и оно мне все больше напоминает лицо того партизана, что величественной скульптурой поднялся во весь свой богатырский рост невда-

леке от районного центра Ушачи. В этом месте на заболоченном участке 5 мая 1944 года по сигналу двух красных ракет поднялись с земли тысячи партизан, попавших во вражеское окружение, и пробили, казалось бы, непробиваемое кольцо. В операции, получившей название «Прорыв», участвовал и разведчик Михаил Титов.

...Прошлое забывать нельзя. В нем особый свет, который озаряет нашу жизнь сегодня и будет озарять всегда.

Игорь СОКОЛОВ

ХОДИТ КРЕЙСЕР В ОКЕАНЕ

Есть у флотского поэта Николая Флерова стихи — «Баллада о мичмане». Посвящены они бывшему юному партизану, а ныне военному музыканту Петру Павловичу Коваленко:

Расскажи-ка, друг мой
мичман,
Про минувшие походы.
Как мальчонкой
партизанил,
Шел в разведку,
видел беды.
Как свою ты юность
встретил
В свете солнечной
Победы...
Ходит крейсер в океане,
А на нем, душой
романтик,
Ходит мичман тот
бывалый
Самым главным
в музкоманде.

...Двенадцатилетним парнишкой остался в сорок втором году Петя Коваленко без отца и матери. Вот стоит на улице родной Малиновки, и сердце его сжимается до боли. Вместо золотых полей — заросли бурьяна, вместо сада — обуглившиеся пни. От дома отчего осталась лишь печь. Обезлюдела Малиновка. Каркают черные вороны, кругом запустение, печаль. На глаза навертываются слезы. Он старается не плакать и еще крепче сжимает свои кулачки. Он ненавидит тех, кто принес на его землю горе, и решает идти в партизаны.

Но связаться с ними не так-то просто. Однако в лесу наткнулся на двух парней, которые привели его в партизанскую землянку. Тут был штаб одного из отрядов партизанской бригады Уткина.

— Маловат да слаб, — говорил командир отряда. — Куда мы с ним?..

— Подкормим партизанским харчем, выходим, не бросать же мальчонку. Дороги ему, как и нам, назад нет.

Смелый и сообразительный, Петя полюбился всему отряду. Его назначили связным. Потом взяли к себе разведчики.

Как-то командир отряда вызвал Петю в штабную землянку и долго с ним беседовал с глазу на глаз. Вместе изучали карту. Предстояло особое задание.

— Ну, сынок, все понял? Не хочется мне тебя посылать, но, видишь, надо. Знай одно: от тебя все зависит...

Петя должен был проникнуть в один из немецких гарнизонов близ города Полоцка и разведать обстановку. Там, по сведениям, сосредоточивалось несколько карательных отрядов. Гитлеровцы бросили огромные силы на партизанский край. Для борьбы с народными мстителями стали применять даже авиацию, танки.

В деревне, занятой немцами, у полосатого шлагбаума — оборванный, заплаканный мальчишка с мешком на плече. Часовой брезгливо толкает его автоматом и лает:

— Вэг, вэг...

Мальчик еще настойчивее лезет вперед, коверкая русские и немецкие слова, кричит:

— Хочу есть... Фатер нет, мутер нет, дрова вам пилить...

— Вэг, вэг, партизанен!

От толчка мальчишка летит в пыль придорожной канавы, в грязь. Рядом останавливается телега. В ней, свесив ноги, сидят семь немцев с бляхами на груди. «Жандармерия полевая. Значит, прибыли», — отмечает маленький разведчик. Он еще упрямее кричит:

— Пустите!

Жандармы о чем-то говорят с часовым. Потом по команде старшего наставляют на Петю семь стволов.

— Партизанен? Пух! Пух!

Сейчас у него одно оружие — слезы.

По пустой телеге да обрывкам слов «мильх», «брод» он понимает: каратели поехали грабить соседние деревни. С ним сейчас возиться вряд ли будут. Но от черных дырочек стволов на душе жутко, и по спине пробегает неприятный холодок...

Жандармам надоело забавляться, и они опускают автоматы. Вышел из терпения и часовой. Он наотмашь бьет мальчика по затылку:

— Ком!

Петя оказывается по другую сторону шлагбаума. В ушах звенит от удара. Хочется крикнуть немцу: «Гад!», но он только тянет: «Да-анке!» В голове другое: «Теперь скорее обежать село, все увидеть, запомнить. Потом где-нибудь в другом месте выскользнуть отсюда».

Через два дня вместе со своими боевыми друзьями Петя уже с автоматом ворвался к фашистам, и многие из жандармов навсегда остались в белорусской земле.

Командир перед строем объявил первую благодарность юному партизану, и впервые в жизни Петр Коваленко произнес:

— Служу Советскому Союзу!

Не раз потом приходилось ему выполнять подобные задания. Он стал опытным разведчиком.

На первомайский праздник в сорок третьем году партизаны отряда Романова преподнесли фрицам такой «подарок», что вынудили их поднять самолеты, которые несколько часов подряд бомбили лес.

2 мая одна из бомб разорвалась недалеко от ложбины, где, отбиваясь от карателей, был и Петя. Не поднялись четверо. А мальчику повезло, его только ранило. Друзья на себе вынесли его из-под огня и отправили в госпиталь. Но «повезло» так, что около шести месяцев пришлось Пете лечиться.

Когда выписывался из госпиталя, Красная Армия продвинулась уже далеко на запад. Перед Петром встал вопрос: «Куда идти?» Попросился в танковый полк, который отправлялся на передовую. Сначала брать не хотели. Но, узнав о его боевом опыте, командир полка мойор Зайцев определил его во взвод разведки. Общими усилиями солдаты сшили Пете гимнастерку, бриджи. Нашелся умелец — перетянул трофейные сапоги. Стал Петр Коваленко бойцом регулярной части. Вместе с другими солдатами разминировал дороги и проходы для танков, засекал огневые точки противника. Был вторым номером в пулеметном расчете. С боями прошел Белоруссию, Литву, Латвию.

Когда полк отдыхал после жаркого боя у латвийского города Бауска, Петю Коваленко вызвал начальник политотдела, вручил ему комсомольский билет.

Прижимая к сердцу заветную книжицу, паренек четко повернулся кругом и зашагал к двери. Но офицер, делая особое ударение на первых словах, остановил:

— Петр Павлович, куда же вы? У меня к вам есть еще дела. За мужество, проявленное в боях с немецко-фашистскими захватчиками, вы награждены медалью «За боевые заслуги». Мне поручено ее вручить.

...В том бою Петр Коваленко отличился. Бронемашина, на которой он был вторым пулеметчиком, в числе первых ворвалась в населенный пункт и своим огнем обеспечила успех наступления. Юный пулеметчик в бою вел себя как настоящий солдат.

Весь полк поздравлял своего воспитанника с первой боевой наградой. После этого многие солдаты тоже стали уважительно называть его по имени и отчеству. А в часы передышек видели, как маленький герой, устав от боя, играл солнечным зайчиком от своей медали на броне транспортера и шептал номер медали:

— Один миллион восемьдесят две тысячи шестьсот три...

Гвардейцем, кавалером трех правительственных наград встретил Петр Коваленко Победу.

После войны он стал музыкантом, пулемет сменил на трубу. Направили служить в оркестр. Овладел, как ни трудно было, новым делом. Стал солистом. Остался на сверхсрочную. На службе в партию вступил. Рекомендовали фронтовики. Василий Никитич Огрох, вручая ему рекомендацию, говорил:

— Петр Павлович, увольняюсь в запас, а ты еще молод, служи. Береги то, что мы, фронтовики, завоевали.

И Петр берег. Сначала служил в одной из частей Прибалтийского военного округа. А потом много лет он отдал флоту. Служил на крейсерах «Свердлов», «Октябрьская революция». Играл в корабельном оркестре.

Про свои подвиги рассказывать не любит. Лишь 9 мая, в День Победы, выступит где-нибудь, да и то рассказывает не о себе, а о боевых друзьях, память которых чтит свято.

Как-то застали друзья Петра Павловича одного. Он вдохновенно играл свою любимую мелодию «На безымянной высоте».

— Что с тобой?

Долго молчал. Потом рассказал. Был в городе. Смотрел кинофильм «Живые и мертвые». Есть там кадр — гитлеровцы расстреливают красноармейцев. Горят от пуль на спинах у наших бойцов телогрейки.

Загрустил в тот день Петр Павлович. Вспомнил тех, кто погиб. Любимого старшину Скрипченко, старшего сержанта Пьянкова... Вспомнил всех, с кем вместе освобождал родную землю, кто всегда, не заботясь о себе, оберегал его.

На следующий день на репетиции оркестр играл только песни Великой Отечественной войны. Матросы старались изо всех сил. Знали: снова память вернула мичмана к прошлому, снова он видел бои, погибших однополчан...

Аркадий ПАЛЬМ

ТАКОЙ ДАЛЕКИЙ РЕЙС...

Георгий Афанасьевич Веретенников — шофер херсонского автопредприятия. Возит хлеб. За баранкой четверть века. Машины, на которых он ездит, всегда как игрушки. На последней «шкоде» проездил четырнадцать лет без капитального ремонта.

Зерно породнило Георгия с людьми. Зерно и прославило: за перевозку хлеба нового урожая награжден шофер орденом Трудового Красного Знамени. Тридцать пять ездок в сутки Георгий делает. Раньше на кабине его машины рисовали звезды. За каждую тысячу тонн — звезда. Потом рисовать перестали. Не хватило места. А на кузовах такие вещи делать не принято.

Рейс Херсон — Одесса. Знойно, душно. Ветер в степи пахнет спелой пшеницей. Что ни поле — бронзовый слиток. У перекрестка прошу свернуть. Георгий чуть наклоняет к рулю лицо: согласен. Он знает, что я хочу привезти его туда, где начинался его самый далекий рейс...

Родился Георгий Веретенников 10 августа 1927 года.

А потом был август, горький от пожаров. Кровавый август сорок первого. Жора пришел в Очаков, к брату моряку. Тот закричал, увидав Жорку: «Беги домой, к маме!» Но куда бежать? Немцы подошли к Очакову. Мальчишка попал в окоп, к пограничникам. Подносил им патроны. Командовал отрядом майор А. П. Изугенев, начальник Очаковской пограничной комендатуры. Спросил:

— Откуда?

— Из Голой Пристани.
— Кто родные?
— Отец — командир Красной Армии, мать — домашняя хозяйка.

Изугенев решил: домой мальчишку отсылать нельзя, там уже немцы. А с отрядом, может, и не пропадет. И приказал:

— Зачислить в отряд!

Лицо Жоры просияло. Он вытащил из кармана синий воротничок с тремя полосками — матрос успел подарить, — повязал под рубашку, да так с ним и не расстался.

Там немцы снова пошли в атаку. Надо было собой прикрывать тех, кто эвакуировался морем, — женщин, раненых...

Пограничников должен был снять военный корабль с Тендровской косы. Идти туда от Вольного порта километров семнадцать. Но как идти? По горло в воде. Мелководье там.

Атаку они отбили — и первую, и седьмую... В поход вышли в три часа утра. Раньше не успели. Провожатым шел местный рыбак.

Ночью на Тендру пришли сторожевые катера. Приказано было пробиваться к Севастополю. Георгий попал в группу разведчиков, которыми командовал младший лейтенант Данилов. Однажды в суматохе ночного боя, который пришлось принять разведчикам, мальчишка потерял из виду товарищей. Потом шел на выстрелы, как по компасу, с отчаянием понимая, что опаздывает к установленному времени. Изредка водил рукой по карману на брюках, где лежал новенький комсомольский билет (несколько дней назад Жору приняли в комсомол).

Октябрь в Крыму красив. Но Жору пейзажи не интересовали. Хотелось есть. Пораскинув умом, решил во что бы то ни стало найти партизан. Они должны здесь быть, должны!

Шел Жора восемь суток. Свалился без сил возле дуба. В полудреме или в бреду вдруг услышал запах хлеба. Качаясь, полез сквозь кусты. Люди, которых Жора увидел на полянке, жарили лепешки. Мальчишка ничего не просил, ни о чем не спрашивал. Зато очень точно отвечал на все вопросы, которые ему задавали. А когда предложили показать на карте путь, которым шел сюда, Жора и это выполнил. И вдруг услышал:

— Немецкий шпион.

Партизан не мог поверить, что пацан, не имевший специальной подготовки, читает карту лучше его. Навалилась усталость. И не было сил рассказать, что карту учил читать отец. Жора подумал, что можно показать комсомольский билет, но вдруг вспомнил — там нет фотографии. Не поверят, скажут — поддельный.

— В чем дело? — появился командир отряда.

Потом с Жориных опухших ног снимали сапоги, разрезая голенища финкой. Жора рыдал над лепешкой, которую сунули ему в руки.

Вот уже ровно год Жора партизанит. Одна из его обязанностей — охрана пекарни. У отряда была своя пекарня. На лошадях привезли в лес

кирпичи; соорудили печь, в которой за один раз выпекали тридцать две буханки хлеба. Но известно, что хлеб пекут из муки. Где ее брать? Оставались старые секретные склады, но часть этих складов фашисты обнаружили и устроили там для партизан засаду. Несколько раз бойцы отряда пытались пройти за мукой, но, оставляя убитых, уходили. Была специальная команда — продовольственная. Ходили в село Бещуй. Кто покрепче, отражал внезапный огонь фрицев, кто послабее — рыл картошку, собирал овощи. Вот так и жили.

В сорок четвертом Веретенникова зачислили в Дунайскую военную флотилию. Георгий в то время дружил с Аркадием Малаховым, ленинградским юношей. Тот рассказывал, как по Дороге жизни — Ладожской ледовой трассе — доставляли в осажденный город по ночам на полуторках хлеб. Но случалось, проваливались машины в полыньи. Долго еще светили из воды желтые фары, и казалось, будто мертвые шоферы продолжают свой рейс. Георгий рассказ запомнил, и стала та история звеном в биографии, которое сроднило потом его, шофера, с хлеборобами.

Была у них с Малаховым одна операция, которая не забудется никогда. Представьте: двое разведчиков лежат на цементном полу венгерского банка. Напротив — здание парламента. Разведчики, которыми командовал Борода — старший лейтенант Виктор Калганов, — выполняли особый приказ командования: добыть в здании Дунайского пароходства карту с обозначением вражеских минных полей на Дунае. Флотилия должна идти на Вену. А как пройдешь без карт по минным полям?

Матросы пошли за картой. И взяли. Много позже об этом эпизоде расскажет кинофильм «Разведчики». Но кино есть кино. Напомню только, что идти морякам надо было по лабиринтам из канализационных труб. Калганов, Николай Максименко, Василий Никулин, Аркадий Малахов, Георгий Веретенников — вот они и выполнили это задание. Был бой. Самый отчаянный из всех, в которых им когда-либо приходилось участвовать. В самом начале Калганова ранило в руку, Никулина — в грудь. Карту нес командир. Уходя, он оставил Жоре противотанковую гранату. Как же она выручила потом Веретенникова и Малахова!

Вскоре Аркадия ранило в колено разрывной пулей. Малахов понимал, что Георгию одному выбраться легче, и решил застрелиться. Жора выбил пистолет из его рук.

В стене, возле которой они лежали, был небольшой пролом. Жора видел, как подходят немцы. Он перенес с первого этажа на четвертый Аркадия, а сам снова спустился на первый этаж и стал вести наблюдение.

Когда немцы подошли совсем близко, Жора швырнул в пролом стены противотанковую гранату. Бросил расчетливо, мастерски. Затем взлетел на четвертый этаж, подхватил Малахова и вместе с ним бросился через площадь. Наши, заметив его, повели отсечный огонь, закричали: «Матросик, сюда!..»

Вот и все о той карте. Почти две тысячи мин обезвредили тогда наши минеры. Фарватер на Вену был открыт.

О военном прошлом Веретенникова мало кто знает. А ведь Георгий награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя — Красной Звезды, медалями.

Образование у него невелико — шесть классов. И первый шоферский класс. За двадцать пять лет в его водительских правах не появилось ни одного прокола. Это что-нибудь да значит!

Есть ценности всякого рода. Но главная среди всех — честно пройти жизненный путь, никогда не забывая об ответственности перед своей совестью, перед обществом, перед государством. Именно так — заинтересованно, страстно — живет Георгий Афанасьевич Веретенников. Хочется пожелать ему многих-многих счастливых рейсов.

Андрей ЖАРИКОВ

НИКОЛЬСКИЕ ШКОЛЬНИКИ

Федя Панасов

Вначале партизанский отряд был малочисленным: состоял из нескольких комсомольцев Никольской средней школы, командовал которыми директор школы Иван Васильевич Андреев. Юные партизаны собирали оружие на местах боев и прятали его. Со временем отряд пополнился за счет воинов Красной Армии, оказавшихся в окружении, и местных колхозников. Командиром отряда партизаны избрали бывшего председателя колхоза Василькова, Андреев стал комиссаром.

...Гитлеровские войска шли стороной, в Никольском еще не были. Вечером директор школы собрал в балке сельских ребят.

Иван Васильевич сидел на траве, вокруг — школьники. Директор сказал ребятам, что теперь они в тылу врага, главная задача всех советских людей — сражаться, не покориться фашистам.

Потом на собрании приняли нескольких ребят в комсомол. Среди них был и Федя Панасов. Комсомольцы на этом необычном, тайном собрании горячо выступали, вносили предложения. Некоторые говорили, что надо уходить из села и вместе с Красной Армией бить фашистов, а семиклассник Ваня Титков сказал так:

— Бить гадов здесь!

— Правильно! Бить! — раздались голоса.

— Я согласен с вами, друзья, — поддержал ребят Иван Васильевич. — Надо браться за оружие. А сначала — собирать боеприпасы и винтовки, которые остались на местах боев в лесу. Без оружия наш протест будет пустым звуком.

Директор школы вынул из кармана сложенный вчетверо листок бумаги и, подсвечивая фонариком, прочитал:

«Товарищи, советские граждане, оставшиеся на временно оккупирован-

ной врагом территории! Над нашей Родиной нависла смертельная опасность...»

Далее в листовке говорилось о том, что все советские патриоты должны подняться на борьбу с врагом.

Закончив чтение, Иван Васильевич встал и произнес слова, прозвучавшие как приказ:

— Давайте поклянемся, что будем защищать советскую Родину, не щадя жизни!

— Клянемся! — ответили юные патриоты.

Через несколько дней Федя и Сережа Панасовы встретили в лесу выходящего из окружения раненого кавалериста. Перевязав его и указав ему дорогу, по которой можно пробраться к своим, ребята отправились к тому месту, где, по рассказу раненого, кавалеристы вели бой.

В лощине, поросшей кустарником, чернели воронки от взрывов бомб. Обшарив кусты, ребята нашли ручной пулемет, карабины, а под листвой — ящик с патронами и пулеметные диски. Федя деловито осмотрел пулемет. Он был исправен. Тут же Федя дал Сереже карабин и показал, как из него стрелять. С собой взяли пулемет, два карабина и патроны. Все остальное спрятали в кустах. Под вечер, возвращаясь домой, мальчики решили отдохнуть и забрались в копну сена. Заснули быстро. Разбудил их гул моторов. По дороге на малой скорости двигались мотоциклы.

— Сережа, это фашисты! — сказал Федя. — Бери пулеметные диски и карабин. Бежим!

За кустарником были вырыты окопы. Совсем недавно здесь держали оборону советские части. Прыгнув в окоп, братья приготовились открыть огонь: Сережа — из карабина, Федя — из пулемета.

Ребята пропустили и танки и автомашины. Вскоре колонна ушла в направлении колхоза «Новая жизнь». Затем появились велосипедисты. Фашисты ехали не торопясь. Рукава засучены по локоть, на шее автоматы, за спиной рюкзаки.

— Пальнем? — сказал Федор, устанавливая пулемет на бруствер окопа. — Только прижимай крепче карабин к плечу, — учил он младшего брата.

Когда первый ряд велосипедистов повернул к лесу, Федя нажал на спусковой крючок пулемета. Неловко перезаряжая карабин, стрелял по фашистам и Сережа. У него получалось пока неважно, зато старший брат, освоивший пулемет в школьном кружке Осоавиахима, бил наверняка.

Фашисты, попав под огонь и потеряв десяток содат убитыми, рассыпались по полю. Некоторые залегли на обочине дороги и открыли ответную стрельбу. А ребята тем временем, пригнувшись, бежали по траншее к лощине, где рос густой кустарник.

...Как-то Ваня Титков решил один, чтобы не подвергать товарищей опасности, вывести из строя штабную линию связи. Вооружившись ножом, пробрался ночью к опушке леса, где на шестах был подвешен кабель, и перерезал его в нескольких местах. Надо было в лес уходить, а он спрятался у себя во дворе. По следам на росистой траве староста Кондрат привел гитлеровцев к дому Титковых. Фашистские изверги долго истязали комсомольца, но он ничего не сказал. На следующий день Ваню расстреляли.

Партизаны поклялись отомстить врагам за смерть боевого товарища.

Вскоре гитлеровцы по доносу Кондрата зверски замучили жену партизана Прасковью Игоренкову вместе с грудным ребенком. Со старостой надо было во что бы то ни стало покончить.

В разведку послали Сережу Панасова. Провожали его командир взвода Иван Голубев и пулеметчик Алексей Марков. Одевшись в лохмотья, мальчик направился в деревню, а Голубев и Марков притаились в кустах за огородами.

У окраины деревни Сережу остановили немецкий часовой и полицай.

— Ты партизан?

— Нет, моего отца, полицая Савченкова, расстреляли партизаны, — плаксиво ответил мальчик, кулаком размазывая по щекам слезы. — А мать куда-то ушла. Бродячий я.

— Да, — подтвердил полицай. — Савченкова убили партизаны.

Часовой разрешил мальчишке идти в деревню.

Сережа заходил в дома, просил хлеба и тем временем подмечал, сколько в деревне гитлеровцев, где установлены пулеметы и минометы. Под конец зашел в хату, где жили офицеры.

В одной из комнат фашисты пьянствовали и горланили песни. В прихожей хозяйка жарила мясо. Сереже она дала кусок хлеба. А когда отвернулась, чтобы заглянуть в печку, юный партизан схватил висевший на стене планшет и спрятал его в свою котомку.

Неожиданно из комнаты вышел офицер и закричал:

— Кто ты?

— Нищий, — ответила старушка, подавая мальчику еще кусок хлеба.

— А ну иди сюда, — поманил гитлеровец пальцем. — Плясать умеешь?

Фашист стал играть на губной гармошке. Сереже ничего не оставалось как плясать. Не снимая с плеча котомки, он прошелся по кругу, топнул ногой, потом ловко пустился вприсядку.

— Браво! Браво! — заорали гитлеровцы.

Офицер рванул с Сергея котомку и свалил в нее лежавшие на столе объедки.

Сережа замер: в котомке планшет. Ну, да все обошлось. Пьяные гитлеровцы опять заставили мальчика плясать, а потом отпустили.

Провожая Сережу, старушка сказала:

— Беги, иначе они убьют тебя.

— Скажи, бабуля, староста появляется?

— Бывает. И начальник полицейского участка приезжает из Смоленска. Нынче куда-то уехал.

Поблагодарив старушку, Сережа вышел из дома. В это время на улице появился конный разъезд. Мальчик успел спрятаться за хатой. До кустов, где его ждали боевые друзья, рукой подать. Двое партизан в любую минуту готовы были прийти на помощь.

Когда Сережа перелезал через плетень, подскакал полицай.

— Куда, щенок? — заорал он.

— Домой. Я сын Савченкова...

— Врешь! Ваську Савченкова я знаю. Он мой крестник. А ну вытряхивай котомку!

Подъехал еще один — рыжий, маленький, с одутловатым лицом.

— Это партизан! — крикнул он и стал снимать автомат с плеча.

Но из кустов ударила пулеметная очередь. Сережа пригнулся. Полицай свалился с лошади. Это Алексей Марков скосил предателя.

Сережа вскочил на лошадь полицая и умчался в лес. В планшете, который он передал командиру, оказалась карта с указанием партизанских баз и мест расположения немецких гарнизонов.

20 июня 1942 года, уходя в другое место, партизаны разделились на три группы. В первой группе, разведывательной, были и братья Панасовы.

Сквозь ветвистый куст шиповника Федя увидел, что по дороге двигается мотоколонна, и сообщил об этом старшему группы.

Карателям не удалось застать партизан врасплох. Васильковцы заняли круговую оборону и огнем из пулеметов, автоматов и винтовок отражали одну атаку врага за другой.

Бросая на своем пути боевую технику, каратели начали отступать. Отходя, сжигали села, убивали людей. В деревне Афанасовка семьдесят человек — стариков, женщин и детей — согнали в сарай, подожгли его и открыли по нему пулеметный огонь.

Вечером после боя Федя Панасов попросил у командира разрешения поехать в родное село. Еще издали увидел он на пожарище длинные трубы печей. Уцелела лишь школа да баня у глубокого оврага.

Подъехав к бане, Федя услышал женский плач.

— Есть кто живой? — спросил он.

Вышли мать и маленькая сестренка Феди. Мать стала совсем седая.

— Мы тут сидели, — показала сестренка на густую высокую крапиву. — Теперь вот ноги горят.

Это была последняя встреча Феди с матерью. В тот же день васильковцы ушли в Холм-Жирковский район, где в больших лесах сосредоточилась, нанося удары по врагу, бригада имени Чапаева.

Зимой до партизан дошла печальная весть: гитлеровцы учинили страшную расправу над матерью братьев Панасовых. Перед казнью Нелида Михайловна крикнула:

— Да, мои сыновья Федя и Сережа — партизаны, а муж в Красной Армии! Так знайте, они отомстят за нас!

До полного освобождения Смоленщины боролись с врагом братья Панасовы. Когда Сереже исполнилось четырнадцать лет, он, как и Федор, стал комсомольцем.

Федор за боевые подвиги удостоен орденов Красного Знамени и Красной Звезды, а Сергей награжден медалями «За отвагу» и «Партизану Великой Отечественной войны».

Такова история боевой комсомольской юности братьев Панасовых.

Павел АЛЕКСАНДРОВ

СПАСШИЙ ЗНАМЕНА

Фашисты бомбили Киев в первый день Великой Отечественной войны. Около двух месяцев шли кровопролитные бои на подступах к городу. В сентябре сорок первого гитлеровское командование бросило против защитников столицы Советской Украины свежие дивизии. Сдерживая натиск превосходящего противника, наши войска истекали кровью. Силы были слишком неравны. Бомбовые удары авиации и мощный артиллерийский огонь фашистских батарей способствовали прорыву вражеских полчищ. Когда наши войска, понеся большие потери, не могли уже сдерживать натиск врага, Верховное Главнокомандование приняло решение оставить город.

Немцы с боями входили в Киев. Всюду грохотали взрывы бомб и снарядов. По улицам оголтело носились гитлеровские мотоциклисты, ведя беспорядочный огонь из автоматов. Артиллерийская дуэль разыгралась у переправы через Днепр. Мирные жители попрятались в домах, подвалах, убежищах.

Костя Кравчук с матерью находились дома. Во время кратковременного затишья мальчуган подошел к окну, чтобы посмотреть, что делается на улице, и увидел, как во двор вошли двое наших бойцов. Костя не выдержал и выбежал из дома. Воины подозвали его к себе.

— Ты чей будешь? — спросил красноармеец с окровавленным лицом и в разорванной гимнастерке.

— Здешний я. Вот наш дом...

— Пионер? — спросил второй красноармеец, держась рукой за перебинтованную голову.

— Да!

— А как тебя зовут?

— Костя Кравчук.

— Слушай, парень... Мы уходим из города. Таков приказ. И хотим доверить тебе, как пионеру, большую тайну. Только дай слово, что сумеешь сберечь ее...

— Клянусь! — взволнованно проговорил Костя.

— Вот это... — Протягивая сверток, красноармеец, у которого по лицу текла кровь, продолжал: — Боевые знамена наших полков... Их надо сохранить. Это приказ нашего командира, погибшего в бою. Только никому не говори об этом и спрячь понадежней, чтобы никто не узнал. Когда вернемся — возвратишь нам. Ты готов выполнить этот приказ?

— Всегда готов! — четко ответил Костя.

Передав мальчугану свертки, бойцы по очереди обняли его и крепко поцеловали. Выбегая на улицу, уже на ходу крикнули:

— Береги как зеницу ока...

Проводив взглядом бойцов, Костя осмотрелся. Как будто все спокойно и никого нет. До слуха доносился только рокочущий гул подходивших танков. Нужно торопиться. Костя быстро прошел в сад, отыскал лопату и под старой грушей в глубине двора вырыл яму. Затем, сняв с себя рубаху, обернул ею

сверток, положил его в яму и засыпал землей. Натаскав опавших листьев и ботвы с огорода, он прикрыл свежевскопанную землю.

Не успел мальчуган войти в дом, как мимо окон, лязгая гусеницами и выпуская едкие клубы дыма, один за другим пронеслись танки.

Оккупировав Киев, гитлеровцы стали наводить «новый порядок»: они сновали по дворам и сараям в поисках подпольщиков и рабочей силы для отправки в Германию, рыскали по погребам в надежде поживиться украинским салом или курятиной.

Началось время дождей. Это заставило Костю все чаще и чаще задумываться о судьбе знамен. Их необходимо было перепрятать в более надежное место. Но куда?

Как-то вечером, когда в доме никого не было, он откопал знамена и перенес их в сарай. Но и здесь они хранились недолго, так как в сарай ежедневно стали ходить за дровами.

Отыскивая более надежное место, Костя вспомнил, что за городом у самого Днепра, неподалеку от леса, где пасли коров, находится запущенный колодец. Поросший бурьяном, он скрыт от посторонних глаз, им давно никто не интересуется, да и немцы в те места не заглядывают.

Глубокой ночью, забрав из сарая знамена, Костя завернул их в старый мешок, обвалял в соломе, что нашлась в сарае, и подготовил к переносу на новое место. Солнце еще не всходило, и в доме все спали, когда он уложил сверток в холщовую сумку и вышел со двора, для отвода глаз выгнав со двора корову, будто отправляясь ее пасти.

Добравшись до места и убедившись, что никто за ним не следит, Костя незаметно опустил сверток в колодец. Затем, подсобрав веток кустарника, дерна, сорной травы, забросал всем этим мешок со знаменами.

Теперь можно было отправляться домой. А там в это время поднялся переполох. Костина мать, Лидия Михайловна, заметила исчезновение сына и принялась повсюду разыскивать его. Заглянув в сарай, увидела, что нет и коровы. Женщина и подумать не могла, что Костя пошел пасти корову. Решила, что буренку увели фрицы. Но куда девался сын? Спрашивать у соседей — опасно. Там стоят фашисты, мало ли что они могут подумать. Так и маялась она, теряясь в догадках, не находя себе места в доме.

Примерно в полдень, заметив идущего по улице сына, а рядом с ним корову, она не выдержала и заплакала. Бросившись навстречу Косте, мать принялась обнимать и целовать его, приговаривая:

— Где же ты был, сынку? Чего я только не передумала. Разве можно расхаживать по городу, когда всюду шныряют немцы...

— Не беспокойся, мама. Мне надо было сходить в одно место. Понимаешь, надо...

В самом начале февраля сорок третьего года Красная Армия победоносно завершила историческую Сталинградскую битву. Это еще больше озлобило фашистов. Свою бешеную злобу они вымещали на мирных жителях, расстреливая каждого, кто нарушал «новый порядок», беспощадно расправляясь со всеми, кто оказывал малейшее сопротивление.

В Киеве шли массовые облавы, аресты, обыски. Выходить на улицу и

днем, и ночью было опасно. Однажды гитлеровцы схватили группу горожан и, отсчитав двадцать пять человек, расстреляли их за то, что партизанами было убито девять фашистов. Костя оказался двадцать шестым и чудом остался жив.

Больше всего юного патриота волновала судьба спрятанных знамен. Но как проверить их сохранность? Ведь даже место у Днепра, где находился старый колодец, фашисты объявили запретной зоной.

И вот ночами, в непогодь, в дождь и пургу, постоянно рискуя жизнью, пробирался Костя к заветному колодцу, чтобы удостовериться, все ли в порядке. Убеждаясь, что сверток на месте, он шел домой. Так продолжалось много-много месяцев.

Возвращаясь как-то после своей очередной вылазки, почти у самого дома Костя нарвался на облаву. В это утро фашисты хватали всех, кто появлялся на улицах города. Только находясь в комендатуре, мальчуган понял, что их всех согнали сюда для отправки в Германию. «Нужно бежать», — твердо решил Костя. Но пока такой возможности не было.

Задержанных загнали в товарные вагоны, и переполненный живым грузом эшелон, охраняемый гитлеровскими солдатами и овчарками, ушел на запад, в неметчину.

Лидия Михайловна узнала о том, что Костя попал в облаву, лишь после того как эшелон покинул Киев.

Косте все же удалось выпрыгнуть в открытую дверь вагона. Больно ударившись о землю, он в первые минуты не шевелился. Затем убедился, что руки, ноги целы, и пошел подальше от насыпи.

Долго добирался мальчуган до своего дома. Идя на восток, он все отчетливее слышал канонаду, все чаще пролетали над ним самолеты со звездами на крыльях. Это радовало мальчугана.

Прежде всего Костя отправился к старому колодцу. Здесь все было в порядке — знамена целы! Он вынул их из колодца и забрал с собой.

Домой Константин пришел таким худым и оборванным, что мать с трудом узнала его. Киев уже был освобожден от фашистов, и горожане сбивали последние таблички с немецкими названиями улиц. Из Киева уходили последние воинские части, освобождавшие город. Все время Костя проводил на улицах, всматриваясь в лица солдат, в надежде встретить знакомых бойцов, оставивших на сохранение знамена своих полков. Потеряв всякую надежду на встречу, Костя решил отправиться к военному коменданту города и сдать ему знамена.

Вечером он поведал матери свою тайну. А утром следующего дня в чистой рубахе и с пионерским галстуком, с заветным свертком в руках он подошел к дежурному по комендатуре.

— Мне нужно видеть коменданта города, — решительно проговорил мальчуган.

В этот момент одна из дверей открылась и оттуда вышел полковник Ивашкин. Услышав просьбу вихрастого паренька, он приветливо пригласил его в кабинет:

— Заходи. Что тебя привело ко мне?

Ни слова не говоря, Костя распорол перочинным ножом просмоленную мешковину и вынул оттуда два алых шелковых знамени с вышитыми

золотом словами: «Стрелковый полк...» Протягивая их коменданту Киева, сказал:

— Возьмите. За ними обещали зайти два бойца, но что-то, видно, случилось... Я долго хранил эти знамена...

Полковник с изумлением смотрел то на белобрысого парнишку, то на знамена.

— Откуда они у тебя?

Костя стал рассказывать историю Боевых знамен, а полковник, затаив дыхание, внимательно слушал юного патриота.

— Спасибо тебе, Костя! Ты настоящий герой! Об этом должны узнать все киевляне! — сдерживая волнение, проговорил полковник, горячо пожимая мальчишескую руку.

11 июня 1944 года на центральной площади Киева были выстроены части, уходившие на фронт. Им вручили те самые знамена, которые сберег Костя Кравчук.

Здесь же, перед строем, был зачитан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Константина Кравчука орденом Красного Знамени. В Указе говорилось:

«За сохранение двух полковых знамен частей Красной Армии в период оккупации города Киева наградить школьника Кравчук Константина Кононовича орденом Красного Знамени».

В этот торжественный день Костя был в центре внимания воинов и гражданского населения, взрослых и ребят. О нем говорили всюду. А счастливый тринадцатилетний подросток, едва успевая отвечать на множество вопросов, все время поглядывал на грудь, где празднично сверкал орден Красного Знамени.

Воинскую службу Костя Кравчук начинал после войны юнгой учебного отряда Черноморского флота, а уйдя в запас, пошел работать на киевский завод «Арсенал». Там он работает и ныне. Именем Кравчука названа одна из школ города Харькова.

ВСПОМИНАЮТ ПИСАТЕЛИ

Алесь АДАМОВИЧ:

...война помнится как огромный отрезок жизни, такой же бесконечной, как детство. Возможно, потому, что у моего поколения детство и война вошли, вогнаны одно в другое. ⟨...⟩

Тогда, в годы войны, было мне 14—17 лет, и что ни говори, а все окрашивалось определенным юношеским легкомыслием — по отношению к своим (да и чужим порой) бедам. Это тоже правда психологии, возраста, времени, и я, как мог, старался ее передать в первых своих романах.

Константин СИМОНОВ:

Московские подростки зимы 41 и 42 года! ⟨...⟩ Они были тоже защитниками Москвы, как и их взрослые братья, сестры, отцы.

Юлий ВАНАГ:

...Подмосковные бои. Гитлеровцы уже отброшены за Клин. Мы отбили у них Наро-Фоминск. Выкуриваем из каждой деревни, из каждого населенного пункта. И вот новогодняя ночь, ночь на 1 января 1942 года. ⟨...⟩ Получен приказ: двум полкам и минометному батальону нашей латышской дивизии «просочиться» через линию фронта и ударить по врагу, захватившему город Боровск, с тыла.

Вел нас местный паренек, хорошо знавший каждый овраг и лощину, каждую рощицу и перелесок. Стоял лютый мороз — до сорока градусов. Мы шли гуськом, длинной вереницей, брели без шума и на ходу засыпали... Дальше были бои, в результате которых город Боровск был освобожден, противник отброшен далеко на запад.

Навстречу подвигу

В Великой Отечественной войне советская молодежь проявила высокое сознание своего долга перед Родиной и несокрушимую волю к разгрому врага. Она явилась достойной преемницей героических традиций нашего народа, боевых традиций партии большевиков.

Из приветствия ЦК ВКП(б)
в день двадцатипятилетия ВЛКСМ

Яков ЛОЙКО

СЕРЖАНТ В ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ

Семья Полянских жила в поселке Сурское Ульяновской области. Когда напали на нашу Родину фашисты, Стасику было семь лет.

Отец — политработник — воевал на Западном фронте. Добровольно ушел на фронт и семнадцатилетний брат Геннадий. Стасик тоже мечтал попасть на фронт, бить фашистов: «Буду партизаном или разведчиком!» — решил он.

И восьмилетний мальчик сбежал из дома.

Как «сироту», его то и дело определяли в детские дома. Но он там долго не задерживался. Два-три дня — и опять в дорогу. Его целью был фронт.

На запад беспрерывным потоком шли воинские эшелоны. Стасик слезно просился, но его не брали. Как-то в сторону фронта направлялся воинский эшелон с кавалерийской частью. Мальчик тайком от часовых спрятался на одной из платформ между тюками прессованного сена. Солдаты разоблачили «зайца», но сжалились над «сиротой». В пути кормили его, тронутые выдуманной малышом легендой: «Мама умерла, папа на фронте...»

Был январь сорок третьего года. Стасик переживал первые солдатские невзгоды. Пронизывающий холод заставлял его в такт колесам выстукивать зубами дробь.

Однажды, проснувшись ночью, он увидел, что эшелон стоит на полустанке. Над головой сверкали холодные звезды. Кругом ни души, тихо. Слышалась канонада. Мальчугану стало страшно. Он вспомнил маму.

Одиночество его страшило больше отдаленной стрельбы. «Куда девались солдаты?» — размышлял он. Следы от повозок и отпечатки лошадиных копыт на снегу уходили в сторону фронта. Стасик шел долго, пока колючий морозный ветерок не донес до него резкий запах хлеба. Мальчик почувствовал голод. Он подходил к украинскому селу, то и дело втягивая в легкие аромат свежего хлеба. Запах привел его к полевой армейской хлебопекарне (ее называли тогда ПАХ).

На территории ПАХ он увидел девушек в военной форме. Они с любопытством рассматривали грязного, давно не стриженного оборвыша. «Кто он? Откуда?» — интересовались все. Ответ был заученный: «Из Ленинграда, мама умерла, папа на фронте...» Девушки с материнской лаской отнеслись к пареньку. Обмыли, накормили, а потом одели его в форму офицера Советской Армии, нацепив ему погоны старшего лейтенанта. Начальник армейской хлебопекарни, худощавая, еще молодая женщина, была лейтенантом. Но девушки, отдавая предпочтение единственному «мужчине» в их коллективе, единодушно «присвоили» Станиславу «старшего лейтенанта».

Девчата выполняли тяжелую мужскую работу, сутками не отходили от печей. Фронт требовал хлеба. Бесконечной вереницей машины, подводы шли за хлебом. Со многими солдатами Стасик завел дружбу. Фронтовики подарили ему боевой нож, пистолет, обещали взять на передовую.

Погоны старшего лейтенанта Стасик носил недолго, сам потом сменил их на погоны рядового. Стал понимать, что для настоящих солдат он вроде игрушки. При встрече фронтовики шутя козыряли ему, прося разрешения как у старшего по званию обратиться к начальнику ПАХ.

Армейская хлебопекарня находилась в двух десятках километров от передовой. Стасик часто слышал отдаленные громовые раскаты боя и решился...

Однажды ночью он забрался под брезент груженной хлебом машины и вскоре был на передовой. Его хотели вернуть в ПАХ, но мальчишку невозможно было ни уговорить, ни поймать. Он кочевал по передовой из одной части в другую. Наконец по приказу старшего командира 6 февраля 1943 года он был зачислен в разведвзвод 37-го полка 5-го Донского казачьего корпуса. Солдат здесь называли казаками, его, Стасика, — казачонком. Как и всем, ему дали лошадь.

Воспитанник Советской Армии, которому не было еще девяти лет, стал разведчиком. Одетый под деревенского мальчугана, он ходил в тыл врага с котомкой за плечами. У него уже было боевое задание: запоминать, где, что и сколько.

Немцы почти не обращали внимания на плохо одетого, вихрастого мальчика. Встречая его, угощали подзатыльником.

Стасик стал не по-детски серьезным, особенно после того, как увидел тела повешенных мирных советских людей, сожженные дома, испепеленные села.

Когда бои шли уже на территории Венгрии, у озера Балатон, Стасик был ранен осколком мины в бедро. Его отправили в госпиталь в город Секешфехервар. Этот город юному воину запомнился на всю жизнь. На его глазах здесь разыгралась кровавая трагедия.

Советские войска вынужденно оставили Секешфехервар. Эвакуировать раненых полностью не успели. Фашисты ворвались в госпиталь. Они зверски уничтожили всех тяжелораненых, выкидывая их прямо из окон на мостовую. В живых остался один Станислав Полянский. Своей жизнью он обязан молодой венгерской женщине, которая, рискуя собой, на руках вынесла беспомощного мальчика из госпиталя. Она прятала Стасика у себя до тех пор, пока наши войска не выбили гитлеровцев из города. Как ее звать,

кто она, Полянский не знает, но помнит, что она жила где-то недалеко от госпиталя. Возможно, была санитаркой...

Стасик после выздоровления разыскивал свою часть. В селе Херетки-хаза его задержал офицер из особого отдела дивизии. Выручили солдаты, знавшие Полянского по госпиталю. Мальчика зачислили в состав 120-й отдельной разведроты 114-й гвардейской Дунайской Краснознаменной стрелковой дивизии.

В роте Стасик быстро прижился и стал своим. Он ходил с солдатами в разведку, а иногда просто бегал как связной с одного командного пункта на другой с поручением или пакетом. Приказом по дивизии от 4 апреля 1945 года он был награжден орденом Славы III степени, ему было присвоено воинское звание «гвардии младший сержант».

Советская Армия на всех фронтах неудержимо двигалась вперед, освобождая Европу от фашистской нечисти. Автоколонна 114-й дивизии проходила через австрийское село. Стасик ехал на автомашине, рассматривая дома с высокими крышами, похожими на огромные шалаши. И вдруг заметил: в чердачное окно одного из домов выглянул мужчина. Стасик пытался обратить на это внимание бойцов, ехавших с ним на машине. Но они только отмахнулись от него руками: «Мало ли что пацану может взбрести в голову...»

Когда за селом колонна остановилась на отдых, Стасик попросил разрешения у старшины роты пройти по селу. Его, как разведчика, влек к себе чердак, где он заметил человека. Стасик гордо шел по улице, как и подобает ходить победителям. Осмелевшие жители села с удивлением рассматривали советского мальчика в военной форме, с автоматом на шее и пистолетом на боку. Австрийцам странно было видеть подростка в форме и с орденом на груди.

Сравнительно быстро он нашел тот дом. Не задумываясь, вошел во двор. Держа наготове автомат, осторожно пробрался в помещение. В комнатах увидел разбросанные вещи и бумаги. Верно, хозяевам не хватило времени на сборы. В доме стояла необыкновенная тишина. Стасик только слышал, как учащенно билось его сердце. Казалось, кто-то притаился и вот-вот бросится на него. Любопытство толкало его вперед. Собравшись с духом, он заглянул на чердак и только тогда убедился, что в помещении никого нет. Стасик облегченно вздохнул и с досады сплюнул. Не может быть, чтобы он ошибся. Дом тот самый...

Разочарованно обойдя ряд дворовых построек, Стасик нашел эсэсовскую шинель с погонами офицера. В карманах ее обнаружил патроны от парабеллума и удостоверение. Но мало ли он видел на своем фронтовом веку шинелей? Стасик не обратил на это особого внимания.

Заглянув в пустой сарай для скота и не приметив там ничего, он хотел уже выйти, но вдруг остановился как вкопанный... Из-под перевернутой кормушки выглядывал пистолет. У юного разведчика лихорадочно заработала мысль: «Нет, пистолет не в руке человека, иначе не лежал бы плашмя на земле». Стасик осторожно подошел к кормушке и схватил парабеллум. Ему показалось, что кормушка вздрогнула. На всякий случай он отскочил к дверям и, держа наготове оружие, закричал «Хенде хох!» и еще что-то, по-венгерски.

Кормушка поднялась, и — он меньше всего этого ожидал — из-под нее вылез высокий мужчина... в спортивной форме. В руках у него ничего не было. Но, несмотря на это, Стасик, угрожая автоматом, заставил его поднять руки. Неизвестный пытался объясниться с ним на ломаном русском языке.

— Товарищ, я поляк! Бежаль от немца...

— Вперед! — решительно сказал Стасик. — В штабе разберутся...

В расположении роты над Станиславом посмеялись. Солдаты поверили в рассказ поляка.

Повеселевший поляк попросил у солдат русской махорки. Прикуривая, он взглянул в сторону сумрачного Стасика. В глазах поляка сверкнул злой огонек.

«Фашист», — подумал Стасик, вдруг вспомнив про шинель и документы.

— Посмотрите за ним! — крикнул он солдатам, а сам сбегал в тот дом и принес погоны от шинели и документы, которые, как потом выяснилось, принадлежали мнимому поляку. Он был командиром группы в сто тринадцать человек. Оказывается, гитлеровцы хотели ночью пробраться из тыла наших войск и уйти в Альпы, а пока прятались в развалинах старого замка.

Спасая себя, фашистский офицер помог советскому командованию взять всю группу без единого выстрела. Так чутье юного разведчика сохранило жизнь многим советским солдатам и офицерам.

Начальник разведки дивизии майор Ткаченко и начальник штаба дивизии полковник Павлов представили гвардии младшего сержанта Станислава Полянского к ордену Славы II степени. Но вовремя получить орден Станиславу не пришлось. Контузия, полученная в октябре сорок четвертого, которой вначале он не придал большого значения, отлежав несколько дней в медсанбате, напомнила о себе.

Тринадцатилетний Станислав Полянский был демобилизован из Советской Армии по болезни.

Несмотря на болезнь, Станислав — дипломированный сварщик шестого разряда по сверхвысокому давлению. За отличную работу его неоднократно награждали грамотами и денежными премиями.

Сергей ИВАНОВ

ПОЛ-ЕВРОПЫ ПРОШАГАЛ...

Шторм жестоко треплет небольшой корабль. Бурлит зимняя Атлантика. Тугой ветер срывает верхушки с волн, мешает соленые брызги с воздухом. После каждого порыва ветра на румяных щеках сигнальщика блестят, как роса, капли океана.

На мостике, рядом с сигнальщиком, укутавшись в меховой реглан, стоит капитан 2 ранга Соколов. Усталыми глазами внимательно смотрит он вдаль. Офицер только что вернулся из кубрика, куда ходил подбодрить молодых матросов, по-отцовски напутствовать перед вахтой.

...У Александра Александровича Соколова рано кончилось детство. Юность прошла в огне. Леденящее дыхание войны в его дом ворвалось раньше июня сорок первого. В тридцать девятом в боях с финнами пал смертью храбрых отец, кадровый командир Красной Армии.

...Фашисты подходили к Козельску. В городе семье командира оставаться было нельзя. С собой мать взяла лишь справку, что все хозяйство сдала государству, и двинулась в тяжелый путь.

В Тамбовской области, куда приехали эвакуированные, младшему, Саше, пришлось работать. Его научили запрягать лошадь, надевая хомут с табуретки. От зари до зари возил зерно, сено, дрова. По вечерам все собирались в тесной избе и с замиранием сердца слушали сводки о положении на фронтах. Однажды из репродуктора донеслось: «Красная Армия освободила Козельск». Вскоре после этого Соколовы возвратились в родные места.

...В августе сорок второго года через Козельск проходили части 149-й стрелковой дивизии. Все, кто был в городе, вышли на улицы.

— Покажи нам дорогу, — обратился к мальчику один из командиров.

Мальчик, гордый от такой просьбы, охотно согласился. Вместе с майором пошел впереди уходящей колонны. Тогда Саша Соколов не знал, что это будет началом длинной дороги, которая поведет его сперва на восток, а потом, круто повернув, стремительно — на запад.

Сейчас, вспоминая фронтовые дороги, Александр Александрович говорит:

— Война закончилась для меня под Прагой. Я был корректировщиком огня во взводе полковой разведки. На спине — катушки с проводом, через плечо — телефонный аппарат да автомат. Где бегом, где ползком, где вплавь. Тяну, куда прикажут.

Он тянул: от Козельска на Курск, потом к Днепру, на Вислу... Тысячи километров.

Однажды его послали к фашистам в тыл. Выполнив задание, на обратном пути Саша заблудился — пересек линию фронта в расположении соседней дивизии. Задержали. На допросе мальчик настойчиво твердил:

— Позвоните в сто сорок девятую...

Сначала ему не поверили. Когда убедились, что задержанный говорит правду, захотели оставить у себя. Стали агитировать: оставайся у нас, форму новую выдадим. Нам такие ребята нужны. Но Саша стоял на своем:

— Отправьте в мою дивизию.

— Ты наш трофей, — не выдержал молоденький лейтенант, — не отдадим, останешься у нас.

Но все же Саша вернулся к своим, в сто сорок девятую.

С этого времени бойцы стали звать его сынком, а кое-кто — трофейным мальчиком. Позже Мальчик стало позывным юного корректировщика.

Боевое крещение двенадцатилетний боец получил в августе сорок второго. Под Ульянином, в Орловской области, впервые участвовал в ночном бою. Под пулеметным огнем Саша прополз на наблюдательный пункт.

Никогда не изгладятся из памяти бои на Курской дуге. Дивизия стояла в местечке Вертякино на рубеже Дмитровск-Орловский, Поныри. У Понырей разгорелась одна из жарких битв войны. Сотни самолетов, танков, самоходных орудий беспрерывно атаковали позиции. От жары и трупного запаха неважно чувствовали себя даже самые бывалые бойцы. Саша корректировал огонь батарей своего полка.

— Там, — вспоминает Александр Александрович, — я впервые испытал, как от воя снарядов, гула самолетов, скрежета металла волосы встают дыбом.

Фронтовые дороги привели к реке Сев. Здесь ему впервые пришлось переплыть реку, протягивая связь на другой берег. Потом были Сож, Десна, Днепр, Висла...

...Глубокая осень. Холодный ветер гонит по Висле «сало». Командир вызвал в землянку двух бойцов. Один из них был Саша Соколов, второй — старый солдат, которого все звали дядей Егором.

— Дядя Егор, бери Мальчика и, чуть стемнеет, переправляйтесь на тот берег. Дело трудное, но надо.

Вечером два бойца спустили на холодную вислинскую воду плотик и, толкая его перед собой, двинулись в путь. На середине реки старшему стало плохо.

— Плыви, сынок, один, а я уж, видно, не доплыву...

— Дядя Егор, что вы? Осталось совсем, совсем чуточку...

— Боюсь, не выдержу, Саша.

— Доплывете!

Саша сильнее заработал ногами. Наконец обозначилась тонкая черная полоска берега. Выбрались из воды, от холода не могли говорить, но через несколько минут в полку знали: Мальчик на том берегу. Потом стало жарко. Они корректировали огонь, расчищавший плацдарм для высадки войск. В бою Саша был ранен. За мужество награжден орденом Красной Звезды.

В одном из небольших немецких городков Сашин взвод фашисты окружили на элеваторе. Засев напротив, в подвалах домов, они вели прицельный огонь. Особенно досаждал пулеметчик, устроившийся по другую сторону канала. Командир взвода нервничал: в таком положении трудно что-либо предпринять. Он расстроенно смотрел на Сашу. Тот понял его взгляд, как бы говорящий: «Надо как-то, Сашок, уничтожить». «Но как?» — кусая от досады пальцы, думал Саша. И тут в углу он увидел брошенный фаустпатрон — из серии, которая готовилась для фольксштурма. На снаряде с немецкой аккуратностью был выведен рисунок, показывающий, как пользоваться им. Мальчик отвел прицельную раму. К детскому плечу «фауст» никак не подходил. Эх, была ни была! Саша сунул его под мышку и нажал на курок. Сильный толчок отбросил к стенке. И тут же сердце запрыгало от радости: из подвала, где засел фашист, валил густой черный дым. Пулемет молчал.

— Молодцом, Мальчик, здорово! — кричал командир.

В бою Саше повезло еще раз: фашистским фаустпатроном он подбил «пантеру». Наградой за смелость, мужество и сноровку был высший солдатский орден — Славы III степени.

Смерть никого не щадила. Сколько раз она была почти рядом. Однажды корректировщик огня залег в стоявшем на отшибе разрушенном доме. Он, как всегда, кричал артиллеристам:

— Недолет! Перелет! Попадание!

Стрельба была удачной. Фашисты, вне себя от бешенства, бросились разыскивать корректировщика. Нашли. Окружили. Саша, отстреливаясь, продолжал работу. Был момент, когда он уже решил вызвать огонь на себя. Но бойцы отбили Мальчика у фашистов. После этого боя он получил орден Славы II степени.

Как ни оберегали Сашу, его ранило. В медсанбате он пробыл недолго, возвратился в родной взвод. Его возвращение было для всех праздником.

Саша не только смело воевал, но еще и пел хорошо. Бывало, сидит в минуты затишья у телефона. Кто-нибудь из друзей, соскучившись по дому, загрустит и звонит.

— Мальчик слушает...

— Спой, сынок, тихонько нашу любимую.

И несется из трубки мальчишеский голос: «На позицию девушка провожала бойца, темной ночью простилися на ступеньках крыльца...»

Полк подходил к Котбусу. В головной заставе — четыре разведчика. Шум мотора заставил залечь в кювете. Из-за поворота показался вражеский бронетранспортер. Маленький разведчик пополз навстречу бронированной машине, в его руках — противотанковая граната. Уже можно видеть лица гитлеровцев, их знаки различия. Напрягая все силы, он швыряет гранату. Мощный взрыв подбрасывает машину. Ветерок относит дым. На земле — фрицы в зеленых мундирах. Пятеро, выскочив, бросаются в лес, но пуле-

метные очереди советских разведчиков настигают их. В дымящейся машине вместе с другими трофеями оказался немецкий полковой штандарт.

Дивизия с боями подошла к логову фашистского зверя. Как и все бойцы, на перекрестках дорог читал Саша таблички: «До Берлина осталось... километров». Но их направили на помощь восставшей Праге. Там 5 мая Саша был ранен. С простреленной ногой лежал в окопе юный воин. Рядом — смертельно раненный старшина Пушкарь. Хороня убитых, многие плакали, не скрывая слез. Победа была совсем ведь близко.

Маленькому разведчику вручили четвертую боевую награду.

Интересная деталь. В графе № 7 «Участие в боевых действиях по защите СССР и в Великой Отечественной войне» наградного листа Соколова записано: «С 8.42 г. по 2.43 г. — Западный фронт, с 2.43 г. по 10.43 г. — Центральный фронт, с 10.43 г. по 12.43 г. — Белорусский фронт, с 12.43 г. — 1-й Украинский фронт». Для Александра Соколова песня, в которой есть слова «...пол-Европы прошагали...», — сама жизнь.

Младшим сержантом, с нашивками за ранения, кавалером трех орденов закончил войну Александр Соколов. В сорок шестом его отправили домой.

— Служить тебе еще рано, сынок, — сказал на прощание командир, — надо учиться.

Дождливой осенью приехал в Козельск пятнадцатилетний ветеран войны. Спрыгнул с машины, вскинул на плечо тощий вещмешок с буханкой хлеба и направился к родному дому, где не был несколько лет. Шел с беспокойством: а вдруг там никого нет? С замиранием сердца постучал. Долго не открывали. Первой вышла старшая сестра.

— Шурка! Ты?! А мы тебя уже похоронили... Ни одной весточки...

Обнимали, целовали. Собралась вся семья.

Быстро пролетели первые дни. Сверстники говорили об университетах, институтах, училищах. У Саши Соколова за плечами всего четыре класса да еще фронтовые университеты — борьба за свободу своей Родины, за освобождение Польши, Чехословакии.

Как-то вечером мать села рядом с сыном. Она понимала, о чем думает Саша, почему снял он ордена и медали.

— Ты можешь догнать. Надо начинать учебу.

Сдан экстерном экзамен за пятый, шестой классы, получено свидетельство об окончании семилетки. Сейчас все это уложилось в две строчки, но сколько за ними труда, упорства! Свидетельство давало право поступить в специальное учебное заведение. Александр выбрал военно-морское училище. Фронтовика приняли сразу. Саша не требовал поблажек, учился упорно, был награжден грамотой ЦК ВЛКСМ.

В училище осуществилась его давнишняя мечта — он стал коммунистом. Сколько раз видел Александр Соколов, как бойцы перед боем несли парторгу заявления: «Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП(б)». В сорок четвертом написал сам. Заявление тогда взял заместитель командира по политчасти.

— Ты, Саша, коммунист и обязательно будешь в партии. Но по уставу можно только с восемнадцати лет. Подожди.

Этот день наступил. В зале собрались коммунисты — офицеры, старшины — почти все бывшие фронтовики. Секретарь объявил повестку дня. Слово взял начальник училища капитан 1 ранга Калинин:

— Товарищи, я предлагаю первым рассмотреть заявление Александра Соколова, у него семь рекомендаций: три — у секретаря в деле и четыре — на груди.

Окончено военно-морское училище. Началась служба в штабе флота, работа с людьми. Капитан 2 ранга Соколов часто бывает на кораблях, ходит в дальние походы, обучает молодых офицеров, ведет большую воспитательную работу.

В адрес Александра Соколова приходит много писем, телеграмм. Особенно перед Днем Победы. Пишут боевые друзья — ветераны войны, пишут дети — красные следопыты. Пришло теплое письмо и из Москвы от Главнокомандующего Военно-Морским Флотом СССР Адмирала Флота Советского Союза С. Г. Горшкова. Он пишет: «...Желаю Вам крепкого здоровья и дальнейших успехов в службе по укреплению могущества нашего родного Военно-Морского Флота».

Страницы жизни капитана 2 ранга Александра Александровича Соколова — это биография поколения, для которого в двенадцать лет — война, затем учеба, флот. Вся жизнь — служение Родине.

Яков ЗАХАРОВ

О ВАСЕ КУРКЕ, СОЛДАТЕ И ТЕПЛОХОДЕ

Никто точно не помнит, как оказался Вася Курка на повозке взвода конной разведки нашего 726-го стрелкового полка. Во всяком случае это было, когда мы отступали под Мариуполем (ныне город Жданов). В сентябре сорок первого паренек поступил в техникум, а в октябре в Мариуполь ворвались фашисты. Вася убежал из города и прибился к нам.

Мальчишка с тонким, срывающимся голоском, открытым, доверчивым взглядом полюбился разведчикам за расторопность, общительность, смекалку. И оставили его во взводе — доглядывать за лошадьми.

Очень скоро всем стало ясно, что Васю в обозе не удержать, что он настоящий боец, отличный стрелок. Поэтому по рекомендации комсомольского бюро полка его направили в снайперскую школу. Здесь недавний врубмашинист шахты имени Войкова снайпер Максим Брыксин обучал бойцов подразделения меткой стрельбе из винтовки. После трехнедельного курса наук Брыксин выводил своих питомцев на передний край — сдавать экзамены.

Брыксин и его ученики наносили по врагу чувствительные удары. Вот что говорилось в сводке Советского информбюро за 3 мая 1942 года: «Снайперы подразделения тов. Маркиянчика (Южный фронт) наносят большой урон противнику. Снайпер тов. Брыксин уничтожил 126 гитлеровцев, Ипатов и Фаустов — по 100 гитлеровцев каждый».

В тяжелых, кровопролитных схватках летом сорок второго года Максим Брыксин и многие его товарищи выбыли из строя. Однако во время оборонительных боев на туапсинском направлении враг вновь ощутил на себе разящие удары наших мастеров меткого огня.

Вместе с юным учеником Брыксина комсомольцем Куркой на передний край стали выходить десятки других стрелков. Сам Вася Курка был награжден орденом Красного Знамени.

Когда дивизия сражалась на Кубани, Вася был направлен на учебу. Вернулся в родное соединение с погонами лейтенанта. Его назначили коман-

диром подразделения снайперов. Вскоре лейтенант заслужил еще одну награду — орден Красной Звезды, а затем и Почетную грамоту ЦК ВЛКСМ.

Юного героя любили все — подчиненные, товарищи, начальники. Сто семьдесят девять фашистов нашли смерть от его руки.

В первый день большого наступления наших войск на сандомирском плацдарме, 12 января 1945 года, Вася Курка погиб.

Веселого, жизнерадостного голубоглазого паренька, воспитанника стрелковой дивизии, не забыли боевые соратники, не забыла Родина. Именем юного снайпера назван океанский теплоход.

На «Васе Курке» молодой экипаж. Почти все моряки — недавние выпускники мореходных училищ, многие — студенты-заочники. Да и сам капитан корабля Виктор Карпов всего несколько лет назад окончил высшее мореходное училище. Кстати, у капитана за плечами немалый опыт морской службы. Он в пятнадцать лет пришел на флот, а наш Вася в таком же возрасте стал воином, защитником Родины.

...Авачинскую бухту, причалы Петропавловска-Камчатского оглашает гудок теплохода. Здравствуй, «Вася Курка»!

Клара ХРОМОВА

ПИСЬМА О ПОДВИГЕ

Фронтовые газеты рассказывали о судьбах нескольких мальчишек, добровольно ставших солдатами. Таких в те суровые годы называли «сын полка».

Рыбинский школьник Боря Новиков с первых дней войны рвался на фронт. Взрослые поражались его упорству — трижды возвращали мальчишку с полдороги домой, в четвертый раз он добился своего. Тогда ему было одиннадцать лет. Он стал сыном одной из частей Ленинградского фронта.

С разрешения матери Бориса привожу некоторые его письма.

«Добрый день или минутка!» — вот любимый его зачин. В перечислениях приветов родственникам, дружкам, учителям Мария Ивановна чувствовала тоску сына по дому. Скупы, по-мужски немногословны, сдержанны письма юного солдата.

«Живу хорошо. Сплю крепко, если позволяет боевая обстановка... Я — человек военный. Мне выдали обмундирование. Скоро кончится война — встретимся, но вряд ли ты меня узнаешь...»

А иной раз прорвется мальчишеский восторг:

«Скоро мне дадут орден! Если поеду в Москву — встретимся».

— Эх, Борька, Борька... — вздыхает мать.

После войны Мария Ивановна осталась совсем одна. Пока работала на орденоносном заводе полиграфических машин машинистом компрессорной установки, среди людей находилась — вроде легче было. Теперь труднее: для материнского сердца даже время не лекарь.

Как-то, сразу после войны, к соседям Новиковой приехал родственник и, не найдя никого дома, остался ждать их у Марии Ивановны. Подошел к вывешенным на стене фотоснимкам. На одном — мальчик в пилотке. Гость насторожился.

— А кем вам этот парень приходится?

— Сыном.

— Так я же его видел.

— Не может быть...

— Точно видел. На Ленинградском фронте. Мы вышли из окружения. Глядим, у костра сидят старик и этот мальчишка. Я подал руку старику, похлопал по плечу пацана и спросил: «А ты как сюда попал?» Он распахнул телогрейку — на груди медаль «За отвагу».

— А кличку его фронтовую знаете? — спросила Мария Ивановна.

— Гаврош.

Никаких сомнений не осталось — это был ее Борька. Мария Ивановна расспрашивала гостя, как выглядел сын в те дни, пыталась побольше узнать о нем. Ведь Боря в своих письмах был краток: все, мол, в порядке, не волнуйся.

«Привет от бойца Северо-Западного фронта Новикова Бориса, — так начиналось одно из писем к матери. — Нахожусь в конной разведке. Звание мое ефрейтор. Роботаю почтальоном. Есть лошадь, зовут Машка. Может, увидимся. 7 мая был в опасном бою, выносил раненых».

В храбрости сына Мария Ивановна не сомневалась. Помнит — отчаянный рос мальчуган, заводилой среди своих сверстников слыл. Слез у него никто не видел. Только трудно, очень трудно ему сейчас. Выдержит ли он тяжелые испытания?

В минуты одиночества она все чаще брала в руки его фотографию и говорила, точно сын стоял перед ней:

— Если будут тебя пытать враги, уверена, что смолчишь.

И как бы в ответ приходили письма от командования:

«Находясь у нас, Борис хорошо воспитывается. Это — юный герой. Смел, находчив. Его снарядили в красноармейскую форму, сшили все по росту. Не беспокойтесь: он находится в хорошем надзоре».

И еще:

«Мария Ивановна! Боря находится вместе со взрослыми на передовой и помогает нам в трудную минуту. Кончится война, многие узнают о нем».

А вот что писала о Гавроше армейская газета:

«Раненый был рослым бойцом. Ему казалось неудобным опираться на плечо маленького санитара, и он сказал: «Оставь меня». Борис обиделся: «Ты это брось. Ты у меня сегодня не первый. — И потом уже мягче: — Ну потерпи немного. Скоро придем».

В лесу под зелеными соснами располагался пункт медицинской помощи. Борис сдал раненого бойца врачу и опять пошел, вернее, побежал туда, где шли бои. Он бежал вприпрыжку, по-мальчишески размахивая руками, и что-то напевал. Врач посмотрел ему вслед и тихо сказал: «Гаврош. Настоящий Гаврош».

Этим именем Бориса называют и те, кто видел его на поле боя. Маленький, юркий рыжий мальчишка проворно ползал по переднему краю, выводил раненых, собирал оружие и снова появлялся в самом пекле.

...Снайпер вел счет истребленным оккупантам. Артиллерист подсчитывал, сколько вражеских блиндажей и пулеметных гнезд уничтожил его расчет. У Бориса был свой счет. Он вынес с поля боя восемнадцать раненых, оказал санитарную помощь двадцати шести бойцам и командирам, доставил бойцам три ручных пулемета, два автомата, двенадцать винтовок, собрал много ценных документов противника.

Однажды после боя Борис сидел в блиндаже у командира. Как взрослый, молча просматривал газеты. В одной из газет был напечатан очерк «Володька Рыбинский». Борис пробежал глазами несколько строк и вдруг заулыбался.

— Гм, я думал — это парень, а это — девушка. Наша, рыбинская, девушка. Послушайте, товарищ командир. — И стал читать:

«Это произошло в прошлом году. Комсомолка Валя Серухина пешком ушла на фронт. Одиннадцать суток шла. Три раза ее возвращали назад, но Валя настояла на своем. Так и попала она на фронт».

Борис читал о девушке и представлял свою жизнь. Как и Валя, он ушел из дома, из Рыбинска, на фронт с твердой целью: защищать Ленинград. Правда, до Ленинграда не дошел — встретил вот этот полк.

— Валя Серухина известна всему фронту, — сказал командир. — О ее подвигах писали в газетах еще в прошлом году. Да ведь и ты у нас герой.

Борису хотелось сказать за себя и за Валю. Потому он ответил:

— Мы из Рыбинска, товарищ командир. У нас в Рыбинске все такие...

Каким же был Борис?

— А вот смотрите. — Мария Ивановна показывает пожелтевшую фотографию.

На стуле сидит худенький ребенок с балалайкой в руках. Запоминаются не по-детски серьезные глаза.

— А через год на фронт убежал, — вздыхает мать. — Какой, думаю, из него солдат? Отца Боря не помнил: Михаил Яковлевич умер двадцати семи лет. Боря рос с отчимом. Очень они любили друг друга. Дружили. Альберт мне всегда говорил: «Маруся, береги Борьку — он станет твоей правой рукой».

Борин отчим погиб в первые дни войны.

Почти каждое письмо к матери Гаврош заканчивал словами: «Не беспокойся, я жив и здоров. Вернусь домой с победой!»

Но судьба распорядилась иначе. Жжет руки матери похоронная:

«Красноармеец-доброволец Новиков Борис Михайлович убит 12 июля 1942 года, похоронен на дивизионном кладбище у деревни Язвищи Лычковского района Ленинградской области» (сейчас эта деревня входит в Валдайский район Новгородской области. — *К. Х.*).

Потом в Рыбинск пришло еще одно письмо:

«...Ваш сын Боря — герой, настоящий патриот нашей Родины, с первых же боев показал себя храбрым, отважным, за что награжден медалью «За отвагу». Над гробом вашего сына Бори мы все поклялись отомстить мерзавцам за смерть дорогого воспитанника.

Трудно вам, дорогая Мария Ивановна, пережить эту утрату, но недалек тот час, когда мы предъявим большой счет мерзавцам за все зверства, потери и разрушения, которые они нанесли нашей славной Родине. Ваш сын похоронен со всеми почестями. Командир полка Н. Лазарев».

У этой истории есть продолжение.

Через военкоматы Ленинградской и Новгородской областей мне удалось разыскать место захоронения Бориса и связаться с его боевыми командирами.

Письма ветеранов войны расширяют скупые сведения о нем.

Гвардии майор в отставке В. А. Козырев:

«Я знал Бориса только в тот период, когда он был воспитанником батареи 76-мм пушек 380-го стрелкового полка. К нам его направили из штаба полка, чтобы он был дальше от переднего края обороны. Солдаты нашей батареи приняли его как родного сына. Сшили ему военный костюм и сапоги, выдали личное оружие, и он все время находился при командире или комиссаре батареи. С ними жил в землянке, спать ложился на нарах между ними, и те в холодное время согревали его своими телами. Он быстро завоевал симпатию личного состава батареи. Каждый солдат старался его приласкать, сделать ему что-нибудь приятное.

Борису у нас нравилось жить и служить. В его обязанности входило помогать нашему санинструктору при оказании первой медицинской помощи раненым. Мальчик был отважным, не боялся разрывов снарядов, мин и свиста пуль. Он, видимо, не верил в возможность быть раненым или убитым...»

Полковник запаса Н. Л. Парфенов:

«...Борис оказался в нашем эшелоне около Вышнего Волочка. По прибытии на фронт он находился в штабе нашего третьего стрелкового батальона. Потом перешел в мою девятую стрелковую роту... Борис состоял в ячейке управления роты, был моим связным, передавал мои приказания командирам взводов, донесения командиру батальона.

...Он перевязывал раненых под пулеметным и автоматным, артиллерийским и минометным огнем. Ему постоянно угрожала опасность быть убитым или раненым, но удержать его было просто невозможно...»

Г. М. Плахотнюк:

«На железнодорожной станции Бологое в апреле сорок второго года в кабинете военного коменданта, куда я вошел уточнить маршрут, увидел рыжего, конопатого, плохо одетого мальчонку. Подружились сразу. Тогда наш 380-й полк в составе 171-й стрелковой дивизии отправлялся на Северо-Западный фронт».

У Григория Михайловича Плахотнюка особое расположение к Борису: собирался его усыновить (ведь Борис назвался сиротой — иначе был бы отправлен домой). Особенно ему запомнился день 7 мая 1942 года. Тогда в одном из боев Борис Новиков вывел в укрытие с поля боя многих раненых.

С. И. Лебедев:

«Мы воевали по долгу. Борис — только по велению сердца. Прохожу как-то мимо, слышу детский голос. Обернулся — увидел мальчишку: подполз к убитому бойцу, силится и не может перевернуть, чтобы вынуть документы из нагрудного кармана гимнастерки. На замечание одного из красноармейцев: «Ехал бы домой — трудно тебе здесь», — Борис ответил серьезно: «Да уж война — значит война для всех».

Н. Л. Парфенов:

«...Запомнился мне такой эпизод. На Северо-Западном фронте шло длительное и большое наступление. Я, командир роты, управлял боем, находясь

в мелком окопчике. Смотрю, Борис идет, не торопясь, с двумя медицинскими сумками. Идет прямо по открытой местности, хорошо наблюдаемой и простреливаемой противником. Я кричу Борису:

— Ложись!

Он не спеша подходит и говорит:

— В меня не попадут.

Я затащил его к себе в окопчик и спрашиваю:

— Зачем тебе две медицинские сумки?

— Одна, — говорит, — моя, другую взял у убитого санитара — пригодится.

В том же, сорок втором году Бориса наградили медалью «За отвагу».

Несколько лет назад в газете «Литературная Россия» был напечатан мой очерк о Боре Новикове. Вскоре я получила письмо от учителей из Лычковского района Новгородской области. Они просили помочь в поисках Марии Ивановны Новиковой, с которой у меня завязалась переписка.

Узнали о юном герое и следопыты средней школы № 19 города Рыбинска, расположенной в районе завода полиграфических машин. Ребята собрали немало фотодокументов о юном герое, оформили стенд; одному из лучших пионерских отрядов присвоено имя Бори Новикова.

С тех пор каждый год на День Победы пионеры и учителя из Рыбинска вместе с Марией Ивановной Новиковой выезжают на место захоронения Бориса, встречаются с лычковскими школьниками, которые ухаживают за могилой юного героя, пополняют музеи материалами о нем.

...Мальчишка мечтал о подвигах. В годы Великой Отечественной он помогал взрослым защищать Родину...

Василий КНЯЗЕВ

ДВАЖДЫ УСЫНОВЛЕННЫЙ

Никаких подвигов на войне я не совершал: в сорок первом году мне исполнилось всего-навсего шесть лет. Спро́сите, а что я могу помнить, коль был еще маленьким? Все помню. Такое не забывается.

Перед войной перебрались мы из Ленинграда в Витебскую область. Там жили пять братьев и пять сестер матери. Соответственно и у меня было много-много родственников: братья, сестры, дяди, тети...

Помню, как погиб отец. Он поддерживал связь с партизанами. Как-то завязалась перестрелка между партизанами и фашистами. Отец рванулся на улицу. Но не успел закрыть дверь дома, как настигла его пуля гитлеровского автоматчика.

Вскоре по чьему-то доносу фашисты схватили мать. Публично допрашивали на площади перед заводом, избивали. А затем повели. Я — за ней. Пнули меня сапогом — я в крапиву. Поднялся, смотрю — мать обернулась и кричит: «Прощайте, дети!» Потом автоматная очередь — и всё.

Подался я в соседнюю партизанскую деревню к тетке. Фашисты туда сунуться боялись. Сплела мне тетка лапти, сшила армяк, и пошел я побираться. А дядя мой, партизан, учил меня:

— Ты ходи да приглядывайся, все высматривай.

Ну я ему и рассказывал обо всем, что видел. Патрули меня не задерживали: что возьмешь с попрошайки? Наведывался и к старшему брату (ему двенадцать лет было), которого оккупанты заставили работать на заводе. А еще обязали его возить в бочке теплую воду какому-то важному эсэсовцу.

Он был начальником, этот фриц, холил себя, знал толк в водных процедурах. И вот однажды мы опоздали. Эсэсовец выхватил из кармана пистолет и начал целиться. Сначала в брата, потом в меня. А затем выстрелил между нами. Мало ему этого показалось. Схватил обоих за шиворот, подвел к бочке и — головой в воду. Подождал, пока захлебываться стали, приподнял. Дал отдышаться — и снова в воду. И так до тех пор, пока не надоела ему эта забава. Брат увез меня на салазках.

Так и жил у тетки до прихода Красной Армии. В нашем доме остановились двое — майор Булавин и капитан Иванкин. Они давали мне кое-какие мелкие поручения, и я исправно выполнял их.

Мне очень нравились погоны. Я вырезал их из картона, нарисовал звезды, нацепил на свой армяк и в таком виде предстал перед постояльцами. Улыбнулись Булавин с Иванкиным:

— Что ж, аника-воин, пойдем с нами на Берлин!

Так стал я сыном полка. Вместе со своей саперной частью через Витебск, Минск, Каунас, Шяуляй, Тильзит дошел до Кёнигсберга. По штатному расписанию был связным, но, конечно, рвался в настоящее дело. И вот однажды...

В Восточной Пруссии пришлось иметь дело с минами в деревянном футляре. Миноискатель тут бесполезен. Обнаруживать эти деревяшки нам помогали собаки. Подготовил я своего Арса, научил находить мины, и отправились мы с ним на минное поле. Кончилось тем, что капитан Иванкин посадил меня на гауптвахту...

Там же, под Кёнигсбергом, получил первые уроки грамоты (в школу-то я не ходил). Был в нашей части боец, учитель по профессии, Шапошников. Из бумажных мешков, в которых возили продукты, сделал мне тетради, разлиновал, написал таблицу умножения. Так начал я учиться писать и считать.

Но грамота грамотой, а я рвался в Берлин, как и договаривались. Наша часть обосновалась в Кёнигсберге. Зато соседи-артиллеристы, с которыми я подружился, шли штурмовать германскую столицу. Не долго думая, забрался я в кузов «студебекера», и — в путь... Шапошников нашел меня под Берлином через двадцать дней и вернул в часть. На этот раз обошлось без наказания. Мы праздновали Победу!

Брата разыскал я в городе Вилейке. Жили, конечно, небогато, на каком-то чердаке. Но не вешали носа. Не раз заглядывал я в горисполком, нам помогали. И вот однажды председатель сказал:

— Зайди-ка вечерком, орденоносец, вот по этому адресу. (Ордена-то у меня не было, были медали «За взятие Кёнигсберга», «За взятие Берлина» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».)

Зашел вечером, как просили, и оказался в доме председателя. Так усыновили меня во второй раз, стал я Князевым Василием Алексеевичем, хотя от рождения — Сигалев Василий Петрович.

Ну а потом учеба — в школе, в педагогическом институте, в институте физической культуры. И вот уже двадцать пять лет работаю тренером. Сейчас старший тренер сборной юношеской команды Белоруссии по волейболу.

Валерий СУХОДОЛЬСКИЙ

ПАМЯТЬ О ДЕТСТВЕ

На вокзал пришел весь пятый класс. Пришла учительница Анна Васильевна. Провожали Борю Кондратьева. На фронт, к отцу.

А он стоял среди них, на голове — пилотка с красной звездочкой...

Путь далекий — из Казани под Одессу. Год сорок четвертый. Ехал эшелоном с танкистами почти пять суток, потом на попутных подводах, грузовиках, потом пешком шел... Искал 1-й гвардейский Николаевский Краснознаменный укрепрайон, второй пулеметно-артиллерийский батальон, отца искал — старшего сержанта Кондратьева Сергея Ефимовича.

А получилось так. Остался мальчишка совсем один в Казани. Мать умерла еще в тридцать втором, отец, главный бухгалтер комбината, ушел воевать, а потом и старший брат Юрий стал красноармейцем. Переживал отец — один Борька. Решил просить командира, чтобы зачислили сына в воспитанники. Кондратьеву пошли навстречу.

В Казани мальчика вызвали в военкомат, сказали: к отцу поедешь, на фронт. Пошили форму, выдали справку: направляется в 1-й гвардейский Николаевский...

Свою часть он разыскал в тридцати километрах от Одессы. Пришел в штаб, достал документ, показал. Вызвали отца. На глазах у обоих заблестели слезы. А вокруг стояли солдаты.

И стал Борис Кондратьев нести службу во взводе связи. Перематывал катушки, крутил генератор, связь на линии восстанавливал.

Фронт отодвигался все дальше и дальше на запад, и вместе с батальоном шагал по военным дорогам Боря Кондратьев. Его сверстники перешли в шестой класс, а он с отцом и товарищами переходил одну границу за другой — Болгария, Югославия, Венгрия, Австрия... Ему знакомы Пловдив, Белград, Будапешт, Вена. Под Балатоном ударил фашист неожиданно, артиллерийский снаряд угодил в блиндаж связистов. Там находился и Боря Кондратьев. Засыпало их, и быть бы тому блиндажу могилой, да венгерская крестьянка собрала сельчан, откопали, спасли людей.

В австрийском городе Тульн на Дунае встретили отец с сыном Победу. Первыми о капитуляции Германии узнали радисты, друзья Бориса...

...Фронтовой снимок сделан в сорок четвертом году. Отец и сын сфотографировались вместе и послали фотографию брату Бориса, Юрию, авиатору. На обороте написано: «Юра! Тебе на добрую память о нас и об Отечественной войне. Сентябрь 1944 года. Папа и братка на Дунае».

Вернулись Кондратьевы в родную Казань. Сын окончил техническое училище, стал слесарем-монтажником. Потом получил специальность

шофера. А отец Сергей Ефимович прожил недолго. Еще с гражданской войны мучила его тяжелая рана: в Туркестане в схватке с басмачами выбила красного командира из седла вражья пуля. Да и четыре года последней войны не прошли без следа. Умер отец в сорок седьмом.

Давно стал отцом Борис Сергеевич, дочка уже в институте учится. Живет и работает ныне Кондратьев в Москве. Он — водитель 1-го класса одной из столичных автобаз.

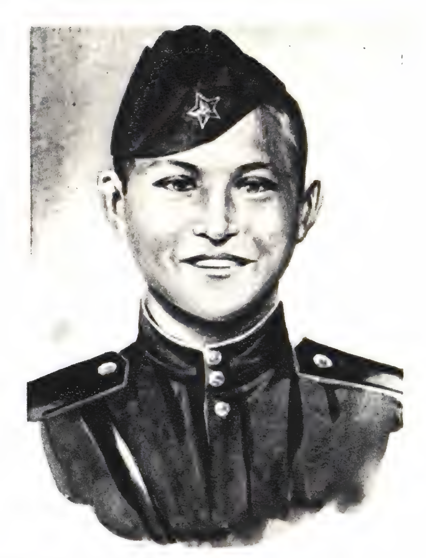
Когда мы беседовали с Кондратьевым, я спросил о людях, которые ему особенно дороги. Борис Сергеевич оживился, назвал тех, кто были ему и учителями, и добрыми старшими товарищами в те годы. Вот несколько фамилий. В первую очередь — командир батальона майор Воробьев. Погиб на Балатоне. А остальные живы. Это радисты Борисов Александр и Шалимов Михаил, это командир взвода связи капитан Толкачев, муж и жена Зимбицкие, лейтенант Богомолов.

Много лет хранит он самые лучшие воспоминания об этих людях. Мечтает о встрече.

Вячеслав ФЕДОРОВ

ШЕЛ ВОЙНОЙ МАЛЬЧИШКА...

— Хорош! Ну хорош! — приговаривал добродушный дядька, вовсе не похожий на военного, если бы не латаная гимнастерка да мятые, из зеленого сукна, с ярко-красной окантовкой погоны на ней. Он резко поворачивал Мишку в разные стороны, причем тот никак не мог догадаться, куда в следующий момент его повернут, и был совершенно не готов к этому. Каждый раз при резком повороте у него больно отдавалось в шее, потому что голова поворачиваться запаздывала. Мишка терпел. Теперь он был военным. И форма у него была точь-в-точь, как у капитана Кондратьева — его второго, уже военного, отца.

Мишка стал сыном полка. Вернее, воспитанником автороты 362-й стрелковой дивизии, что входила в состав войск 1-го Белорусского фронта. Случилось это так.

Однажды капитан Кондратьев ехал по своим делам на грузовике, а на обратном пути думал заскочить на ферму договориться о молоке для своих бойцов. По дороге он и встретил Мишку Москалева, который согласился показать путь. Капитан стал расспрашивать Мишку о житье-бытье. Рассказ мальчишки был грустный, многое пришлось ему увидеть и пережить...

Был июль, и над полями стояло дымчатое марево. Поседела от пыли листва на тополях. Прокаленная дорога жгла босые ноги деревенских мальчишек, и оттого, наверное, те не стояли на месте, а весь день носились от околицы к околице, встречая и провожая усталых красноармейцев. А они шли неровным строем через деревню, измотанные дорогой, в серых, почти расплавившихся от жары сапогах, в белых, выцветших гимнастерках. По дальнему шляху, огибая деревню, проносились машины. Долго стояла пыль над дорогой.

У села Буглаи, где жил Мишка, на какое-то мгновение задержался фронт. Окопавшиеся на буграх бойцы то ли пытались приостановить наступление гитлеровцев, то ли прикрывали отход своих, но село оказалось на нейтральной полосе. Пули впивались в избы с двух сторон.

Спустя два дня после этого село стало ничейным. Били пушки. Над деревней летали снаряды. Мелко подрагивали яблони в садах. Все жители забились в подвалы, кладовые, амбары, погреба... Сидел в кладовке и Мишка Москалев с матерью и сестрами. Не видя, что делается вокруг, он представлял себе двух великанов в смертельной схватке. Бабка о них когда-то рассказывала. Кидали великаны друг в друга деревья, вырванные с корнем. И проносились деревья в воздухе с таким шелестом и свистом, как неслись теперь снаряды от дальнобойных пушек. Печальной была мать. Она думала об отце, который совсем недавно ушел на фронт.

На следующий день немцы заняли село, чтобы жить и хозяйничать в нем целых два оккупационных года.

За эти два года Мишка лишился отца и матери.

Отец вернулся домой еще в первую военную зиму. Их часть окружили фашисты. Беспорядочный был бой, суматошный. Враг рассек их оборону пополам, потом еще в нескольких местах. Стрелять стало опасно — в своих попадешь. Шли на немца врукопашную. Отца оглушили прикладом. Попал он в плен. В суматохе пересыльных лагерей и пунктов сортировки удалось бежать. Пришел в родное село.

В лесах окруженцы группировались в отряды. Отец стал у них связным.

В селе появились нежданные гости. Откуда-то взялся бывший подкулачник Шишнев. Перед самой войной он исчез из села, говорят, милиция за что-то прибрала. А тут, на тебе, появился, да не кем-нибудь, а старостой стал. Теперь он часто наведывался в дом Москалевых. Отец, единственный во всей деревне, встречал его приветливо. Так нужно было. А староста все выглядывал и выслушивал. Казалось, даже к щам принюхивался, которые мать вытаскивала из жаркой печки. И вроде бы ничего подозрительного не заметил, но все же донес на отца.

Как-то раз отец собирался в лес. Пошел за огороды и увидел фрицев, цепочкой окружавших деревню.

В тот день немцы заживо сожгли две семьи, взяли Мишкиного отца. Последний раз Мишка видел его стоящим под ясенем. Он выбежал к отцу. Полицай, суетившийся при немцах, откинул ребенка, сказав: «Живи пока, за тобой придем погодя». Мишка упал в снег.

Отца долго пытали. Перед смертью ему пришлось испытать страшные муки. Никакой надежды на спасение и возвращение домой не было. Рассказывали потом, что, когда вели отца к рощице, он еле передвигал ноги. Три залпа пережил он, стоя на краю глубокой ямы: то ли издевались над ним полицаи, то ли не хотели брать вину на себя. Убил его офицер из черного блестящего парабеллума.

Летом, не пережив горя, умерла совсем еще молодая мать. Сестры отца поделили семью Москалевых.

Через два года вновь по Буглаям прошел фронт. Быстро прошел, волной. Как на отмели, оставил в лесу подбитые фашистские танки, в полях — дырявые каски. В селе расквартировались бойцы тыловых частей да те подразделения, что были выведены из боев на отдых. Авторота, которой командовал капитан Кондратьев, тоже стояла в селе. Из Мишкиного рассказа офицер понял, что мальчишку ничто теперь не связывает с родным домом. Кондратьев предложил идти к нему в автороту.

Парнишке выдали маленькую синюю красноармейскую книжку, она у Москалева хранится до сих пор. В графе «Звание и должность» было записано: «Красноармеец, воспитанник». А в графах о получаемом довольствии стояли отметки о выдаче красноармейцу Михаилу Москалеву сапог, пилотки, нательного белья, портянок, ремня, эмблем и всего прочего, что положено солдату, идущему дорогой войны. У него даже был планшет с вложенной туда картой. Это была совсем лишняя экипировка, так как Мишка с двухлетним школьным образованием ничего в карте не понимал, но планшет придавал ему солидность. Еще Мишка пристрастился курить. Как-то раз он пришел к старшине за месячным довольствием. Тот спросил:

— Что выдать: сахар или табак?

— Табак, — не задумываясь о последствиях, произнес Мишка, и за это был здорово наказан. Старшина начал:

— Я тебе покажу табак...

Выкуренная перед этим цигарка была последней в жизни Михаила Афанасьевича Москалева. Он всегда с благодарностью вспоминает старшину с его крепкими педагогическими «правилами».

...К концу войны Мишка здорово повзрослел. В свои двенадцать лет он управлял машиной и мотоциклом. Солдаты доставляли ему тарахтелки, которые грудами валялись у шоссейных дорог. Мишка отвозил на них донесения в штабы, выполнял различные задания. Его наградили медалью «За отвагу».

Наши войска стремительно наступали. Бои шли уже в Германии. Немцы отчаянно сопротивлялись, кое-где переходили в наступление. Так случилось и с авторотой. На одном из участков немцы внезапно замкнули кольцо вокруг роты, в которой служил Мишка. Надо было отступить, сохранив машины. Выбрались на окраину леса. Впереди — поле, его перерезает шоссе. Только выехали из леса, как их накрыл минометный огонь. Бетонка простреливалась фрицами. Считай — окружение, жги машины и прорывайся пешим ходом. И это в самый разгар наступления, когда каждая машина дорога. Нужна была помощь.

Вперед вышел Мишка и попросил командира послать его с донесением. Капитан Кондратьев долго смотрел на мальчишку, думал, а потом вручил пакет.

— Осторожней, Миша... — сказал он и отвернулся. Капитан понимал, что брал на душу грех: отсылал с пакетом воспитанника, парнишку-сироту.

Мишка завел мотоцикл. Для верности сделал круг и рванул в поле. Новенькая одноцилиндровая немецкая машина шла хорошо. Мишка не раз ездил на ней и мог вытворять такое, что боялся показать даже капитану.

Рожь больно хлестала по рукам, во рту пересохло, и горькая пыль сковала язык. Наконец Мишка вырвался к шоссе. Не сбавляя скорости, резко развернувшись, устремился в ров, отделяющий дорогу от поля. И тут его заметили. По бетонке рикошетили пули, в лицо летела колючая пыль крошившегося бетона. Мишка почти не замечал этого...

Он примчал в штаб и вручил донесение. Соседние подразделения выручили автороту из беды.

...Мишку награждали уже после войны, в маленьком городке под Берлином. Стоял застывший строй, а он, щупленький, — перед строем, с

новеньким орденом Славы III степени. И бойцы, видавшие смерть, ходившие в жестокие атаки, — плакали. И поздравляли они его потом, когда разошлись, когда немного пришли в себя от нахлынувших воспоминаний о доме, семье, детях.

А Мишка был весел и беззаботен. Что еще нужно солдату: окончилась война, и есть с чем приехать домой. Тем более если солдату всего-навсего двенадцать лет.

Всеми солдатскими благами пользовался Мишка. Солдаты вконец разбаловали его разными угощениями — для них он был и оставался мальчишкой, хоть и ходил в новенькой гимнастерке, при всех наградах. От предложений ехать с кем-либо из солдат домой не было отбоя. А он скучал по капитану Кондратьеву. В последней стычке на Эльбе командира автороты контузило, его увезли в госпиталь. Вот и уехал Мишка на родину, не попрощавшись с капитаном.

Где капитан Кондратьев? Где старшина, который отучил Мишку курить? Не знает этого Михаил Афанасьевич Москалев. Тогда адресов не записывал, с грамотой был не в ладах. Но крепко верит он, что встреча его с однополчанами будет, обязательно будет!

Долго потом после войны устраивался в жизни маленький солдат. Это было тоже большим испытанием. Сейчас Михаил Афанасьевич Москалев живет в Арзамасе. Растит сына Игоря и дочь Светлану. Сыну столько же, сколько было отцу, когда кончилась война. Дорогой ценой своего детства отвоевывал он счастье для детей.

Владислав МОНАХОВ

ЕФРЕЙТОР ВАСЯ

Когда на мой редакционный стол легла вместе с письмом эта фотография, я долго не мог оторвать от нее взгляда. Жаль, что газетное клише не передает всего обаяния юного солдата. С его трогательной челкой на лбу, лукавой мальчишеской улыбкой. Как ладно сидит на парнишке гимнастерка, перешитая по росту чьими-то заботливыми руками. На фотографии он изображен вместе с девушками-санинструкторами.

Снимок сделан в сорок пятом в госпитале, сразу после войны. Ефрейтору Василию Трофимовичу Артемову было тогда двенадцать лет.

«Помогите мне найти Васю, — писал в своем письме в «Известия» бывший офицер артполка 52-й стрелковой Шумлинско-Венской дважды Краснознаменной, ордена Суворова дивизии Павел Евграфович Смирнов. — Он прошел вместе с нашим полком трудные военные дороги и был мне как сын.

В боях за Прагу, 8 мая 1945 года, меня тяжело ранило в голову. Утром 9 мая я ненадолго пришел в сознание. Первым, кого я увидел, был Вася. «Товарищ капитан, — возбужденно зашептал он, — победа! Победа, товарищ капитан!..»

Я долго лежал в госпиталях. Все это время Вася, мой адъютант, неотлучно находился со мной. В сорок шестом меня отправили в Одессу к знаменитому профессору Филатову, а Вася поехал поступать в суворовское училище. Почти два года я лечился после ранения, перенес одиннадцать сложных костно-пластических операций, и ничего — выжил. Когда немного поправился, стал справляться о Васе. Куда я только не обращался! Все напрасно... Прошло с той поры почти тридцать лет, но я не перестаю верить, что Вася найдется. Не может быть, чтобы он не нашелся...»

Вот такое письмо. Подобных писем много приходит в редакцию. Нередко в конверт вложена пожелтевшая от времени фотография, где изображены отец или сын, сестра или брат. И просьбы в письмах схожие. Одни хотят

отыскать дорогую могилу, другие, получившие извещение «...пропал без вести», все же надеются узнать о боевой судьбе близкого человека. Однополчане, не видевшиеся с военных лет, ищут своих фронтовых товарищей. Теплится надежда у старых матерей: сын жив, он вернется...

Война коснулась черным крылом почти каждой советской семьи. Поэтому нельзя без волнения читать все эти письма. Только зачастую помочь их авторам не в состоянии и газета.

Однако с ефрейтором Васей Артемовым случай особый. Он ребенком начинал войну, мальчишкой закончил. Кто из фронтовиков не помнит, как по-отцовски берегли от пуль сыновей полков, как желали, чтобы хотя бы они — юные солдаты — дожили до нашей Победы. Вася дожил. Улыбаясь, смотрит он со снимка. И не будь на нем гимнастерки с медалью, никогда не поверил бы я, сколько пришлось пережить этому пареньку, не однажды смотревшему смерти в лицо.

В своем письме Павел Евграфович Смирнов подробно рассказывал о боевых делах Васи. О том, как, переодевшись пастушком, ходил он в разведку, доставлял под огнем на позиции снаряды, выносил раненых с поля боя, конвоировал в штаб пленных гитлеровцев... Мальчишеский подвиг его достоин самой высокой памяти.

Написал я «крестному» отцу Васи — Павлу Евграфовичу Смирному в Баку, где он сейчас живет и работает оператором Метростроя. Мое письмо не застало адресата на месте. Смирнова пригласили в Комсомольск-на-Амуре — в город, который когда-то он строил. Вернувшись, Павел Евграфович прислал мне бандероль, где кроме ответного письма были номера газет — советских и болгарских, еще — краткий исторический очерк боевого пути 52-й стрелковой дивизии, написанный бывшим заместителем командира дивизии гвардии полковником А. Липатовым.

В болгарской газете «Росица», в номере за 15 мая 1971 года, помещен репортаж «Разговор с героем Павлом Смирновым». Ветеран 52-й стрелковой дивизии приехал в Болгарию погостить у своих друзей, побывал на местах былых сражений. «С горячей любовью вспоминал Павел Евграфович на встречах с пионерами о своем юном боевом друге Васе Артемове, — читаю я в «Росице», — который тоже участвовал в освобождении нашего родного города Севлиево и проявил себя бесстрашным бойцом; жители нашего города буквально носили его на руках. Товарищ Смирнов обещал прислать нам адрес юного героя, как только его найдет...»

Вася Артемов и тогда еще лейтенант Смирнов познакомились 17 июня 1942 года (Павел Евграфович точно запомнил этот день) в селе Мутыкалово Ярославской области, где стоял тогда артполк. «Познакомились» — это, конечно, не то слово. У повалившейся изгороди, положив руки под щеку, спал чумазый мальчик в халате с чужого плеча, надетом на голое тело. Лейтенант разбудил его:

— Ты откуда?

— Я из Тихвина.

— А мамка где?

— Маму фрицы убили.

— А папка?

— Не знаю, — вздохнул малыш и заплакал.

Стал лейтенант просить, чтобы прикомандировали мальчонку к нему. Он тогда снабжением полка заведовал — доставлял боеприпасы и продовольствие, обеспечивал вывоз раненых в тыл, ремонт орудий, автомашин... Отказали наотрез: ты что, мол, спятил? Это что же, мальчишку тащить за собой на фронт? Своего бы взял на такое?! Вернулся лейтенант к Васе, вид у того потерянный. «Ну что, дядя Паша? — серьезно спрашивает малец. — Будем бить фашистов? За маму?» — «Будем», — ответил Смирнов и — опять в командирскую землянку. Отстоял-таки Васю. Разрешили...

С Ярославщины до Праги шли они рядом. Освобождали от врага родную землю, потом Болгарию, Югославию, Австрию... Думал капитан Смирнов усыновить Васю, мечтал, как вернутся они вместе домой и заживут счастливой большой семьей. Только на войне трудно загадывать наперед...

«Извините, товарищ корреспондент, — пишет далее Павел Евграфович, — может быть, не все сумел сообщить о том, что Вы хотели бы знать о Васе. Даже перо держать трудно — сказывается старое ранение в голову. Но, как видите, хоть и на пенсии я, все равно без дела сидеть не могу, работаю. Все силы отдаю на благо любимой Родины.

Инвалид Великой Отечественной войны II группы Смирнов П. Е.»

По возвращении из Болгарии, из города Севлиево, куда Смирнова приглашали на празднование тридцатой годовщины освобождения от фашистского ига, Павел Евграфович зашел в редакцию «Известий». Это был невысокий пожилой человек с орденскими планками на пиджаке, с отметиной тяжелого ранения на лице, мягким костромским оканьем.

— Заглянул вот по дороге, — сказал Смирнов. — Может, что-нибудь уже известно о Васе?.. Болгарские товарищи тоже с нетерпением ждут вестей о нем.

...Вновь и вновь я вглядываюсь в фотографию сорок пятого года, стараясь приблизить то, ставшее уже далеким время. Смотрит с нее мальчик-ефрейтор с трогательной челкой на лбу и лукавой улыбкой. Кем стал ты, Василий Трофимович? Как живешь?

Сергей БОГОЯВЛЕНСКИЙ

И СТАЛ МИШКА СЫНОМ ПОЛКА

Фронтовые новогодние ночи... Каждая из них для нас, танкистов-кантемировцев, памятна и неповторима.

Как-то, спустя много лет после войны, я встретил своего однополчанина, боевого друга Александра Михайловича Пикалова. Мы вспомнили огненные и студеные январи и тех, кого не имеем права забыть.

— Ты знаешь, — сказал Александр, — для меня изо всех военных Новых годов самый памятный сорок четвертый. Помнишь, когда мы нашли, вернее, отбили у фашистов Мишку Зайцева, ставшего сыном нашего полка...

— Помню, конечно. Дело было так. После прорыва обороны фашистов

под Чеповичами наши танки в последний декабрьский вечер настигли тыловые подразделения гитлеровцев, удиравших от Житомира.

Когда передовой отряд гвардии капитана Николая Жирнова нагнал одну из колонн, неожиданно из группы поднявших руки обозников к танкистам бросился мальчишка в изодранном пальтишке.

— Не стреляйте, я русский, советский!

Мишку обогрели и накормили, в самую полночь привезли в теплую хату, где его ласково встретила хозяйка — мать двоих солдат.

Оказалось, что первоклассник Михаил Зайцев приехал из Ленинграда на каникулы летом сорок первого года к бабушке в Орел. Вернуться к маме он не смог и после захвата Орла врагом скитался, жил у чужих людей. А затем белокурого, синеглазого мальчишку вместе с другими советскими людьми и награбленным добром фашисты погнали в свой «фатерлянд»...

С того новогоднего дня Мишка остался в нашей танковой бригаде.

Расторопного, смелого мальчишку полюбили и танкисты, и автоматчики. Он же всегда тянулся к землякам-ленинградцам: Алексею Кудрявцеву, полному кавалеру ордена Славы механику-водителю Вересову, весельчаку Васе Анисимову.

Особенно проявил себя Миша в Карпатах, у Дукельского перевала, где не раз приходил на помощь раненым.

В последние дни сорок четвертого года в предгорном селении Любеня командир бригады гвардии полковник Леонид Иванович Бауков вручил воспитаннику Михаилу Зайцеву медаль «За боевые заслуги».

В начале сорок пятого командование отправило Мишку домой. Вскоре пришло письмо от его мамы — ленинградской работницы. Она благодарила гвардейцев за спасение сына и заботу о нем.

После войны кантемировцы ничего не слышали о Михаиле Зайцеве. Но каждый раз за новогодним столом мы вспоминаем о товарищах. Хочется верить, что и Зайцев рассказывает своим детям о той новогодней ночи в украинском селе, о друзьях-танкистах, вызволивших его из фашистской неволи.

Красные следопыты
Новокалитвинской средней школы

БРАТЬЯ

Коля Илющенко

...Фронт подходил к Белогорью все ближе, и уже были слышны орудийные залпы, а небо по ночам становилось багровым.

Бои были трудные, наши отступали. И когда трое мальчишек появились среди солдат, им дали оружие.

В первом же бою один из них погиб, другого ранило. А третий — Николай Илющенко — дал слово воевать за себя и товарищей.

Он ходил в разведку, а потом его направили в школу фронтовых шоферов. Не раз удивлялись регулировщики: машина идет, а за баранкой никого не видно! Но шофером Николай был лихим: артрасчет с пушкой, которая была прицеплена к его машине, всегда вовремя прибывал на позиции.

Однажды Коля получил от бабушки письмо. Она писала, что братишка Ванюшка тоже сбежал на фронт, воевал где-то под Харьковом, а недавно на него пришла похоронка: «Пал смертью храбрых...»

Перед концом войны полк, в котором служил Николай, отвели на переформирование. Его сливали с другим, таким же обескровленным полком.

Шла перекличка. Командир вызывал:

— Илющенко!

— Я! — ответил Николай.

— Я! — отозвался другой боец.

В строю засмеялись. Командир нахмурился и повторил:

— Илющенко!

— Я! — снова откликнулись двое.

— Выйти из строя! — приказал командир.

Николай вышел. А с другого фланга тоже вышел мальчишка. Они поглядели друг на друга и закричали: «Братка!»

Бойцы глядели на мальчишек. Многие отворачивались, чтобы не видели их слез: ведь у них тоже были дома сыновья.

Похоронная оказалась ошибочной. Ваню подобрали санитары из другой части. А ранило его действительно под Харьковом. Перед боем Ваня написал заявление: «Если погибну, прошу считать меня комсомольцем!» Его приняли в комсомол в двенадцать лет.

Сейчас Николай Григорьевич живет в Днепропетровске, а Иван Григорьевич в Ленинграде. Николай Григорьевич часто приезжает в Новую Калитву — почти в каждый отпуск. Рассказывает ребятам о войне, водит их по местам боев.

Смотрят ребята на сына полка и думают: «А мы смогли бы?..»

Владимир БЕЛИН

МАЛЬЧИШКА НА ТАНКЕ

Просматривая журнал «Уральский следопыт» за 1963 год, я увидел во втором номере фотографию военного времени. На танке около развевающегося знамени стоит девушка. Тут же рядом, на башне, примостился парнишка. В тот день, когда объектив фотоаппарата запечатлел его, Толю Гончарука, на танке, в Прагу пришла победа. А к танкистам паренек попал много раньше. Об этом Анатолий рассказал мне при нашем знакомстве.

Бои шли в Брянской области. Воины Свердловской бригады 10-го Уральского танкового корпуса подобрали на шоссе мальчонку. Сержант привел его в политотдел.

— Как, сынок, попал к нам? — спросил его подполковник Захарченко.

И рассказал Толя о своих похождениях: убежал из дома, где жилось несладко, бывал в разных частях, теперь вот в бригаде.

Крепко подружился мальчонка с Захарченко, не отходил от него ни на шаг. И тот полюбил его как сына, рассказывал о своей семье, дал адрес жены.

Но Захарченко погиб, и шефство над парнишкой взял майор Нил Петрович Беклемишев. Узнал Нил Петрович, что Толя с Урала, что читает неважно и в арифметике слабоват. Поручил лейтенанту Смирнову заниматься с ним. Учился Толя грамоте да к тому же воевал наравне со взрослыми. Когда освободили Каменец-Подольский, в бригаду приехал вручать награды генерал Д. Д. Лелюшенко. Он был удивлен, когда, прочитав по наградному листу «Анатолий Гончарук», увидел перед собой мальчонку. И вот на груди маленького бойца медаль «За боевые заслуги».

Пришли мирные дни. Переполненные эшелоны с демобилизованными возвращались домой. Ехал и Анатолий Гончарук в Черновицы: недалеко от этого города жила вдова подполковника Захарченко. Прибыл ночью, решил добираться до места пешком. Вскоре устал и завернул в деревушку. Постучал в окошко хаты, в дверях показался старик, пригласил: «Заходи, заночуешь». Только коснулся щекой подушки — заснул. Снилось огромное мирное поле. И вдруг все оборвалось... Перед глазами три искаженных лица. Бандеровцы.

— Бей комсомольца-змееныша! — зашипел один. И посыпались удары. Потом Толю выволокли на улицу, он потерял сознание.

Пришел в себя только днем. Рядом сидел солдат. Поразила необычная тишина.

— Что со мной? Где я?

Видимо, эти слова Толя произнес вслух, потому что сразу же подошел солдат и начал рассказывать: «Слышим страшные крики, бросаемся из засады к хате и видим, что трое здоровенных мужиков добивают тебя».

Неделю Толя пролежал в постели, на вторую встал на ноги. Но почти оглох паренек. Трудно ему приходилось, и всегда помогали бывшие фронтовики.

Толя, теперь уже Анатолий Владимирович, работает в медницком цехе Уральского вагоностроительного завода. Окончил восьмой класс вечерней школы. В канун пятидесятилетия Великого Октября получил он весточку от Нила Петровича Беклемишева: «Дорогой Толя, поздравляю тебя с праздником! Ты должен гордиться, что в самые тяжелые для страны дни прошагал с оружием в руках вместе с нашими гвардейскими разведчиками». Тогда к четырем медалям Анатолия Гончарука прибавилась еще одна — юбилейная.

Иван РОЩИН

АФОНЯ

К деревне Кочуково, что в Калужской области, пламя войны приблизилось в декабре сорок первого года. Жители, способные держать оружие, ушли в армию. А старики, женщины, дети уходили на восток. Однажды, когда Фирсовы отъехали от своей деревни километров на тридцать, мать не обнаружила сына. Всё обыскала, но Афони нигде не было. Подговорив двух сверстников, Афанасий ушел на фронт. Однако друзья оказались ненадежными и на десятом километре повернули обратно.

Афоня же шел только на запад. На вторые сутки он был уже в родной деревне. Тут его на следующий день и нашли бойцы одной из частей.

Мальчишку привели к командиру. Тот задумчиво посмотрел на оборванного и грязного мальчугана: «Что же мне с тобой делать?»

Его помыли в бане, одели в срочно сшитую красноармейскую форму. Так Афанасий Фирсов стал сыном полка.

Мальчика пригласил к себе находившийся в части член Военного совета армии, поинтересовался, откуда Афоня родом. Затем беседовал с командиром части о судьбе мальчика. И отправили Афоню в штаб армии.

На новом месте Афоня особенно привязался к начальнику штаба — генералу Баграмяну, старательно выполнял его поручения.

...Шло время. Советская Армия наступала по всему фронту.

Под Орлом Афанасий Фирсов был ранен. Но воинский строй не покинул, вместе со штабом 11-й гвардейской армии продвигался на запад.

После освобождения Брянска армию перебросили под Невель. К этому времени Афоня уже считался опытным, бывалым воином. Но когда в конце сорок третьего года были образованы суворовские училища, командарм принял решение о направлении Афанасия на учебу.

...Пролетели годы. Афанасий окончил суворовское, а затем и военное училище. Служба в полку, хорошая командирская практика. И снова учеба, но уже в академии. А совсем недавно я узнал: ныне Афанасий Фирсов — полковник-инженер, кандидат технических наук.

Елена **КОЧЕТКОВА**

ВСТРЕЧА

С экрана смотрит мальчишка в хорошо подогнанной гимнастерке. На ремне — кобура. На вид ему лет двенадцать, не больше. Вот он разбирает пистолет, сосредоточенно чистит его. Следующий кадр — маленький солдат стаскивает гимнастерку, сапоги. Бойцы подают ему девичье платье и чулки, расчесывают волосы. Паренек невозмутим. А солдаты смеются: хороша получилась дивчина... Диктор поясняет, что это юный разведчик Володя Бажанов готовится к переброске в тыл врага.

Кадры хроники имеют продолжение. После боя за небольшую польскую деревню командир награждает отличившихся солдат. Среди них и Володя Бажанов. Офицер прикрепляет к его гимнастерке орден Славы III степени за участие во взятии ценного «языка».

Наверное, не думал тогда фронтовой оператор, что спустя три десятилетия его кинолента, показанная по телевидению, сведет двух боевых товарищей-разведчиков.

Долгим был путь Володи на фронт. Дважды убегал мальчишка из дому, и всякий раз возвращали его в Балашиху, где он жил. Плакала мать. А Володя твердил свое: «Ну, мам, ну убегу я, все равно убегу».

Не раз Володя наблюдал, как неподалеку от дома проходили воинские эшелоны. Ночью, чтобы часовой не приметил, вскочил на ходу на подножку вагона. Укрылся на обледенелой крыше.

Наутро часовой снял с крыши обмороженного паренька. Представили его командиру 248-й отдельной стрелковой бригады полковнику Гусеву. Тот усмехнулся: «Ну и что же нам с тобой делать?» В разговор вмешался начальник политотдела Петр Васильевич Шараутин:

— Пропадет мальчишка. Может, оставим?

Так стал Володя сыном полка. С первых дней подружился он с развед-

чиками. Как выдастся минута передышки — стрелой к ним. Еще бы: о них шла молва по всему фронту. Сам командир разведроты Брызгалин славился умением вести поиск; мастером на все руки называли комсорга Николая Картошкина; душою разведчиков был Вениамин Овчинников; добродушием своим выделялся Леонид Вознюк...

Горячо полюбил Володя Николая Картошкина. И тому приглянулся бойкий парнишка, ни на шаг не отпускал комсорг его от себя, баловал: то часы подарит, то книжку о Павке Корчагине даст почитать. Однажды, хитро подмигнув Володе, Картошкин спросил:

— Что, смельчак, не пускают в разведку?

— Не... — буркнул Володя.

— Пойдем в немецкий тыл со мной. Хочешь?

Командованию очень нужен был «язык», и разведчики ночью вышли на задание. Решили, что Володя будет изображать партизанского связного, пойманного немцами (в действительности ими были переодетые в эсэсовскую форму Овчинников и Картошкин). Утром приблизились к окраине села. Долго ждать не пришлось. Заскрипели тормоза. Сидящий за рулем обер-лейтенант полюбопытствовал: кого ведут? Его-то и схватили разведчики. «Язык» оказался весьма ценным. Картошкин и Бажанов были награждены медалями «За отвагу»...

Недолго пришлось воевать друзьям вместе. В октябре сорок четвертого года в Карпатах, в районе Руского перевала, гитлеровцы ожесточенно сдерживали натиск наших войск. Засели фашисты по краям ущелья в хорошо укрепленных дзотах. Не то что проползти — головы поднять не давали вражеские снайперы. Тут и вызвались снять снайперов Картошкин с Володей Бажановым.

Ползли осторожно. Краем глаза Картошкин видел, как Володя, припав щекой к прикладу карабина, брал на мушку одного фашиста за другим. Вот уже три снайпера вышли из строя. Слева ударил пулемет злыми очередями. Картошкин что-то крикнул Володе и вдруг онемел на полуслове.

— Дядя Коля! — почувствовав неладное, крикнул Володя. Мальчик бросился к Картошкину, обхватил его за плечи, взвалил себе на спину. Полз по черному снегу, часто останавливаясь, чтобы передохнуть. Картошкин не стонал. Похоже, был мертв. Володя тащил его дальше и дальше, задыхаясь под тяжестью...

Но Картошкин был жив... Утром его отправили в госпиталь.

С той поры они не виделись... Володя долго искал Николая, да тщетно. «Наверное, погиб», — решил он. И не мог предположить, что много-много лет спустя сведет их военная кинохроника.

Недавно, после встречи двух фронтовых друзей, была я в доме Николая Картошкина. Пришел и Владимир Бажанов. Фронтовики вспоминали Руский перевал, рассказывали, чем нынче занимаются. Картошкин на пенсии, но не сидит без дела, ведет поиск живых и павших героев 1-й гвардейской армии, часто выступает перед учащимися ПТУ № 41 Москвы. Владимир Алексеевич Бажанов трудится на заводе в своей родной Балашихе. Однажды летом с сыном побывал он в тех краях, где когда-то воевал.

Яков КИМЕЛЬФЕЛЬД

БЫЛ В СОЛДАТСКОМ СТРОЮ МАЛЬЧИШКА

В деревню Грынь ворвались гитлеровцы. Насаждать «новый порядок» они начали с расстрела мирных жителей. Одной из первых пострадала семья Алешковых: мать фашисты расстреляли возле дома, а старшего ее сына Петра, заподозренного в связи с партизанами, повесили. Уцелевшие жители села бросились в лес. Успел скрыться от палачей и пятилетний Сережа Алешков.

Он не помнит, как отбился от людей, как потерялся в лесу. Чуть живого, обессилевшего, продрогшего и голодного нашли его наши разведчики и принесли в землянку к командиру. Хорошо помнит об этом полковник в отставке Михаил Данилович Воробьев. Ветеран рассказывает:

— В землянку принесли его совсем раздетого. Все тело в гнойниках и нарывах. Взял я его на руки и, верите, слова сказать не могу: комок к горлу подступил. А он смотрит так тоскливо, глаза испуганные, личико худенькое. Узнав, что его мать враги расстреляли, а брата повесили, я спросил: «Хочешь с нами фашистов бить?» Посмотрел он на меня серьезно и сказал: «Да». И тут я предложил мальчику: «Давай я твоим отцом буду...» Обвил он меня ручонками, прижался к груди...

В тот же день парнишка попал в заботливые руки медсанбатовцев. А ночью для него сшили форму. Настоящую, военную. И гимнастерку армейскую, и галифе, и сапоги, и пилотку.

Так Сережа стал воспитанником полка и приемным сыном Михаила Даниловича.

В полку он разносил письма, газеты и очень гордился своей военной формой.

Однажды для вручения гвардейского Знамени в дивизию прибыл командующий армией генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков. После торжественного построения был небольшой концерт, на котором попросили выступить и Сережу.

— Танцевать умеешь? — спросил командующий.

— Так точно! — ответил мальчик.

— Что же будешь плясать? — допытывался Чуйков.

— Чечетку, товарищ командующий.

Плясали они вместе. И оба старались не отстать друг от друга, выделывая замысловатые коленца.

А после пляски командующий крепко, по-мужски пожал Сереже руку и сказал:

— Танцуешь ты, как и подобает бойцу. А вот имеешь ли, как боец, оружие?

— Никак нет, не имею, — еще не отдышавшись после быстрой пляски, ответил Сергей, косясь на стоящего рядом Воробьева.

— Тогда — на, воюй. — Чуйков протянул маленький браунинг. — И береги подарок.

— Служу Советскому Союзу! — ответил шестилетний гвардеец.

А через некоторое время, в самый разгар Сталинградской битвы, Сережа заслужил еще одну награду.

...Шли они тогда вместе с Воробьевым к штабной землянке. Внезапно начался сильный артиллерийско-минометный обстрел.

— Сережа, в щель! — крикнул командир полка, подтолкнув мальчишку к ближайшей щели, а сам бросился к командному пункту.

Сережа скатился вниз, прижался к земле и тут же услышал сильный взрыв. Комья земли перелетели через укрытие, присыпав мальчика. Он отряхнулся и выглянул наружу. То, что он увидел, привело его в смятение. Из землянки торчали вывороченные бревна — снаряд разорвался рядом с командным пунктом.

Сережа выбрался из щели и подбежал к землянке.

— Папа! Папа! Где ты? — закричал он, стараясь раздвинуть бревна обвалившейся землянки. Но сил для этого не хватило. Тогда, не обращая внимания на рвущиеся снаряды, Сергей побежал за помощью к размещавшимся невдалеке саперам.

— Скорей! Скорей! — торопил он бойцов.

Саперы растащили бревна, раскопали землянку. Командир полка лежал без сознания, был контужен и другой находившийся здесь командир.

Сережа не отходил от постели Воробьева. Рядом была и жена командира Нина Андреевна, санинструктор. Она прижала к себе дрожащего, испуганного мальчика, ласково гладила его, успокаивала:

— Все хорошо, сыночек. Все хорошо. Ты пришел на помощь вовремя. Еще несколько минут — и они бы задохнулись...

— За спасение командира полка меня тогда и наградили медалью «За боевые заслуги», — вспоминает теперь Сергей Андреевич Алешков. — Вручал награду командир 47-й гвардейской стрелковой дивизии Федор Афанасьевич Осташенко.

Сергей Андреевич Алешков вправе считать себя ветераном этой дивизии. В ее составе он был в грозную пору Сталинградской битвы, форсировал Вислу. Он был самым юным гвардейцем дивизии.

А осенью сорок четвертого года сын полка Сергей Алешков был отправлен в Тульское суворовское училище. Вначале не принимали —

годами не вышел. Помог Василий Иванович Чуйков. Но после суворовского учиться в военном училище ему не разрешили врачи — сказалось ранение в ногу, которое он получил на фронте. И тогда Сергей поступил в юридический институт.

Сейчас Сергей Андреевич Алешков живет в Челябинске, работает юрисконсультом на одном из предприятий. В Челябинске же проживают и его приемные родители — фронтовики Нина Андреевна и Михаил Данилович Воробьевы.

Терентий КОЖЕМЯКИН

ПИОНЕР, ШТУРМОВАВШИЙ РЕЙХСТАГ

Какое все-таки чудо — фотографии! Как они помогают воскресить в нашей памяти время и людей!

Этот снимок стал уже легендарным. На ступеньках рейхстага сфотографирован взвод полковой разведки 150-й стрелковой дивизии, тот взвод, который водрузил над главным куполом рейхстага Знамя Победы. Среди разведчиков — Егоров и Кантария. А на первом плане — мальчик, сын 756-го полка Жора Артеменков.

Он не виделся с боевыми друзьями много лет. И когда они наконец встретились, Георгия Алексеевича, Жору, сына полка, который работает и живет сейчас с семьей в Гомеле, тискали в объятиях боевые друзья. Хотя он уже стал зрелым человеком, однополчане относятся к нему как к сыну, стремятся по старой памяти заботиться о нем. Очевидно, он особенно напоминал им всем боевую молодость, то, как в годы военного лихолетья вызывал в их душах самые теплые человеческие чувства. Они по-прежнему звали его Жорой и, казалось, не могли шагу ступить без него.

Они встретились в 247-й московской школе: юные следопыты долго разыскивали ветеранов 150-й дивизии. Георгия Алексеевича очень любят учащиеся этой школы. Когда ветераны выступали перед ними, наверное, никому ребята так не аплодировали, как Артеменкову: ведь в их возрасте он уже воевал с фашистами.

...Отца Георгия, железнодорожника, мобилизовали в первые дни войны. Семья собралась в далекую эвакуацию, но Жора далее Старой Руссы не попал. Их состав разбомбили. И на все годы войны он потерял связь с родными.

И закружила двенадцатилетнего мальчика страшная военная круговерть. Прибился к воинской части. Женщины из медсанбата подогнали по его фигурке гимнастерку, шинельку. Только вот сапоги быстро разбивались на военных дорогах, и приходилось иногда носить не большие, солдатские, а женские... Бывало, что из-за него попадало младшим командирам от старших: почему мальчонку не отправят в тыл? А к нему уже привязались суровые, но всегда щедрые на отцовскую ласку солдаты. И он прикипел

сердечком к разведчикам 756-го полка. Так и оказался во взводе полковой разведки.

Среди учащихся 247-й московской школы бытует легенда о мальчике Жоре, пионерский галстук которого будто бы был прикреплен к куполу рейхстага. Единственный в мире пионерский галстук! Вот что, например, пишет в своем письме пятиклассник Гена Маньковецкий:

«Я рад, что сын дивизии Артеменков, единственный человек пионерской организации СССР, который повесил свой галстук на куполе рейхстага, живет хорошо».

Случайно ли появилась эта легенда? Нет, конечно, она имеет основание — смелость мальчика. Он ходил в разведку в тыл врага. Был награжден медалью «За отвагу». Герой Советского Союза Михаил Егоров вспоминал, что среди взрослых мальчик отличался тем, что совсем не знал страха. Ему казалось, что все эти осколки и попадания к нему не относятся. Вместе со своим взводом Жора дошел до Берлина. Здесь во время последних боев Жора носил из Шпрее раненым воду во флягах. Дорогая была та вода: из-за каждого камня подстерегала пуля.

Как же сложилась дальнейшая жизнь Георгия Алексеевича?

Из армии после войны его направили в нахимовское училище. Но пробыл он там недолго: подвело здоровье. Потом учился в школе ФЗО. Выучился на слесаря. А когда подошло время, пошел снова служить в армию и о своем боевом прошлом никому не рассказывал.

А потом, после увольнения из армии, он с товарищами махнул на Север. Работал там несколько лет, встретился со своей Галей, там и стали они мужем и женой. В конце концов оказался в Гомеле, родном городе жены. И вот уже более десяти лет живет в этом городе, работает бригадиром на одном и том же заводе.

— Не люблю тех, — говорит он, — кто «летает». Только работая на одном месте, человек оставляет приметный след на земле.

У него много друзей: и старших — с военной поры, и сверстников — сослуживцев, и совсем юных — нынешних пионеров. Встретишься вот с таким человеком — и непременно скажешь: как же богата наша советская земля чудесными людьми, скромными и героическими одновременно.

Иван ФОМИН

ИЗ ТЫСЯЧ ЛИЦ УЗНАЛ БЫ Я МАЛЬЧОНКУ...

По какому поводу приезжал я осенью сорок третьего года в эту гвардейскую Сибирскую дивизию, уж точно и не скажу, но навсегда запомнился мне своим юным видом, особой лихостью и в то же время солидностью мальчишка, сопровождавший меня в штаб. Было ему лет тринадцать, на груди поблескивала медаль «За боевые заслуги». У меня же никаких наград тогда еще не имелось. По этой причине, видимо, вел он себя с чувством некоторого превосходства.

В штабе я попросил рассказать мне о маленьком бойце. Времени, правда, было в обрез, и я узнал лишь, что Саша Попов в комендантской роте не так давно, а медаль свою более чем заслужил. Я занес сведения в блокнот, надеясь заняться вскоре моим провожатым обстоятельнее. Но вихрь войны закружил нас обоих, а фронтовые дороги разошлись.

Мои попытки разыскать мальчика после войны ни к чему не приводили. И вдруг недавно случай свел меня с бывшим начальником химической службы дивизии полковником в отставке Плоткиным. Он кое-что вспомнил, а главное, я смог связаться через него с теми, кто знал о дальнейшей судьбе Саши.

Более старательного связного, чем Саша Попов, в комендантской роте не было. Парнишка отличался аккуратностью, быстро научился стрелять, выполнять строевые приемы, а летом сорок второго года получил боевое крещение.

В районе деревни Пушкари враг вплотную подошел к наблюдательному пункту дивизии. За оружие взялись все. Юный боец вел по врагам только прицельный огонь... От его метких выстрелов нашло себе могилу немало фашистов.

С наступлением темноты оборонявшиеся отошли в сторону болота.

Враги долго еще палили по пустому месту. Но случилось так, что оставленные для прикрытия отхода бойцы оказались в окружении.

— Сашок, — сказал ему рядовой Курносов, — ты вырос в здешних лесах, места знаешь, давай выводи нас из окружения.

Пять суток обманывал Александр фашистов, преследовавших советских воинов. А на шестое утро улыбнулся:

— Вот мы и у своих.

После этого мальчика назначили связным к майору Турищеву. Саша возил сводки в штаб корпуса, выполнял поручения по штабу, помогал писарям. А однажды пришел к майору и сказал:

— Не боевая это служба. Мне бы такое, чтобы каждый день фашистов за горло хватать.

— Документы представляют большую ценность для противника. Поэтому их доверяют только очень надежным людям, — ответил майор. — Защитить же их надо быть готовым в любой момент.

Вскоре Саша и сам в этом убедился. В районе Витебска гитлеровцы прорвали оборону 48-го полка дивизии и вплотную подошли к штабу. Создалось критическое положение. Майор Турищев отправил юного бойца с важными документами в тыл дивизии, а сам стал организовывать оборону. Гитлеровцы заметили повозку со связным и начали погоню. Но мальчик, проявив недюжинную храбрость и сообразительность, сумел ускользнуть.

И все же Саша добился перевода в саперы. Горячее дело пришлось ему по душе. Особенно нравилось проделывать проходы в минных полях для наших разведчиков. За проявленные в одном из ночных боев при разминировании проходов мужество, смекалку и расторопность Александр Попов был награжден орденом Славы III степени.

Пришла долгожданная Победа. Но война для нашего героя закончилась раньше. Подкараулила его беда. Во время разминирования нейтральной полосы противник открыл минометный огонь, и осколками мины мальчик был контужен, тяжело ранен: ему выбило правый глаз, повредило левый.

Больше никто ничего о Саше не знал...

Я разыскивал его. Разыскал и узнал, хотя трудно было узнать в этом немолодом уже сельском почтальоне с Калининщины маленького бесстрашного бойца далеких военных лет. Много месяцев провел Саша Попов в госпиталях. Уже не надеялся, что будет когда-нибудь видеть. Но однажды врач сказал самые счастливые для него слова: «Ты сможешь, сынок, не только видеть, но и читать, писать!» Ему вернули зрение.

Александр Алексеевич пользуется большим уважением у сельских тружеников, к его боевым наградам прибавились награды мирных трудовых дней. Не забывают ветерана и бывшие однополчане. Его часто приглашают на традиционные встречи. А недавно у моего друга сын вернулся из армии после безупречной службы.

Вот и все о мальчике Саше Попове — герое Великой Отечественной войны.

«Юные защитники Родины»

Так называется музей, созданный в городе Курске при Дворце культуры завода тракторных запасных частей.

Поисковая группа школьников поселка КЗТЗ, возглавляемая Кларой Александровной Рябовой, активной общественницей и душевным человеком, много лет разыскивает сыновей полков — тех, кому в годы Великой Отечественной войны было столько же лет, сколько самим этим ребятам. Один из стендов посвящен пионеру из Курска Коле Букину. В тринадцать лет мальчик стал сыном полка. Прошел всю войну, награжден орденом Красного Знамени и медалью «За отвагу». Здесь же помещены портреты юных воинов Николая Илющенко, кавалера орденов Отечественной войны II степени и Красной Звезды, Леонида Кузубова, двенадцатилетнего фронтового разведчика. О своей юности Леонид Кузубов, белгородский поэт, лауреат премии имени А. Фадеева, рассказал в стихах.

...Под крыльями пылающего
флага
Прошел я очень многие края,
И на стенах разбитого рейхстага
Штыком написана фамилия
моя...

Музей в Курске — штаб-квартира юных защитников Родины.

Марк ШЕВЕЛЕВ

СТРЕЛЯНЫЙ ВОРОБЕЙ

Речной вокзал большого волжского города напоминал потревоженный муравейник. Спешили военные и штатские, из порта доносились крики грузчиков, резкие команды, скрип лебедок и кранов, гудки пароходов и автомобилей. Порывистый ветер бросал в озябшую толпу пассажиров хлопья мокрого снега.

Весь день вертелся Коля у дебаркадера, в каком-нибудь метре от трапа и — без успеха: вахтенные внимательно следили за «зайцами».

Плитка шоколада и баночка тушенки, которые дал летчик под Ростовом, были съедены еще позавчера. Спасенье одно — попасть на пароход.

Темнота, рано окутавшая порт, холод и пустой желудок — придали Коле решимости. Он подхватил лопату-шахтерку, оставленную кем-то на куче

угля, и побежал к трапу, на ходу крикнув вахтенному: «Уголь из грейфера на палубу просыпался!» Дежурный не пошевелился: мало ли ребятни теперь, когда война, на пристанях подрабатывает.

Спрятавшись в угольном трюме, Коля сперва неподвижно сидел в сплошной темноте, голодный и одинокий, с черным от антрацитной пыли лицом. Потом, когда пароход отчалил, мальчик успокоился, согрелся и, убаюканный работой паровой машины, заснул.

Разбудили Колю возбужденные громкие голоса. Трюм был почти очищен. В нижний люк заглянула черная взлохмаченная голова, к Колиным ногам тянулась чернющая крепкая рука.

— А ну вылезай! — белозубо щерился кочегар.

Коля выбрался из убежища. От жарко пышащей топки, от яркого света фонарей, от насмешливых взглядов машинистов и кочегаров мальчику было не по себе.

— Вот вам и «заяц»!

— Надо капитану доложить!

— Успеется, — заметил один из кочегаров. — Сперва надо вымыть парня и накормить.

Через час мальчик, чисто вымытый и сытый, одетый в настоящую тельняшку, уже спал крепким сном в матросском кубрике.

В это время в дверь капитанской каюты постучался один из пассажиров. Это был Николай Иванович Боголюбов, известный актер театра и кино.

— Слушаю вас, — произнес капитан.

— Сегодня матросы нашли в угольном бункере мальчика. Как вы думаете с ним поступить?

— Вы знаете этого мальчика?

— Нет, не знаю.

— Сдадим на первой пристани. Его отправят в детский дом, пока не объявятся родители.

— А если у него нет родителей?

— Что вы предлагаете?

— Среди моих спутников — актеры столичных театров, кинорежиссеры, писатели. Мы направляемся в Среднюю Азию. Я посоветовался с товарищами. Мы бы хотели взять мальчика с собой. Он будет обеспечен всем необходимым.

— У вас есть дети? — спросил капитан.

— Сын, — ответил актер. — Ровесник этого мальчика. Жена эвакуировалась с ним раньше, но я даже не знаю, где теперь они, не имею от них никаких вестей.

Помолчали.

— Да, война, война... — тяжело вздохнул капитан. — У меня старший сын на фронте. Тоже ни одного письма

На следующий день Коля переселился в каюту Боголюбова. С любопытством и восторгом смотрел мальчик на ордена Ленина и «Знак Почета», прикрепленные к выходному пиджаку актера. Боголюбов показал фотокарточку маленького мальчика в наглаженных коротких штанишках и белой, с бантиком блузочке. На обратной стороне карточки было написано: «Юрик». «Маменькин сынок», — подумал Коля.

В Астрахани пересели на дизель-электроход «Красноводск», пересекли Каспий. Потом поездом добирались до Алма-Аты, где должны были продолжаться съемки фильма, в котором участвовал Боголюбов.

Гостиничная жизнь надоедала Коле. Целыми днями напролет бродил он гулкими, пустыми коридорами. Хотел устроиться на завод без ведома Николая Ивановича: не взяли — малолеток. В школе тоже не заладилось. В шестой — не приняли. Снова в пятый?

Выручил случай. В комнату Боголюбова зашел как-то высокий майор с орденом на гимнастерке, с аккуратными усиками на чисто выбритом лице. Он дружески обнялся с Боголюбовым и, слегка заикаясь, стал засыпать его вопросами, удивленно поглядывая на незнакомого мальчика, по-хозяйски расположившегося на диване.

— Ты знаешь стихи про дядю Степу? — хитро улыбаясь, спросил Колю Боголюбов.

— Читали в детдоме, — ответил мальчик, не понимая, при чем здесь стихи.

— Тогда знакомься, — он положил гостю руку на плечо. — Дядя Степа, он же — Сергей Владимирович Михалков.

Потом обернулся к приезжему и озабоченно попросил:

— Вот познакомились на пароходе, как мне теперь с ним быть? Посоветуй, Сергей. В школу — ни в какую, только на фронт! Каков, а?

— Ну-ка, парень, поведай нам свою одиссею, — присаживаясь рядом на диван, сказал Сергей Владимирович.

Войну Коля увидел близко 8 октября 1941 года. Утро выдалось сырое и хмурое. Проснулся он рано, в непривычной тишине. Вскочил с широкой лавки, отбросил пахнущий формовочной землей бушлат и выбежал в цех. Тихо остывала в углу вагранка, тускло краснели лампочки над пустыми квадратами окон, в проходе белела на черном полу оброненная кем-то в спешке почти новая брезентовая рукавица. Коля подумал: ночью была воздушная тревога, его не разбудили. Дверь в бомбоубежище оказалась открытой, в подвале было темно и тихо. Мальчик вышел во двор. У голтовочного барабана сиротливо высилась куча необработанных корпусов для гранат. Двор был безлюден. Коля понял: что-то случилось.

Три месяца 6-е Мариупольское ремесленное училище, как и весь город, жило на военном положении. Правда, настоящей войны вначале ребята не чувствовали. Режим в училище был прежним. Но в сентябре, когда фашисты вышли к Днепру, распорядок дня в училище впервые нарушился. На митинге выступил директор Александр Евдокимович. Он объявил, что получен фронтовой заказ — корпуса для гранат. Все закричали: «Ура!» И началась работа: ни дня, ни ночи. Ребятам ребристые цилиндрики даже по ночам снились. Усталость с ног валила. Коля хитрил: прятался в раздевалке, когда все выходили строиться, чтобы не идти через весь город в училище. Так у него два лишних часа сна набегало. Ему прощали. Он был в училище самым младшим.

Стоя на пустынном литейном дворе, Коля услыхал первые выстрелы. Они долетали со стороны порта. На улице столкнулся с бежавшими людьми.

— Что случилось?

— Немцы в порту!

Надо бы поскорее из города, а Коля побежал к порту, там дружок жил по училищу, Павлик Костенко, у него можно спрятаться.

Мостовые и тротуары были мокры от густого тумана. Изредка в восточной окраине города пробегала кучка расхристанных, будто ураганом застигнутых, людей.

Коля долго стучал, пока ему открыли. В комнате пахло горелым тряпьем. Дружок Павлик выскочил навстречу, прыгая на одной ноге, другой пытался попасть в пустую штанину.

— Ты еще в форме?! — таращил глаза Павлик.

Вошла мама Павлика. Ее трудно было узнать. Лицо закопченное, волосы не причесаны, глубокие морщины у рта.

— А, Коля, — глаза ее остановились на гимнастерке мальчика. — Сейчас принесу переодеться.

— Зачем?

— Наши из училища дежурили в порту, — захлебываясь, рассказывал Павлик, — немцы думают, что морские курсанты, ловят по городу и стреляют!

Женщина молча принесла пару ветхих, с вздувшимися коленками брюк, клетчатую, в заплатах сорочку. Пока Коля переодевался в это старье, форма исчезла. Он бросился за женщиной на кухню и едва не из огня выхватил брюки и гимнастерку.

Разве можно?! Как гордились они своим, похожим на солдатское, обмундированием! Как им завидовали мариупольские мальчишки, когда «рэушники» строем шагали в столовую по проспекту Республики и пели свой трудрезервовский марш:

Пройдут года, настанут дни такие,
Когда советский трудовой народ
Вот эти руки, руки молодые,
Руками золотыми назовет.

В этой форме его и Фрося заприметила. Утром Коля с группой строем в столовую идет, а Фрося — навстречу, с подружками в школу. Девочки из школы возвращаются — «рэушники» как раз из столовой после обеда выходят. Здесь они и познакомились. Фрося такая красивая, ямочки на щеках, одно плохо — выше ростом. Но когда Коля в шинели, в фуражке, то ничего.

У Павлика оставаться было нельзя. Рядом — порт, а вдруг облава? Коля поел жареной картошки, и с узелком под мышкой вышел на улицу. «Хлоп, хлоп», — слышались в отдалении выстрелы — будто один за другим протыкали воздушные шары.

Теперь надо было пробраться на Комсомольскую, где его приемная мать живет, мама Мария, посмотреть, что там. Бежал кружным путем, сначала к училищу, потом к пожарной и горсовету. У парадного входа исполкома стояли большие черные мотоциклы с колясками и ходили солдаты в коротких сапогах и темно-зеленых куртках: фашисты! На ступенях, на тротуаре, на дороге белели листы выброшенных из здания бумаг. Коля попятился, юркнул в проходной двор и по пустынной улице Артема вышел на Комсомольскую.

Вверх по Комсомольской шестеро фашистов вели наших людей, мужчин и женщин. Коля притаился за толстым стволом акации, выжидая, когда конвой минует дом мамы Марии. Но у дома № 39 конвойные вдруг замедлили шаг, резко распахнулась калитка, и два солдата вытолкнули Марию на улицу. Мальчик позади вскрикнул и выбежал из-за дерева. Конвойные оглянулись.

— Беги! — крикнула женщина. — Спасайся!

Один из фашистов, не поднимая к плечу автомата, равнодушно повел стволом в сторону мальчика. Из дула вырвался красный язычок пламени, как из зажигалки. Пули цокнули по булыжникам, высекая искры. Мальчик с испугу выпустил узелок и кинулся к ближайшему забору. Одним махом перелетел через высокую ограду, чувствуя, как трещат внизу доски, будто по ним лупят изо всех сил сразу десять барабанщиков.

На четвереньках, как загнанный зверек, полз по мокрым от холодной росы огородным грядкам, пока сзади не утихла пальба. В неубранных стеблях кукурузы сжался в комочек и затих. Заметил кровь на стеблях. Огляделся: правая нога разодрана. То ли о забор, то ли пулей зацепило. Рана глубокая, кровь как из родника выбулькивает. Попробовал листьями залепить — отпадают. Откуда столько крови в худой ноге?

Послышался тихий свист. Мальчик выглянул из-за кучи кукурузных стеблей. Свист повторился. Сигнал подавали от сарая. Коля пополз туда, навстречу приоткрылась дверь летней кухоньки.

— По тебе стреляли? — спросил мужской голос. — Э, да ты ранен?

В полумраке каморки Коля рассмотрел мужчину. Военный, голубые петлицы с птичками, летчик. Мужчина положил Колю на топчан, ловко перевязал ногу, сунул в руки кусок сахару.

— Соси, кровь восстанавливает.

— А они арестованных расстреливают? — тревожился мальчик.

— Кого забрали?

— Мать. Мария Сахарова, может, слыхали? С завода металлоизделий, депутат.

— Значит, ты — Сахаров. А зовут как?

— Колей, — ответил мальчуган. — Только не Сахаров я, а Жуков, Мария мне — приемная мать, родная давно померла.

Про себя летчик мало сказал. Полк под Ростовом, выпросился на день своих вывезти, теперь бы хоть самому выбраться.

Жуткой была первая ночь оккупации: пожары, расстрелы, крики.

Прижимаясь к палисадам, к глухим сырым заборам, пробирались двое к городской окраине, замирая под случайным лучом прожектора.

— Машину бы раздобыть, — шепнул летчик.

В одном месте заметили постоянное кружение света и гудение множества моторов. Подобрались поближе: бензозаправка. Мигали подфарники и стоп-сигналы автомобилей и мотоциклов.

Летчик шевельнулся в темноте.

— Подстережем мотоциклиста в улочке?

— Стрельнете — услышат, — ответил Коля.

Летчик задумался. С каждой минутой выбираться из города становилось сложнее.

— Давайте проволоку натянем, — предложил вдруг мальчик. — Мотоциклист об нее — бац!

— Идея, — одобрил летчик, — а где проволоку взять?

Коля хмыкнул: в каждом дворе веревка или проволока для белья. Он поднял с земли несколько камешков и швырнул их через забор. Прислушался. Потом объявил:

— Собак нет, можно заходить.

Спутник только головой покачал.

По мокрой черепичной крыше дома проносились светлые полосы от проезжавших по соседним улицам автомашин. Блестели капельки на оцинкованной проволоке, протянутой наискосок двора.

Они выбрали проулок поуже, неподалеку от бензозаправки. Натянули проволоку. Летчик присел, расставляя, как мотоциклист, руки.

Ждали с полчаса. Продрогли. Пиджачишко, который нашли на кухне, отсырел, мальчика била мелкая дрожь, он все сильнее припадал на правую ногу.

Наконец на повороте запахкал мотоцикл. Мощный луч фары опасно выхватывал из темноты большой кусок дороги. Сейчас фашист заметит проволоку... На ровном, накатанном пути водитель переключил скорость на высшую, колеса бешено рванулись вперед. С глухим вскриком свалился с сиденья фашист. «Майн гот!» — стонал второй в коляске.

Летчик бросился в темноту. Оттуда послышались звуки борьбы, глухие удары.

— Помоги! — позвал летчик.

Мальчик подбежал, прихрамывая. Вдвоем они оттащили тела фашистов к забору.

— В коляску с головой! — приказал летчик.

С того момента как они помчались в ночь, Коля потерял всякое ощущение времени и места. Толкало то в один, то в другой бок. Иногда мотоцикл закладывал такие виражи, что мальчик не надеялся выбраться живым из своего железного убежища. Долетали невнятные крики, поспешная стрельба. Бросало из стороны в сторону. Коля руками спасал голову и едва не молился богу, чтобы не оторвалась коляска.

Потом все утихло. Перестало трясти, бить, качать, только ветер шипел за обшивкой. Мальчик попытался высунуть голову наружу — захлебнулся тугой струей сырого воздуха.

Среди ночи его растолкали. Он никак не мог сообразить, где находится. Рядом курили военные. Красные огоньки папирос высвечивали темные небритые лица. Потом увидел летчика. Тот подбежал к мальчику, взял его на руки и понес к стоявшему поодаль грузовику.

— Ну, как мы их! — горячо шептал в ухо.

Так было хорошо на его руках. Остаться бы с таким другом навсегда.

Летчик посадил в кабину и сказал шоферу:

— Будь добр, браток, до самого Ростова довези парня.

Потом нагнулся к Коле, сунул за пазуху твердый сверток.

— Бывай, — потрепал по вихрам. — Будем живы — свидимся.

Хлопнула дверца, машина тронулась с места.

Прошло немного времени, как мальчик рассказал свою историю Михалкову — и вот добрая весть: начальник пехотного училища согласился принять мальчика на военную службу, воспитанником музвзвода. Это не боевое подразделение, но не просиживать же штаны за партой, когда война!

Ему выдали настоящую армейскую форму, стали обучать военному делу, музыке. Может, стал бы военным музыкантом, да снова случай вмешался. Встрял в стычку с мальчишками из соседней школы: не отступать же! А как возвращаться в училище с синяками на лице, в изодранной форме? Стыдно перед начальником, стыдно перед людьми, которые за него просили. Решил бежать на фронт. Он всем докажет!

На левом берегу Днепра в обыкновенной крестьянской хате спал на печи с открытым по-детски ртом рыжеватый подросток лет четырнадцати. Толстые щечки розовели от сна. Вот мальчик высвободил из-под одеяла руки, потер глаза и сел на постели.

В хате было пусто. Мальчик увидел только свою форму, аккуратно сложенную на скамье, да приставленный к стене автомат.

— Обманули! — вслух обиделся мальчик. — Снова обманули!

Он засуетился, заправляя сорочку в шаровары, хватая гимнастерку.

«Ну и комбат! Ну и Толкачев! Сколько раз обещал взять в наступление!»

На столе, прижатый гильзой, белел клочок бумаги: «Жуков! Найдешь на берегу сержанта Данченко, он тебя переправит на тот берег. Сам не вздумай. Толкачев».

«Пожалуйста, — продолжал сердиться Коля, — спаровали со стариком, чтобы помогал штабное барахло перевозить». С досадой забросил на плечо автомат и, застегивая на ходу шинель, заспешил на берег.

Низина была истолочена ногами и колесами. Дымились свежие воронки. Над высоким правым берегом вскидывались разрывы. К переправе тянулись войска. В небе кружились вражеские самолеты. Из голого кустарника по ним били наши зенитки. Бомбы падали в воду, вздымая ее тяжелыми зелеными столбами.

Едва нашел Данченко в сутолоке переправы. Тот готовил старую лодку, затыкал тряпками многочисленные пробоины. Ему помогали двое ребят в телогрейках, с трофейными автоматами за спиной, — местные партизаны.

— Что, адъютант, проспал? — пошутил один из них.

— Скоро туда? — пропустил мальчик колкость мимо ушей.

— Ач, якый скорый, — заметил другой партизан.

На середине Днепра их едва не перевернуло: столб воды взметнулся в нескольких метрах от борта. Лодка еще не ткнулась в песок, а Коля уже выпрыгнул со своим автоматом и полез по круче вверх. Партизаны отчалили за новым грузом, а Данченко остался под кручей со штабным имуществом.

— Ну, стреляный воробей! — грозил снизу Данченко. — Комбату пожалуюсь!

Мальчик выбрался наверх и исчез в кустарнике. Вдруг рыжий чубчик воспитанника снова появился над кручей.

— Товарищ сержант, немецкий танк идет!

Данченко схватил сумку с гранатами и, тяжело сопя, полез вверх. Едва отдышавшись, лег рядом с мальчиком.

— Где танк? Ничего не вижу.

Из ельника выползали фашистские самоходные установки, за ними двигались автоматчики. Данченко озабоченно оглянулся.

— Прямо на штаб батальона идут.

Сержант умело связал вместе несколько гранат, подал Жукову запасной диск к автомату:

— На — и бегом через дорогу, стрелять по моему сигналу.

Коля, пригнувшись, побежал. Только устроился под деревом, как первая пятнистая самоходка показалась на лесной дороге.

— Жуков, отрезай пехоту! — вдруг услыхал Коля совсем не данченковский голос. Оглянулся: в кустах мелькнула знакомая фигура замкомбата Гурьева. С ним бежали еще несколько штабистов: вовремя спохватились.

— Гранатами! — распоряжался Гурьев. — Подпустить поближе! Огонь!

Коля прицелился и дал длинную очередь. Несколько фигур в грязно-зеленых шинелях упали за деревьями.

— Ага, — криво усмехнулся мальчик, — не нравится.

Он снова прицелился. Упал еще один фашистский автоматчик, еще...

— За маму Марию! За дядю Колю! За шестое «ремесло»!

Коля нажимал спусковой крючок до тех пор, пока последняя гильза не упала в порыжевшую траву. Сменил диск, оглянулся: несколько штабных офицеров, связисты, ездовые били по самоходкам и пехоте дружным огнем, точно бросали противотанковые гранаты.

У Коли уже не было перед танками былого страха, который он испытал в своих первых боях под Сталинградом. Там он ползал в сугробах по переднему краю, передавая распоряжения, и танки, которые он видел в некотором отдалении, казались ему жуткими, из старых детдомовских сказок черепахами. Потом он видел перепаханное поле боя и понял, что больше для него сказок не существует. В тех глубоких колких сугробах Колю ранило в ногу, он попал в Камышинский госпиталь, в одну палату со старшим лейтенантом Толкачевым, прозвавшим его «стреляным воробьем». Потом опять передовая. Курская дуга. Сотни горящих фашистских машин. Мальчик убедился: танки легко загораются. Надо только метко бить. Вот и сейчас вспыхивали от гранат немецкие самоходки. Одна взорвалась совсем близко. Колю отбросило взрывной волной, он потерял сознание.

Снова Жуков попал в Камышинский госпиталь.

— Стреляный воробей! — удивилась военврач Волкова. — Ух ты, две медали «За отвагу»!

Воспитанника поместили в офицерскую палату. Он быстро поправлялся, набирался сил; помогал поварам, ездил в деревню за овощами.

Провожать мальчика вышел весь госпиталь. Коля едва поднял вещмешок, столько подарков положили.

— Счастливо, — желали маленькому солдату.

И снова шел мальчишка по долгим дорогам большой войны...

Иосиф ШИМАНСКИЙ

НАГРАДА ЗА ПОДВИГ

Беседа давно закончилась, а мальчишки и девчонки не расходились. Они тесным кольцом окружили Владимира Константиновича Зенкина, бывшего воспитанника танкового батальона. Вопросы сыпались градом. И казалось, что им не будет конца:

— Скажите, а вы стреляли из танка?

— А как вы взяли в плен немецкого офицера?

— Мальчишки они всегда мальчишки. Даже на войне, — отвечал ветеран. — А мне ведь тогда было всего двенадцать лет. Стояли мы на привале, приводили боевые машины в порядок. Меня старшие отпустили погулять. Не знаю как, но я оказался на позициях немцев. Огляделся — и вижу: легковая машина, а в ней офицер спит (как потом выяснилось, пьяный был). Тут я и решил угнать машину вместе с офицером. Важная птица была, из штаба. Пригодились секретные документы нашим войскам перед наступлением...

Ребята слушали — и удивлялись. Как это он в двенадцать-тринадцать лет воевал вместе со взрослыми, переносил все тяготы и невзгоды опасных фронтовых дорог? Рассматривали пожелтевшие фотографии военных лет и снова задавали вопросы:

— А с кем это вы на фотографии рядом стоите?

— Я стою рядом с Маршалом Советского Союза Георгием Константиновичем Жуковым. В Берлине это было.

— А это кто? Такой молодой, и столько наград?

— Мой командир Герой Советского Союза Владимир Александрович Бочковский. В ту пору ему было всего двадцать.

Однажды, уже в дни штурма Берлина, Володя спас своего командира. Вот что рассказывала об этом армейская газета:

«В период боев наш воспитанник Владимир Зенкин все время находился в экипаже командира батальона, помогал экипажу обслуживать танк... 16 апреля 1945 года, когда батальон выполнял боевую задачу по прорыву обороны противника на подступах к Берлину, был тяжело ранен командир батальона Герой Советского Союза гвардии капитан Бочковский. Заметив это, Владимир Зенкин под огнем оказал ему медицинскую помощь. Через несколько минут Зенкину поручили передать приказ командирам рот о развертывании танков в боевой порядок для начала атаки. Предстоял бой за высоту. Выполняя это приказание, он добрался до командиров рот и передал приказ. Владимир обеспечил выполнение боевой задачи. За этот подвиг Зенкин награжден медалью «За отвагу».

Короткая газетная информация не рассказала о том, как, перевязав офицера, Володя нашел танк, привел его к раненому и на нем отправил комбата в тыл.

В течение двадцати лет Владимир Константинович Зенкин ничего не знал о своем командире. Помогли журналисты. В журнале «Огонек» был опубликован очерк «История одного танкиста», посвященный славному боевому пути Героя Советского Союза гвардии капитана Владимира Александровича Бочковского. В нем упоминалось и о героических действиях Зенкина. Вот тогда-то и свиделся Владимир в столице с Бочковским и со многими другими друзьями-однополчанами.

Сейчас Владимир Зенкин живет в Находке. Он рыбак. Сотни миль прошел штормовыми морскими дорогами. А океан, как известно, покоряется только мужественным, сильным духом людям.

Мануил СЕМЕНОВ

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ДЕСЯТИЛЕТИЯ...

Это было ранней весной сорок второго года. Мне довелось присутствовать на слете героев битвы под Москвой. Велико же было мое удивление, когда среди участников той встречи увидел мальчика двенадцати-тринадцати лет в красноармейской форме и с новеньким орденом Красной Звезды.

Я спросил юного орденоносца:

— Как тебя зовут?

Он вытянулся, щелкнул каблучками сапожек и четко доложил:

— Красноармеец Андрианов!

Я обнял маленького бойца, и мы долго разговаривали.

Позже я потерял из виду Ваню Андрианова и не знал, как сложилась его дальнейшая судьба.

Но фотография, сделанная фоторепортером Абрамяном, и очерк, вскоре напечатанные в нашей армейской газете «За правое дело», сохранились...

Ваня Андрианов, худенький паренек с редкими веснушками на лице, примостился на печке. Он прислушивается к непонятному разговору гитлеровских солдат. Одни из них горланили песни, другие хохотали, запрокидывая взлохмаченные головы. Лица их покраснели от вина и жары — печурка раскалена, а они все подкладывают дров.

Вчера утром фашисты уехали куда-то на машине, а вечером вернулись с награбленным: курами, гусями, поросятами, овцами. Руки у многих солдат были в крови — кто знает, чья это кровь? Ваня оглядывает запоганенную избу и, наклонившись к матери, шепчет:

— Мама, мама, пусти меня к своим.

Мать испуганно смотрит на сына:

— Куда ты, глупый, убьют!

Серый свет с трудом пробивается сквозь замерзшие окна. Мимо дома проносятся автомобили. Шины резко скрипят по снегу — значит на дворе сильный мороз.

Улица пустынна. Неужели фрицы ушли?

Ваня пересекает улицу, приближается к сараю. Вышедший оттуда фельдфебель сердито кричит что-то — наверное, ругается. Три солдата похлопывают ладонями, греются. Раскаленные уголья, лежащие прямо на земле, таинственно светятся в полумраке сарая. Поблескивает черное тело пулемета.

Ваня идет мимо таких же сараев, разбросанных по гребню оврага. Сквозь щели крыш пробиваются еле заметные струйки дыма. Здесь тоже солдаты. Из обветшалых стен торчат пулеметные дула.

Ваня подходит к пустому, побитому взрывами дому и по шаткой, растрескавшейся лестнице залезает на чердак. Отсюда хорошо видно и поляну, и опушку леса, и колхозные строения, что раскинулись на горе. А вон и школа.

Фашисты считают, что русские на той стороне, и ждут наступления оттуда. Вот бы увидеть хоть одного красноармейца! Ваня всматривается в знакомые места, но всюду безлюдно. Маленькое его сердце сжимается от тоски. Где же вы, родные бойцы?

Вдруг замечает Ваня: кто-то движется мимо реденького ельника. Фигуры в белом — их почти не различишь на снежном фоне — ползут вперед, оставляя позади глубокую голубоватую колею.

Никто не стрелял, никто не мешал этому движению, и фигуры подползали все ближе и ближе к оврагу, к сараям.

«Куда вы, куда?» — хотелось крикнуть Ване, но он знал, что никто не услышит его. «Не услышат, а если побежать туда, к ним?» — подумал пацан. «Куда ты, глупый, убьют!» — вспомнил Ваня слова матери. Но если не пойти, тогда их убьют.

Сколько нужно пробежать до ельника? Вон через тот бугорок, по дороге и к кустам. Ваня постоял у тына, глубоко вобрал в себя воздух и побежал.

Когда он достиг бугра, фашисты его заметили, пули засвистели вокруг. Ваня упал на снег.

Вжик!.. Вжик!.. — жужжали пули. Снежная пыль, взметаемая разрывами, засыпала пальто и шапку. Ваня полз, прижимаясь всем телом к снегу. Видать, гитлеровцы решили не выпускать мальчика живым из деревни. Вжик!.. Вжик!.. А он полз и полз...

Высокий человек в белом халате поднял Ваню на руки.

— Ты куда?

— К вам.

И Ваня рассказал о фашистах, о пулеметах в сараях. Он хотел говорить спокойно, по порядку, но что-то мешало ему, и он сбивался, путался.

Высокий человек оглядел товарищей. Они придвинулись вплотную и молча слушали Ваню.

— Засада? А есть ли другой путь к деревне, о котором фашисты не знают?

— Есть, я вас проведу.

И они пошли по оврагу к старой мельнице.

— Ну теперь, Ваня, оставайся здесь, — сказал командир. Разделив бойцов на группы, он вынул наган и шагнул вперед.

Ваня прижался к стене мельницы и закрыл глаза. Минуты три было тихо. И вдруг:

— Ур-ра-а!.. Ур-ра-а!..

Ваня побежал в переулок. Гитлеровцы, объятые паникой, кричали что-то. Изредка слышались выстрелы. «Почему так мало стреляют?» — подумал Ваня. И сразу же в его памяти встали холодные, граненые штыки на винтовках красноармейцев, которых он привел сюда, в родное село...

Много лет спустя после войны я решил разыскать маленького бойца. Позвонил в Центральный музей Вооруженных Сил СССР, и мне дали адрес Вани Андрианова.

С чувством большого волнения я шел на эту встречу. По телефону мы условились с Ваней, теперь уже Иваном Федоровичем, о встрече у него на работе во время обеденного перерыва. С той фронтовой встречи и до нынешней прошло столько лет, событий, пробежала целая жизнь! Каков он теперь, мой маленький герой, узнаю ли я его?

Но как только Андрианов переступил порог комнаты, где я ждал его, все сомнения отпали. Крепко сбитый, с простым лицом, по-мальчишески открыто и доброжелательно улыбающийся — таким увидел я Ваню Андрианова.

Нелегко, непросто сложилась Ванина фронтовая жизнь. Был сыном полка — сначала у пехотинцев, потом в инженерной бригаде. Ходил в разведку, был связным, вестовым... А сразу же после войны стал курсантом военно-морского авиационного училища. Потом служба на Черном море. И, наконец, Москва: техникум, завод...

Так паренек из подмосковной деревни Ново-Михайловской стал инженером, а потом и начальником участка.

— Теперь я москвич, — говорит Иван Федорович, — но родных мест не забываю, наведываюсь каждое лето, помогаю маме. Ей уже давно за семьдесят, но уезжать из деревни не собирается.

У Ивана Федоровича дружная семья. Жена Антонина Алексеевна — инженер, работает на заводе вместе с мужем. Дочери Ольга и Татьяна уже взрослые: старшая окончила институт, младшая — студентка. День бывшего фронтовика спрессован до предела: напряженные цеховые часы, работа в завкоме, членом которого он является, технические конференции, встречи со столичной молодежью.

И в мирной жизни Иван Федорович Андрианов на переднем крае. За заслуги в труде он награжден орденом «Знак Почета».

...Быстро пробежали минуты обеденного перерыва. Условившись о новой встрече, мы распрощались. Я смотрел через окно на бетонную дорожку, по которой быстро удалялась знакомая фигура. На трудовой пост спешил боец мирных созидательных будней Иван Андрианов.

Роман ЗВЯГЕЛЬСКИЙ

ПЕСНИ СОЛДАТА

Он вышел, чуть прихрамывая, на залитую светом сцену Центрального Дома Советской Армии имени М. В. Фрунзе, оглядел притихший зал и запел «Песню о полковом трубаче». И сразу между артистом и слушателями незримо протянулась нить сердечного общения. Может быть, в момент исполнения песни вспомнил он и далекий тридцать восьмой год...

Каждый раз, когда по улицам Ташкента под музыку походных труб шла воинская колонна, душа Коли Щукина ликовала. Он спешил послушать оркестр. Уже давно все мальчишки отстали от строя, а он все бежал, провожая полк до самой окраины, и смотрел ему вслед, пока колонны не исчезли за барханами.

Однажды, сопровождая так строй, Коля не выдержал:

— Товарищ командир, возьмите меня с собой! Возьмите в полк. Я и на трубе умею играть, и на альте.

Понравился майору Башилкину черноглазый шустрый паренек. И питомец Ташкентского детского дома имени В. И. Ленина двенадцатилетний Коля Щукин стал воспитанником военного оркестра, сыном 27-го горнокавалерийского полка. С гордостью носил военную форму, научился стрелять из карабина, уверенно держался в седле. Несколько лет был он полковым трубачом. Когда же после переформирования часть стала пехотной, Колина труба по-прежнему играла «подъемы», «сборы», «тревоги», водила в учебные бои. Это его сигнал поднял полк тогда, в сорок первом.

Потом был фронт. Правда, майор Башилкин хотел оставить подростка в тылу, но Коля упросил не разлучать его с родной частью.

Бои шли жестокие, кровопролитные. Ельня, Дятьково, Брянск. Гибель однополчан. Под Смоленском, когда смертельно ранило командира роты и контратака наших пехотинцев едва не захлебнулась, пятнадцатилетний солдат поднялся и с возгласом «За Родину!» увлек за собой бойцов. В том бою ужалила Николая первая фашистская пуля. Тогда же пришла к нему и первая боевая награда — медаль «За отвагу».

...Лица слушателей то озаряются улыбкой, то становятся серьезными, грустными. А артист поет «о друзьях-товарищах, об огнях-пожарищах», о фронтовых дорогах, которые позабыть нельзя, и о Дне Победы, пропахшем порохом... Песни борьбы и отваги звучат в исполнении Николая Щукина призывно, широко, свободно. Мужественное начало сливается в них с лирическим, а выразительный жест и мимика помогают передать тончайшие оттенки произведения.

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза...

Эта песня полюбилась на фронте. Январской ночью сорок четвертого под Лугой Николай, в то время уже командир взвода разведчиков, возвратился с товарищами из глубинного поиска. Взяли в тот раз «языка», долговязого фашистского капитана. Обогрелись, выпили чаю и запели «Землянку». И, как в песне, бился в печурке огонь, тихо звучала гармонь.

Память сохранила подробности той ночи. А следующий день стал переломным в судьбе Щукина.

Утром начальник разведки полка сказал:

— Давай-ка со своими орлами во второй батальон, там фашист в атаку пошел. Надо узнать, какими силами он наступает.

Однако в разведке побывать не пришлось. Едва он добрался до батальона, как вражеская мина разорвалась почти рядом. Николай почувствовал тупой удар и потерял сознание. Его доставили в один из госпиталей осажденного Ленинграда. Это было уже шестое ранение.

Когда он очнулся, то ощутил нестерпимую боль в правой ноге.

— Сестричка, а ногу мне не отрежут? Как же я буду «цыганочку» плясать, чечетку отбивать? — растерянно спрашивал он.

— Не надо, Коля, волноваться... Врачи сделают все возможное, — успокаивала девушка.

Но медики оказались бессильны. Ногу спасти не удалось: начиналась гангрена.

Его отправили долечиваться в глубокий тыл. Он часами лежал с запрокинутой головой в палате или подолгу смотрел на забинтованную культю. Игры босиком на зеленом лугу, чеканные шаги в солдатском строю — теперь это было не для него.

Но в госпитале Колю приобщили к художественной самодеятельности. Перед такими же ранеными, как и он сам, молодой фронтовик пел русские, узбекские, украинские песни и те, что полюбил на войне. И всегда его награждали самыми громкими аплодисментами.

Подошло время выписываться из госпиталя. Но в какую сторону податься? Как-то, стоя в госпитальном коридоре, он услышал голос главного хирурга Павла Петровича Шилова:

— Куда думаешь выписывать проездные, герой?

— Не знаю, — потупил взгляд Николай на новенькие костыли.

— А не попробовать ли по-настоящему учиться петь? У тебя ведь прекрасный голос. Что, если попытать счастья в Москве, в консерватории?

И он попытал... Как и приехавшие с фронта, теперь известные стране певцы Иван Букреев и Виктор Беседин, Николай Щукин был зачислен в консерваторию.

На его жизненном пути нередко попадались хорошие, чуткие люди. И в стенах консерватории Николай встретил прекрасного человека — профессора В. Ф. Рождественскую, сыгравшую важную роль в его артистической судьбе. Замечательный педагог-вокалист, Виктория Федоровна отдавала много сил индивидуальным занятиям с ним, настойчиво развивала его вокальные данные, открывала ему богатейший мир музыки.

Сейчас артисту Москонцерта Николаю Николаевичу Щукину немногим более пятидесяти. Тридцать лет он посвятил военно-патриотическим песням. С ними объехал всю нашу страну. Аплодировали ему также в Польше

и Венгрии, Канаде и Югославии, Германии и Чехословакии, в скандинавских странах.

Есть в программе сольного концерта Щукина «Баллада о железе». Он выступает с ней в финале. Это — гимн не только тем, кто погиб в боях за Родину, но и ныне живущим ветеранам войны.

А железо во мне —
высшей крупповской марки,
на полдюйма от сердца
его холодок.
А о ком-то скорбят
тополя в старом парке
да сосна над холмом
у развилки дорог.
Мертвым — слава в веках,
а живым помнить долго,
как шагали на запад мы
в огненной мгле.
Носят люди в душе
по стальному осколку
самой страшной из войн,
что прошли по земле...

Не знаю, может быть, авторы песни и ее исполнитель никогда не виделись и образ этот просто навеян судьбами таких же, как и он, солдат минувшей войны. Но знаю, что артист действительно носит в своем теле два осколка вражеской стали.

Нет, не ушел в запас кавалер двух орденов Славы, отважный разведчик старшина Николай Щукин. Крылатая песня вернула ему радость движения в общем строю граждан своей страны.

Ярослав ГОЛОВАНОВ

КАВАЛЕР ОРДЕНА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ...

...На Воронеж фашисты полезли после провала блицкрига, летом сорок второго года, когда отец Кости Петр Павлович уже был в армии. Костя тоже ходил в военкомат, но ему дали отставку по малости лет и хрупкости тела. Когда фронт подошел совсем близко к городу, мама его Мария Федоровна в слезах собрала маленький узелок, и пошли они с сыном на восток. Пешком. В деревне Верхняя Хава Костя сбежал.

Ему удалось упросить командира взвода разведки послать его в город. Город горел. Дымная туча стояла над Воронежем, и из этой тревожной черноты слышались выстрелы и взрывы. Генерал в черном мягком шлеме велел приглядеться к танкам.

Было тихое, ясное июльское утро, когда он подошел к реке. Разделся, спрятал кожаную куртку и сапоги, свернул в узелок рубашку со штанами и поплыл. И вот тут впервые в жизни услышал нежный, слабый, короткий свист. Это свистела пуля. Он не сразу даже понял этот звук, а когда понял, не столько испугался, сколько удивился. Это ужасно неестественно, когда по тебе стреляют. Он переплыл реку и опять пошел вперед. Быстрый, ласковый свист приближался, и Костя упал. Он решил прикинуться убитым — это была его первая военная хитрость, известная не то что историкам, палеонтологам даже. Но фашисты, видимо, ее не знали и стрелять кончили. Полежал — пополз дальше. Опять засвистело, и опять он ткнулся в сырую землю. Только когда гитлеровцы увидели, что движется он, в общем-то, к ним, стрелять перестали. Костя понял, что скрываться теперь нет никакого смысла, и внутренне подготовился к встрече.

Мокрый, худенький мальчик стоял перед ефрейтором и с наигранной бестолковостью твердил, как потерял он мать, как искал и не нашел ее и как теперь идет домой. Появился переводчик, и Костю повели в городской парк, где стояла какая-то часть. Обстановка была нервная, бегали, кричали и допрашивали Костю невнимательно, рассеянно, а потом дали ведро и послали за водой к колонке. Тут он и утек.

Он шнырял по городу — невидимка проходных дворов, — и именно потому, что город был известен ему до последнего камушка, сразу резала глаза любая новизна: ряд пыльных мотоциклов, полевая кухня, группа грязных фашистов в черном, которых принял он за гестаповцев, хотя были это просто танкисты.

Ночью в кустах на берегу рассчитав точно, когда проходит патруль, Костя переплыл реку, разыскал в темноте ямку с сапогами и кожанкой и вернулся к нашим. Он попал не в ту часть, никто не понимал, кто он, почему тут, звонили по телефону, выясняли и наконец нашли его командира...

Так ходил Костя Феоктистов к врагу пять раз. Однажды в «своей части» встретил он Вальку Выприцкого, одноклассника. Они были одногодки, но Валька был крупнее, здоровее и ходил в фашистский тыл с группой диверсантов. Их послали вместе в город, и Валька придумал свой план операции, убеждал, что переходить фронт надо не через реку, а по суше, со стороны ботанического сада. И хотя «туда» они прошли благополучно, Костя малым своим опытом, а скорее чутьем понимал, что весь этот план сложен и рискован. В Вальке вообще был какой-то рискованный нерв, он все время «нарывался»: то заговорит с фашистским офицером, то у солдата сигаретку попросит. И когда шли они уже обратно, все высмотрев и разузнав, их сцапали. Без всяких допросов гитлеровцы отвели их к окопу, сунули по лопате и велели углубить окопчик. С нашей стороны лениво постреливали. Костя рыл в окопчике, а Валька зачем-то залез на бруствер. Костя сказал ему, чтобы он слез, ведь стреляют. Но Валька не ответил, Он только всхлипнул судорожно, как всхлипывают долго плачущие дети, и упал. Пуля попала ему точно в правый висок.

Константин Феоктистов: «Вот в этот момент я, наверное, почувствовал то, что очень остро заставляет меня ненавидеть войну: унизительное бессилие...»

Вернулся Костя, как обычно: ночью, вплавь.

Потом наши начали наступление, вышибли фашистов с окраины, из пригородов, отбили ботанический сад. Разведданные очень были нужны, и 11 августа Костя опять ушел в город, и опять с напарником. Имя этого мальчика Феоктистов не помнит, много лет спустя кто-то рассказал, что звали его вроде бы Юра Павлов. А может, и не Юра.

За несколько дней до этого фашисты выгнали из Воронежа жителей и развесили приказ, в котором было сказано очень коротко и ясно: если нет пропуска — расстрел на месте.

Яркий летний день, и совершенно пустынные улицы — такого Воронежа Костя никогда не видел. Они шли очень осторожно, бесшумно, не шли, а крались — Костя впереди, а Юрка этот самый метрах в пятидесяти сзади. Они выведали все, что надо было, и уже возвращались, когда, обогнув угол дома, Костя услышал даже не окрик, а короткое, властное:

— Хальт!

Фашистов было трое. Громко ругаясь, они завели Костю под арку ворот, потом во двор и подвели к глубокой, в рост человека, яме. В это время в проеме ворот мелькнула фигурка Юрки, и двое фашистов с криками бросились за ним, а один остался. Он кричал и размахивал перед лицом Кости пистолетом. Костя увидел на его петлицах серебристые змейки «SS» — вот уж сколько лет прошло, но никогда ему не забыть этих змеек — и понял, что так просто на край ямы не ставят, понял, что остается, пожалуй, только прыгнуть на фашиста, выбить пистолет и бежать. И гитлеровец все это, наверное, тоже понял, прочитал в Костиных глазах и, не целясь, выстрелил ему в лицо.

Если Костя и был без сознания, то какой-нибудь миг, потому что, еще падая в яму, сообразил, что упасть надо лицом вниз, и так и упал.

Фашист постоял, потом ушел. Костя приподнялся. Рубашка была мокрая и липкая от крови. Пуля прошла через челюсть и вышла в шее. Он услышал возбужденные голоса и понял, что гитлеровцы возвращаются. Тогда он вспомнил, как лежал, свою позу вспомнил и снова уткнулся лицом в землю. Юрку они не поймали и злились. Один в сердцах пнул камень, и тот глухо стукнул о землю рядом с Костиной головой...

Одну ночь он полз к реке, день лежал в кустах, помирая от жажды, а на вторую ночь переплыл реку и пришел к своим. Доложил, и отправили его в медсанбат, а потом в госпиталь. Из госпиталя Костя сбежал к своим, во взвод разведки, но тут его быстрехонько завернули опять в медсанбат.

Когда уже ехал из медсанбата, солдаты-попутчики спросили, как ранили. Он рассказал, они не поверили и подняли на смех. Тогда Костя решил никому об этом не рассказывать, потому что глупо, когда тебе не верят, а бумажку всякий раз совать еще глупее. В бумаге этой за подписью командира воинской части значилось:

«Тов. Феоктистов Константин Петрович, 1926 года рождения, член ВЛКСМ с 1941 года, находясь в 1942 году при воинской части, с первых дней обороны и боев за город Воронеж с немецко-фашистскими бандами самоотверженно выполнял задания командования.

Находясь во взводе разведки, рискуя жизнью, под пулеметно-минометным огнем неоднократно ходил в разведку и добывал ценные данные войскового характера.

В августе 1942 года попал в руки к противнику, расстреливался гестаповцами.

После лечения направлен в город Коканд.

Тов. Феоктистов представлен командованием к правительственной награде».

Награда долго искала его, но спустя много лет нашла — орден Отечественной войны и медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Он приехал с мамой в Коканд, окончил школу, а День Победы встретил студентом МВТУ имени Баумана.

— Константин Петрович, академик Королев знал эту историю?

— Нет, не думаю. Может быть, он смотрел мое личное дело... Не знаю...

— А Володя Комаров и Борис Егоров?

— Они знали. Когда наш экипаж окончательно сформировался, мы однажды сели вечерком и решили как следует познакомиться. И каждый все рассказал о своей жизни. А уже после полета эта история всплыла... Поймите меня правильно: я ведь не воевал. Все это продолжалось едва ли месяц. А война шла годы. Воевал мой отец, прошел от Сталинграда до Берлина. Вот он был на войне...

Да, мальчишками были наши космонавты, и за них воевали отцы. Поклониться должны мы им, героям — отцам героев. И тем, кто дожил до светлого дня, и тем, кого уже нет. Всем, всем, кто воевал за своих мальчишек и, сам о том не думая, пробивал им в дыму и крови дорогу к звездам.

ВСПОМИНАЮТ ПИСАТЕЛИ

Анатолий ПРИСТАВКИН:

В эти годы мы были очень самостоятельными, мы уже работали, отвечали за себя и за других. Война подрезала, сократила наше детство... У меня так и время делится: до войны, война и все остальное... Война в нас лежит глубоко, как неразорвавшаяся ржавая бомба, в которой, однако, цел детонатор.

Иван ШАМЯКИН:

Наш грузовик остановил солдат, наш воин, хоть вид у него, прямо скажу, был совсем не воинственный. <...> Дитя голодных военных лет, был он низкорослый, совсем подросток. И гимнастерка на нем еще не притерлась, и автомат висел на шее не лихо и не грозно. И сам он был растерянный; увидев в грузовике офицеров, растерялся и смутился еще пуще, в глазах, которые он поднял на стоящих в кузове, были слезы.

Солдат просил помощи. Он вел пленных. На обочине дороги на земле сидели семь немецких офицеров, старших — полковник, майоры, как мы выяснили после, когда подозвали их, командование какого-то инженерного полка, строившего укрепления на подступах к Берлину. Помню, все они были чем-то похожи друг на друга — пожилые, длинные, с вытянутыми лицами, надменные и испуганные одновременно. Один из них натер ноги и отказался идти, сел — и ни с места. И бедный конвоир не знал, что делать. Выслушав его, парторг нашего дивизиона Дмитрий Колбеко, до войны — секретарь райкома партии на Украине, переживший трагедию 41-го, спрыгнул из кузова и растроганно обнял солдата: «Мальчик мой, да понимаешь ли ты, как оно повернулось?!»

Может, и я тогда не сразу понял всю значительность эпизода. И то, что голубоглазый калининский паренек, которому в начале войны было четырнадцать, один вел по немецкой земле в плен семерых матерых волков, тех, кто ковал Гитлеру военную мощь и вместе с ним мечтал о мировом господстве. И то, что у советского солдата и мысли не возникло решить неожиданную конвоирскую задачу так, как, не задумываясь, решали подобные задачи солдаты фашистской армии. Но теперь, из дали в тридцать лет, осмысливая большие и малые события войны, я часто возвращаюсь памятью к этому эпизоду.

У юнги тоже сердце моряка

«К 1 августа 1942 г. сформировать при Учебном отряде СФ школу юнгов ВМФ со штатной численностью переменного состава 1500 человек, с дислокацией на Соловецкие острова. <...>

Школу укомплектовать юношами комсомольцами и некомсомольцами в возрасте 15—16 лет, имеющими образование в объеме 6—7 классов, исключительно добровольцами через комсомольские организации в районах по согласованию с ЦК ВЛКСМ».

Из приказа народного комиссара Военно-Морского Флота
от 25 мая 1942 года

Валерий
ШАМШУРИН

МАТЬ И СЫН

Сначала приведу выдержки из письма Александры Васильевны Морозовой к другу ее сына — Алексею Юсипову, бывшему юнге флота.

«Здравствуй, дорогой Алеша!

Письмо твое я получила. Спасибо тебе, большое сердечное спасибо за теплые слова, за то, что ты не забываешь Игоря — друга детства и боевой комсомольской юности.

Алеша! Я так рада и так благодарна тебе, что ты один из тех в нашем городе, кто поднял вопрос о юнгах и сыновьях полков. Молодец, Алеша! Ведь вы, юнги, сквозь битвы несли свою честь, понимая, как важно выполнить долг перед Родиной.

Мне очень хочется встретиться с тобой. Игорь до последнего вздоха, до самого последнего удара своего сердца вспоминал о тебе как о лучшем своем друге и товарище.

Мы поставили памятник Игорю и на памятнике написали слова из его стихотворения:

Пройдут незаметные годы,
И сменят друг друга века,
Но путь не забудут народы
К могиле бойца-моряка.

Давно уже нет в живых моего сыночка, а мне все не верится, что я никогда, никогда больше не увижу его. Тоска, мучительная, безысходная тоска о нем извела меня вконец. Одна надежда на вас, юнги, юные участники войны, на тебя, Алеша...»

Лето сорок второго года. Ей позвонили из военкомата:

— Александра Васильевна, уймите вашего сына. Замучил нас — требует послать на фронт.

Вечером она говорила с сыном:

— Послушай, Игорек, ведь тебе только четырнадцать...

А он:

— Мама, ты не можешь так говорить. Сколько лет было тебе, когда ты записалась добровольцем в Красную Армию? Семнадцать? А мне по виду все восемнадцать можно дать!

Да, он был рослым, крепким пареньком, предводителем уличных мальчишек. Еще в шестом классе увлекся верховой ездой, готовился в кавалерию, называл себя чапаевцем. Он словно предчувствовал великие испытания и, готовясь к ним, не расставался с книгой Николая Островского «Как закалялась сталь».

Что могла ему ответить мать? Живи, мол, учись, сынок, спокойно? Есть, мол, люди повзрослее?

Нет, глядя в его жгучие, палящие глаза, она не в силах была так сказать. Вся ее жизнь не позволила бы ей этого. Юной девушкой она вступила в комсомол; являлась членом продотряда; боролась с кулачеством; была секретарем Ташинского (ныне Первомайского) райкома Коммунистического Союза Молодежи. И когда сын все же добился своего, когда поступил в школу юнг на Соловецких островах, получил специальность моториста торпедного катера, а затем подал рапорт о зачислении на военный корабль, она, волнуясь, вывела первые строчки своего письма к нему: «Игоречек, сынок мой, благословляю...»

Кровопролитные бои на Балтийском море. Грохот взрывов, гул падающей воды, завывание «юнкерсов» над головой, горящие вражеские корабли, гибель товарищей... Он узнал этот страшный военный ад, но ни разу не дрогнула его рука, не сжалось трусливо сердце. Он участвовал в боях под Ленинградом и Петрозаводском, Таллином и Кёнигсбергом.

Тяжело раненный, однажды тонул в ледяной воде Балтийского моря, но держался на воде из последних сил до тех пор, пока к нему не подоспел на помощь советский катер.

Лежа в госпитале, Игорь твердо усвоил одно: выжить — значит снова встать в строй, значит снова сражаться за Родину, за те самые идеалы, которые носила в сердце его мать, которые стали дороги ему самому. И он выжил. И тогда в первый раз сложились у него стихи о мести врагу, о любви к Родине, о верной фронтовой дружбе. С болью в душе он записывал в тетрадь слова о гибели друзей:

Они все геройски пали в огне
Под гром орудийных
раскатов.
Но долго являлись
фашистам во сне
Призраки в черных
бушлатах...

Проходит год за годом. Многое меняется на земле, но неизменной остается память. Нет теперь в живых бывшего юнги Игоря Морозова. Видно, сказались старые раны, и в августе шестьдесят девятого года его не стало.

Горько стоять матери над могилой сына и, плача, вспоминать каждую строчку его писем, его стихов, его горячих слов любви, обращенных к ней. Но она знает: сын шел по ее стопам, он у нее учился нежности и ненависти,

привязанности к друзьям и непримиримости к врагам. Он живет в ее днях и ночах, в ее заботах и беспокойстве, и даже шепот листвы — это шепот его сердца. Висит, обрамленный черной лентой, его портрет на стене маленькой материнской комнаты. Сын как живой на этом портрете. И порою кажется: вот-вот заскрипит и откроется дверь, войдет Игорь и весело скажет: «Ну видишь, мама, я же вернулся. Я не мог к тебе не вернуться...»

И снова строчки письма:

«Алеша! Я жду тебя к нам в гости. Когда ты приедешь, я передам тебе для музея юнг ВМФ документы, орден и боевые медали Игоря, фотографии... Я знаю, что во Дворце пионеров имени В. П. Чкалова, где создается музей, все сохранят. И бывшие юнги возьмут на себя обязанность увековечивать ратные дела тех, кого уже нет с ними. А верными помощниками у них будут пионеры, красные следопыты.

Приезжай, Алеша. Привет маме и всем родным.

С уважением А. Морозова».

Пионеры Данковской средней школы.
Московская область, город Серпухов

ГОНКА НА ФРОНТОВОЙ ДОРОГЕ

Алеша Чхеидзе по комсомольской путевке в шестнадцать лет добровольно ушел на фронт. Он стал разведчиком и участвовал во многих операциях на Черном море и Дунае. Был тяжело ранен: потерял зрение, почти потерял слух, лишился кистей обеих рук и получил серьезное повреждение ног. Врачи направили матроса в наше родное местечко Данки. Здесь, в госпитале, и познакомились с ним ребята из нашей школы.

Шли годы, Алексей Чхеидзе стал большим другом пионеров. Однажды он рассказал о своей мечте: собрать бойцов отряда «Бороды» — так прозвали в войну их отряд, потому что командир носил длинную бороду.

Семнадцать лет следопыты нашей школы вели поиски. Удалось разыскать всех бойцов отряда! Алексей Чхеидзе передал собранный ребятами материал и адреса писателю Стрехнину, который написал книгу «Отряд «Бороды». Эту книгу во всех классах нашей школы читают вслух. Боевые дела разведчиков для нас — пример мужества и беззаветной любви к Родине.

Каждый день приходим мы к Алексею Александровичу и работаем вместе с ним. Для героя-воина самое главное — работа. Мы отвечаем на письма, записываем его рассказы об освободительном походе на Дунае, читаем ему свежие газеты, журналы, рассказываем о школьных делах.

Мы рассказали о дружбе с Алексеем Чхеидзе, чтобы все оглянулись вокруг: а не живут ли рядом люди, которые отдали свое здоровье ради счастья и мира? Заботиться о них — наш долг.

А вот что вспоминал позднее сам Алексей Чхеидзе, бывший разведчик Дунайской военной флотилии:

— Был жаркий августовский день сорок четвертого года. По шоссе быстро двигалась колонна автомашин с морскими пехотинцами. В кузове головной машины — разведчики. Среди них и я.

Остановка. Местные жители сообщают нам, что недалеко, в деревне, — враг. Командир отряда подполковник Яблонский приказывает проверить правильность этих сведений. Машина с разведчиками рванулась вперед. Вот вдоль извилистой речки забелели домики большого села. На улице ни души. Тишина подозрительная. Один за другим мы выпрыгиваем из грузовика. Прошло несколько секунд, и вдруг из-за домов затрещали пулеметы.

Мы залегли возле дороги, охватывая полукольцом деревню. Командир связался по рации с отрядом, и через полчаса к нам подошла рота автоматчиков. А вот и первый залп нашей артиллерии. Снаряды точно накрыли окопы фашистов. Моряки бросились на штурм.

Когда по деревне вели длинную колонну пленных, на краю села еще раздавались выстрелы. Тяжело дыша, я стоял возле брошенных немецких грузовых машин. Вдруг неподалеку заметил мотоцикл с коляской. Залез в мотоцикл и мгновенно завел его. Машина марки «цюндап» оказалась в полной исправности. Тут ко мне подбежал и прыгнул в коляску Виталий Запсельский, мой боевой друг. Он осмотрел пулемет, установленный на коляске, и привел его в боевую готовность. Я дал газ, и мотоцикл покатился по ухабам. Мигом мы пролетели деревню и скоро заметили на дороге открытую легковую машину. Она тотчас скрылась за поворотом. Я насторожился, прибавил газу и помчался следом. Навстречу грянули выстрелы. Виталий ответил длинной пулеметной очередью. Увертываясь от пуль, я вел мотоцикл зигзагами. Пули свистели рядом, и одна из них ранила моего друга. Но мы не сбавляли скорости, мчались по свежим следам от автомобильных шин.

Вот мы выскочили на открытое место и снова увидели машину. Она буксовала, с трудом выбираясь из глинистого грунта. Цель была совсем рядом, расстрелять ее ничего не стоило. Но мы были разведчиками, наше дело — брать «языков» целехонькими.

Мотоцикл, сильно накренясь, быстро приближался к автомобилю. Казалось, вот-вот наступит развязка. Но легковая машина вырвалась из грязи и с невероятной быстротой понеслась по дороге.

Запсельский, не выдержав, крикнул:

— Алеша! Гони! Уйдут ведь.

Меня охватил азарт гонщика. Разбрызгивая воду, мотоцикл как стрела пересек речку и взлетел на берег. Разрыв составлял метров восемьсот! Сидящие в машине тоже делали ставку на скорость: впереди, совсем недалеко, стояли воинские части фашистов.

Мы хорошо видели находящихся в машине. Два офицера на заднем сиденье не отрывали глаз от мотоцикла. Сидевший же рядом с шофером словно не знал о погоне: он ни разу не оглянулся.

Мне удалось вырвать еще несколько драгоценных метров. Водитель машины попытался оторваться от нас. Его автомобиль мчался теперь с ураганной скоростью. Но я не отставал. Бескозырка, надвинутая на лоб, улетела назад, ветер свистел в ушах, спидометр мотоцикла показывал сто сорок километров в час! Малейшая неточность грозила катастрофой.

Немцы были уверены, что мы долго не выдержим такой гонки и скоро свернем себе шеи. Но они не знали, что их преследует спортсмен-мотоциклист (мотоспортом увлекался я еще до войны).

Впереди показался разрушенный мост. «Попались фрицы!» — вспыхнула надежда. Но автомобиль, не сбавляя скорости, оторвался от выступа разрушенного моста, блеснул в воздухе и приземлился по ту сторону! Препятствие не остановило и нас. На большой скорости мотоцикл перелетел через провал и удачно встал на колеса. Меня сильно качнуло. С трудом удержавшись на сиденье, я продолжал преследование. Гонка шла с прежней яростью.

Вдали обозначились дома. Там враг. Еще минута-две — и нас обстреляют. Запсельский уже целился в сидящих в автомобиле.

«Напрасно! Напрасно! Зря гнались!» — билось в висках. Но вдруг мрачные мысли исчезли: впереди машины показался поворот. Решение я принял молниеносно: резко свернул с дороги, погнал мотоцикл по открытому полю, наперерез автомобилю. Считанные минуты — и мотоцикл встал на дороге, прямо перед мчавшейся на него машиной. Виталий припал к пулемету.

Автомобиль со страшной скоростью надвигался на нас. Огромным усилием воли я принудил себя остаться на месте. Крупные капли пота выступили на лице, в голове стучало: «Если не остановятся... Если даже Запсельский сразит водителя, машина по инерции налетит на нас, раздавит. Пойдут ли они на таран? Пойдут ли?»

Мой палец лег на спуск автомата. Но стрелять не пришлось: машина резко затормозила, проехала на неподвижных шинах и, оттолкнув мотоцикл буфером, остановилась. Не выдержали у фашистов нервы!

Я спрыгнул с мотоцикла и, держа автомат наперевес, подбежал к автомобилю. Водитель с побледневшим лицом нервно облизывал сухие серые губы. Но я только мельком глянул на моего недавнего соперника по гонке. Меня интересовал офицер, сидевший рядом с шофером. Как же я был поражен, когда увидел, что это генерал!

Генерал неторопливо вытащил из кармана золотой портсигар, раскрыл его, изящным движением взял сигарету и спокойно закурил. Потом протянул мне портсигар, предлагая закурить. Я жестом отказался. Генерал улыбнулся и довольно чисто сказал по-русски:

— Вы есть прекрасный водитель мотоцикла. В знак уважения, пожалуйста, примите от меня в подарок этот портсигар.

Генерал держал сверкающий на солнце портсигар, украшенный драгоценными камнями.

Запсельский, наблюдавший эту сцену, не выпуская из рук пулемета, проговорил:

— Бери, Алеша. Такие подарки зря не дают.

Я посмотрел на окровавленную тельняшку моего друга, потом на генерала, но подарка не взял. Генерал недоуменно повертел портсигар в руке и положил его в карман...

Так окончилась гонка на фронтовой дороге. Добавлю лишь, что захваченный генерал был командиром 62-й немецкой пехотной дивизии, а оба офицера — сотрудниками его штаба.

И несколько слов о моем боевом друге, участнике незабываемой гонки. Виталий Запсельский, уроженец Донбасса, не дожил до светлого дня Победы. Он погиб в декабре сорок четвертого года.

Александр ПОЛЯКОВ

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГАВРОШ

Шли последние дни декабря сорок первого года. Предпринятый фашистами второй штурм Севастополя провалился. Отразив бесчисленные вражеские атаки и отбросив гитлеровцев далеко назад, защитники города, заняв оборону, укрепляли свои позиции, принимали пополнение, вели разведку. В Севастополе временно наступило затишье.

В один из таких дней, возвратившись с задания, разведчики прославленной 7-й бригады морской пехоты привели с собой мальчугана лет тринадцати. И вот стоял теперь пионер Валерий Волков перед комиссаром Николаем Евдокимовичем Ехлаковым в драном пиджаке с чужого плеча и дрожал то ли от холода, то ли от испуга. Слезы катились по щекам.

Ехлаков уже знал, что у мальчишки нет ни отца, ни матери. Разведчики обнаружили его в полуразрушенном доме села Нижний Чоргунь, где он прятался от фашистов. Валерий просил взять его с собой, но моряки отказали ему. Тогда, показав разведчикам кратчайший и наиболее безопасный путь к лесу, мальчуган переждал, пока они отойдут на почтительное расстояние, и, крадучись, двинулся за ними. Очутившись в густом лесу, моряки остановились. Прекратил преследование и Валерий, притаившись в кустах. Один из разведчиков окликнул его:

— Эй, пацан! Кончай прятаться. Иди сюда...

Мальчишка приблизился. И только теперь он увидел, что среди разведчиков находится девушка. Валерий с мольбой обратился к ней:

— Возьмите меня с собой... Прошу, очень прошу... Честное пионерское, не подведу...

Лейтенант Илита Даурова молчала. После некоторого раздумья она сказала:

— Ребята, давайте возьмем парнишку... Ну что он здесь, среди немцев, будет делать?

— Хорошо, — проговорил один из моряков, — только сама за все будешь отвечать, сама с Ехлаковым будешь объясняться.

— Ничего, дальше фронта не пошлют, — улыбнувшись, ответила девушка. — Идем, — обратилась она к Валерию.

Крепко, по-флотски отчитав разведчиков за самовольный поступок, комиссар строго приказал:

— Отогрейте и накормите. А ты, Илита, коль настояла на своем, бери над мальчишкой шефство.

В землянке тепло и уютно. Успокоившись, Валерик разделся и присел к печурке. Под шарфом у него алел пионерский галстук. Увидев это, Ехлаков удивленно и несколько настороженно спросил:

— Ты что, и у немцев галстук носил?

— А я его никогда не снимал, но все время прятал под шарфом...

Глаза комиссара потеплели, строгое лицо стало добрым и расплылось в улыбке.

— Молодчина!.. — похвалил он Валерика. — Настоящий пионер!

Окруженный моряками, Валерий, за многие дни впервые так сытно поев, рассказал свою историю, которая была обычной для того времени.

...Война застала сапожника Волкова в Черновицах, где не так давно он похоронил жену. Оставшись вдвоем, отец и сын еще больше сдружились — вместе ходили в лес по ягоды и грибы, на рыбалку, в кино, вечерами проводили время за книгой. Валерий читал вслух, отец — сапожничал.

Волкова-старшего в армию не взяли — он был тяжело ранен во время финской кампании. Обсудив, как быть дальше, отец и сын решили податься в Крым. В Бахчисарае жил двоюродный брат отца, вот к нему и поехали.

Длинной и трудной была дорога от Черновиц до Крымского полуострова. В пути повидали и голод, и смерть... Добравшись до места, они нашли заколоченный досками дом: и брат, и его жена ушли на фронт.

Поселившись в опустевшей хате брата, отец устроился в обувную мастерскую, Валерик помогал по дому.

Положение на фронтах с каждым днем ухудшалось. Фашисты, прорвав Ишуньские позиции, ворвались в Крым. Наши войска, зажатые на полуострове, возводили оборонительные рубежи.

Когда гитлеровцы вплотную подошли к Бахчисараю, Волковы перебрались в село Нижний Чоргунь. Но и сюда вскоре пришли гитлеровцы. Начались зверства, расправы с мирным населением. Убили фашисты и отца Валерия. В мальчугана тоже стреляли, но он побежал, и пули не достали его. Скрываясь в развалинах от фашистов и полицаев, Валера и встретился с разведчиками.

На следующий день после прихода Валерика в бригаду его вызвал Ехлаков.

— Собирайся, пойдем в школу, — сказал комиссар. — Тебе не воевать, а учиться надо.

«Как можно думать о школе, когда город окружен фашистами? Какие могут быть занятия?!» — думал Валерка, но делать нечего, пришлось подчиниться.

Пока Валерик и Ехлаков добрались до инкерманских штолен, мальчуган увидел Севастополь, вернее, то, что от него осталось. Всюду — руины, на

берегах — катера и буксиры с дырами в бортах. Но казалось, что севастопольцы ничего этого не замечают. Все куда-то спешат, у каждого свои дела, свои заботы, и будто бы нет войны. Напоминают о ней только частые завывания сирен да противогазные сумки, перекинутые у каждого через плечо.

Добираясь до школы, которая размещалась в подземелье, дважды прятались от фашистских самолетов в укрытии. Когда вошли в штольню, раздался обычный школьный звонок и откуда-то из полумрака выбежали мальчуганы и девчушки разного возраста.

Валерик с Ехлаковым прошли в глубь темного каменного коридора. Пока комиссар разговаривал с седой учительницей, Валерик осмотрел «классы», которые были отделены друг от друга только доской или картой, поэтому занятия велись вполголоса.

На уроках в подземной школе Валерик читал стихи Пушкина, «путешествовал» по Кавказу и Дальнему Востоку, узнавал, как выращивают хлеб, которого тогда не хватало, выводил на доске формулу воды, выдаваемой по норме, с натуры рисовал войну, мечтал о будущем. Но недолго пришлось ему посещать занятия. Во время одного из налетов фашистской авиации погибли учительница и несколько одноклассников. Не выдержал этого Валерий и возвратился в бригаду. Обо всем происшедшем рассказал Ехлакову, и комиссар разрешил ему остаться в части.

Прослышав о том, что Валерик в школе оформлял стенную газету, Ехлаков дал ему первое «боевое задание»: написать плакаты и лозунги к первомайскому празднику. Пионер горячо взялся за дело.

Когда Ехлаков, обходя землянки, увидел в них яркие плакаты, едкие карикатуры на фашистов и красочные лозунги, он распорядился выдать мальчугану военную форму — Валерик стал бойцом 7-й бригады морской пехоты. Его должность моряки в шутку называли «куда пошлют». Ну, а если говорить серьезно, он стал юнгой.

Валерия Волкова полюбила вся бригада. На редкость добросовестный, старательный, прямо-таки неутомимый, он брался за любое дело: подносил снаряды, чистил оружие, перевязывал раненых и писал за них письма родным и любимым, помогал коку готовить обеды, выполнял обязанности рассыльного.

Во время одного из боев он был связным командира роты и оказался в самом пекле. Морские пехотинцы, с ходу ворвавшись на высоту, овладели первыми окопами врага. Началось стремительное продвижение вперед. Но на самой вершине оправившиеся от внезапного удара гитлеровцы оказали отчаянное сопротивление. В это время на помощь нашим воинам подоспели свежие силы, что решило исход боя. Высота была взята.

— Связной! — окликнул командир Валерия.

— Есть, связной! — четко ответил Волков.

— Срочно на командный пункт! Доложите: высота в наших руках; захвачено много пленных, оружия, боеприпасов.

— Есть! — отчеканил Валерий и со всех ног кинулся бежать.

Пока он добирался до КП, докладывал о выигранном бое и возвращался назад, гитлеровцы, не желавшие мириться с потерей господствующей высоты, пошли в контратаку. Неумолимо строчили пулеметы, то там, то здесь рвались гранаты. На отдельных участках бойцы бросились в рукопашную.

В этом бою впервые разрядил свой автомат по врагам и Валерий Волков. Трудно утверждать, чьи пули скосили гитлеровцев, пытавшихся обойти моряков с левого фланга, ибо в этом направлении многие вели огонь, но, когда несколько гитлеровцев упали и больше не поднялись, Валерия охватила огромная радость. Ведь это была и его месть врагам — за отца, за учительницу и одноклассников, за все то горе, что видел он...

Вражеская атака захлебнулась. Воспользовавшись временным затишьем, на высоту пришли другие, отдохнувшие бойцы, а те, что участвовали в бою до этого, ушли на отдых. Вместе со всеми вернулся в расположение бригады и Валерий. От усталости он буквально валился с ног, но когда прилег, долго не мог заснуть. «Что же сделать? — думал Валерий. — Чем могу я еще быть полезен?» И тут вспомнилось сказанное Ехлаковым: врага надо бить не только пулей, но и словом. А что, если наладить выпуск газеты?.. С этими мыслями он и заснул.

Через день вышло несколько экземпляров первого номера «Окопной правды» с заметкой, написанной комиссаром. В ней были горькие слова о том, что фашисты дошли до Севастополя, что произошло это потому, что у них много танков, самолетов и другого оружия, а нам всего этого не хватает, мы оторваны от Большой земли. Но Родина, подчеркивалось в заметке, поставила нас на этом участке, чтобы не пропустить гитлеровцев в Севастополь, и мы победим!

Нам тяжело, говорилось далее в скупых строках «Окопной правды», многие из нас не знают, где их родные и живы ли они. Но кто разлучил нас с семьями, кто оторвал от мирных жилищ? Фашисты! Они ворвались на нашу землю и заставили нас воевать. Поэтому не думайте о том, что вам тяжело, а бейте врага с еще большей злостью и ненавистью! Наша сила беспредельна! Мы поднимемся и разобьем фашистов, хотя они и закованы в броню! У нас броня сильнее, наша броня — это мы сами!

«Не падать духом, — призывала газета. — Забыть о трудностях! Бить врага беспощадно! Не жалеть себя ради Родины! Победить обязательно! Ни шагу назад! Этого ждет от нас весь советский народ!»

Когда Валерик читал раненым эти простые, но искренние слова из своей газеты, у многих влажнели глаза. Бойцам хотелось скорее идти в бой.

Как-то, отправившись с донесением от артиллеристов на КП, Валерий попал под бомбежку. Спасаясь от разрывов, прыгнул в ближайший окопчик. И тут стряслась беда.

Раздались взрывы, задрожала земля. Мальчугана засыпало с головой. Он прекрасно понимал, что произошло, но не было сил освободиться от земли и камней. Пролежав какое-то время без движения, Валерик попытался высунуть хотя бы одну руку. Это оказалось не так просто. Наконец удалось высвободить одну, а затем и другую руку. Разгребая землю обеими руками, он постепенно выкарабкался из окопа.

Трудным было возвращение Валерика к своим, но по пути мальчик не забывал подбирать патроны, диски, оружие. Увешанный автоматами, он почти уже приблизился к окопам морских пехотинцев, как вдруг из-за туч вынырнул фашистский самолет. Валера лег на землю. На этот раз, пролетая

на небольшой высоте, гитлеровский летчик не сбрасывал бомб, не строчил из пулемета. С самолета, кружась в воздухе, словно белые раненые птицы, на землю падали листовки. Подобрав одну из них, Валерий прочитал: «Севастопольцы! Вы мужественно бьетесь, но вас уже почти не осталось, а мы ежедневно получаем подкрепление. Поэтому напрасно вы проливаете кровь, напрасно умираете. Немецкое командование предлагает вам сложить оружие и за это сбережет вам жизнь...»

На следующий день Валерий выпустил очередной номер «Окопной правды», в котором зло обрушился на фашистскую агитку.

А через несколько дней, 7 июня 1942 года, гитлеровцы вновь начали наступление на Севастополь. Они ввели в действие всю авиацию, артиллерию и другие огневые средства, которые были у них на этом участке фронта. Если раньше на город налетали десятки вражеских самолетов, то теперь сюда двинулись сотни «хейнкелей» и «мессеров». На передний край обороны ежедневно сбрасывалось до шести и более тысяч авиабомб. В боях применялись сверхмощные орудия типа «Дора». Оборонявшиеся истекали кровью.

После одного из боев, когда морским пехотинцам удалось потеснить фашистов, не выдержавших штыкового удара, Валерик сел на землю у школьного здания и принялся за заметку для своей газеты. Это был уже одиннадцатый номер «Окопной правды». Конечно, теперь юнге приходилось значительно труднее: раненный в бою комиссар Ехлаков, заменивший ему родного отца, был эвакуирован на Большую землю, и некому было редактировать заметки.

Восстанавливая в памяти слова, что говорили командир бригады и комиссар, Валерий стал выводить первые строки. Начал с того, что подсчитал, кто сражается сейчас вместе с ним. Оказалось всего десять человек: командир бригады Евгений Иванович Жидилов, капитан Гебаладзе, военврач Мамедов, разведчик Журавлев, рядовой Пауштите, лейтенант Даурова, артиллерист Петруненко, сержант Богомолов, моряк Ибрагимов. Люди разные по возрасту, званию, национальности, но все как один готовые отдать свою жизнь, чтобы не пропустить врага в Севастополь.

«Наша десятка, — писал Валерий, — это мощный кулак, который враг считает дивизией, и мы будем драться, как дивизия. Нет силы на свете, которая победила бы нас, Советскую страну, потому что мы сами хозяева на своей земле и нами руководит партия коммунистов».

Подумав и осмотревшись, Валерий продолжал:

«Посмотрите, что творилось вокруг этой школы вчера, сколько врагов лежит, а они, сволочи, думают, что здесь нас тысяча, и идут на нас тысячами. Ха-ха, чудовища! Даже оставляют тяжелораненых и драпают!.. Эх, как я хочу жить и рассказать обо всем этом после победы! Всем, кто будет учиться в этой школе!

Дорогие мои товарищи!

Кто из вас останется в живых, расскажите всем, кто будет учиться в этой школе. Где бы вы ни были, приезжайте и расскажите, что происходило здесь, в Севастополе».

Эти волнующие слова пионера были заветом тем, кто участвовал в боях за город-герой Севастополь, кто отстаивал его, кто освобождал от фашист-

ских захватчиков майским днем сорок четвертого года. Однополчане Валерия Волкова, следуя его завету, выполнили этот наказ. Часто бывал в Севастополе и выступал перед его жителями генерал-лейтенант Жидилов. Приезжала сюда из Северной Осетии Илита Даурова. Навсегда связал свою жизнь с Севастополем Николай Евдокимович Ехлаков. И если в суровые годы Великой Отечественной он поднимал в атаку и водил в бой матросов, вступал в рукопашные схватки с врагом, то теперь он увлекает за собой сотни экскурсантов, которые приезжают поклониться бессмертной славе родного ему города. Ветеран войны рассказывает им о том, что было, показывает то, что есть, постоянно напоминая о войне и мире.

Но вернемся в год сорок второй. Последние дни июня. Истерзанный, истекающий кровью Севастополь продолжает сражаться.

Морские пехотинцы, в рядах которых дерется с врагом бесстрашный пионер Валерий Волков, вынуждены отойти. Теперь их узкий участок обороны проходит через шоссейную дорогу, связывающую Ялту с Севастополем.

Нещадно палит солнце. Хочется пить, но нет ни капли воды. Хочется есть, но нет ни крошки хлеба. Хочется уничтожать врагов, но боеприпасы на исходе. У Валеры остались диск и две гранаты. У других и того меньше.

Заметив невдалеке Илиту Даурову, Валерий, пригибаясь, короткими перебежками добрался до нее.

— Товарищ лейтенант, — приложив руку к бескозырке, обратился Валерий. — Разрешите подсобрать патронов.

— Ты что, с ума сошел? Смерть себе ищешь!

Валерий стал доказывать, что, пока нет ни бомбежки, ни артобстрела, он сумеет собрать патроны у убитых и быстро вернуться назад.

Трудно было дать такое разрешение, но другого выхода не было. Если гитлеровцы пойдут в атаку, стрелять нечем.

— Смотри, будь осторожен...

Замерли морские пехотинцы, казалось, даже перестали дышать, наблюдая, как ловко и смело переползал от одного убитого к другому севастопольский Гаврош, набивая сумки и карманы боеприпасами, ссыпая их за пазуху.

С трудом добрался он к своим. И так — несколько раз, пока его не заметил вражеский снайпер. После этого Даурова уже не разрешала ему совершать опасные вылазки.

Атака фашистов и на этот раз была отбита, но еще более дорогой ценой, чем предыдущие. На склонах высоты полегли многие наши воины.

Теперь фашисты чего-то выжидали. Но недолго продолжалось тревожное затишье. Вскоре все услышали скрежет и урчание, переходящие в непрерывный гул: по разбитой, искореженной дороге двигались три танка с черными крестами на бортах. Понятно, чего выжидали гитлеровцы: бронированные чудовища должны расчистить путь пехоте.

Рыча, слегка переваливаясь с боку на бок, ведя непрерывный огонь из пушек и пулеметов, танки устремились вперед, к городу.

Ближе всех к дороге находился в то время Валерий, машины двигались прямо на него. Из-за спины мальчугана полетели гранаты и бутылки с горючей жидкостью. Их бросали Даурова и Гебаладзе, но они не достигли цели. Танки врага продолжали идти вперед.

Тогда Валерий поднялся во весь свой рост. Словно знамя, ярко заалел его пионерский галстук. Он поднял руку, чтобы швырнуть гранату, но в этот момент пуля ударила мальчугана в правое плечо. Рука безжизненно повисла. Мальчуган свалился на землю, кровь выступила на тельняшке. Но Валерий был еще жив, у него хватило сил подняться. Стиснув зубы, последним усилием воли пионер взял в левую руку три оставшиеся гранаты, связанные между собой, и, шагнув вперед, бросил их под гусеницы переднего танка.

Раздался мощный взрыв. Подбитый танк завертелся на месте. Вслед за ним запылали и два других, подожженных Дауровой и Гебаладзе.

Когда дым рассеялся, наступила тишина, пылали танки врага, а рядом, у обочины, лежал, широко раскинув руки, мальчишка с пионерским галстуком на шее. Товарищи бросились к нему, но помочь ничем не могли. Валерий был мертв.

Бережно развязав пионерский галстук, лейтенант Даурова, обращаясь к друзьям, сказала:

— Этот галстук надо сберечь...

— Нет, — перебил ее один из морских пехотинцев. — Мы вывесим его в окне вон той школы как наше знамя.

Вечером, когда хоронили Валеру, прозвучал ружейный залп, но не вверх, как это принято, а по фашистским окопам.

На одной из каменных плит, которыми обложили могилу, кто-то написал краской:

Здесь похоронен пионер-герой
ВАЛЕРИЙ ВОЛКОВ.

Когда по приказу Ставки наши войска эвакуировались из Севастополя, оставшиеся в живых воины 7-й бригады разошлись по разным фронтам, некоторые ушли в партизаны. Но где бы ни находились морские пехотинцы, сражавшиеся вместе с тринадцатилетним Валерием Волковым, они всегда с восхищением вспоминали о нем.

28 декабря 1963 года Валерий Волков посмертно был награжден орденом Отечественной войны I степени. Его имя занесено в книгу Почета Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина. Школа-интернат № 4, в окне которой развевался пионерский галстук Валерия, носит его имя. В школе создан музей юного героя, который постоянно пополняется новыми экспонатами.

Игорь ЛИСИН

РУЛЕВОЙ СО «ШКВАЛА»

— Справа по борту мина! — необычно громко доложил рулевой. Руки его сильнее сжали штурвал, побелели от напряжения.

Совсем близко, на гребне высокой волны, покачивался черный шар — плавающая мина, смертельная опасность для корабля.

— Лево на борт! — последовала команда, и сторожевик повернул влево.

Прогремело несколько пулеметных очередей, и раздался оглушительный взрыв. Мина была уничтожена. И, прежде чем корабль лег на прежний курс, Саша почувствовал, как струйки холодного пота потекли по его лбу, — смерть была рядом.

На сторожевой корабль «Шквал» комсомолец Саша Пошляков прибыл в октябре сорок третьего года после окончания школы юнг. Там, на Соловецких островах, вместе со своими товарищами с Волги и Урала он настойчиво овладевал морским делом, до мельчайших подробностей изучал специальность рулевого. Практику проходил на стареньком катере «каэмке», предоставленном в распоряжение юнг. Не сразу штурвал стал послушным, таким вот, как теперь. Много стараний и упорства приложил Саша, прежде чем получил пятерку по специальности. Опытные командиры и преподаватели делали все, чтобы ребята быстрее и лучше научились водить боевые корабли.

Быстро прошел год. Сданы выпускные экзамены. По распределению юнга Пошляков был направлен на Черноморский флот.

В Поти, к месту службы, юнги прибыли ночью. Стоящие у пирса корабли угадывались по едва различимым очертаниям. Ребят привели на корабль.

— Будешь служить на «Шквале», — сказали Саше.

Бывалые моряки тепло встретили юнг. Помогли устроиться. Расспрашивали о Севере, о родителях, искали среди мальчишек своих земляков. Сашу поставили дублером к рулевому. Чутко, по-отцовски относился к юнге командир отделения старшина 1-й статьи Мишкорудный. Очень быстро они сдружились: юнга и старшина. Дружба, рожденная в дни войны, не прекратилась и ныне. Боевые друзья переписываются, навещают друг друга.

Сторожевой корабль «Шквал» неустанно бороздил просторы Черного моря. Сопровождение транспортов и танкеров, высадка десантов, боевой дозор и другие задачи выполнял корабль в годы войны.

Саша получил боевое крещение, когда «Шквал» сопровождал танкер, следовавший из Батуми в Туапсе. Подводная лодка фашистов выследила конвой и вышла в торпедную атаку. Белый след торпеды уже приближался к кораблю. Не теряя ни секунды, командир приказал изменить курс. Корабль начал выполнять противолодочный маневр — «зигзаг». Стоя за штурвалом, Саша чувствовал, что корабль уходит от опасности. Через некоторое время торпеда дошла до берега, и взрыв потряс воздух. Но опасность не миновала. На обратном пути, пройдя несколько кабельтовых, сигнальщики обнаружили перископ. Гитлеровцы не отказались от своего намерения потопить сторожевик. И тогда командир «Шквала», дав полный ход, прика-

зал юнге Пошлякову направить корабль в сторону фашистского пирата. С кормы сторожевика посыпались глубинные бомбы. На поверхности моря были обнаружены отдельные предметы с подлодки и большие пятна соляра. Подводный хищник прекратил свое существование.

Сорок тысяч миль прошел «Шквал» за годы войны, много побед одержал он за это время. Участвовал сторожевик и в операциях по освобождению от гитлеровцев болгарских портов Бургас и Варна. Большинство моряков корабля награждены орденами и медалями. Командир «Шквала» капитан 3 ранга Быков стал Героем Советского Союза. Саша Пошляков получил орден Красной Звезды. Когда Пошлякова спрашивают, за что он удостоен этой награды, Александр смущенно говорит, что ничего героического не совершал, воевал, выполнял, как все, свой воинский долг. Да, как все, честно выполнял он свой долг перед Родиной, не дрогнул в трудную минуту.

Александр ГЛАГОЛЕВ

ВСТРЕЧА С ЮНОСТЬЮ

Мой собеседник, вскинув густые светлые брови, чуть приметно улыбается и раскладывает передо мной снимки. Они с тем непременным светло-коричневым глянцем, по которому сразу узнаёшь — давние.

Я видел такие снимки. Хранят их вдовы и жены, матери и дети... Как память о взорванном войной времени, о дорогих и близких.

Хранит и Евгений Андреевич Гулин — флотский офицер, фронтовик. Как близкие сердцу воспоминания о далеких огненных годах.

— Вот... — Он протягивает мне фото, с которого смотрят молодые парни в тельняшках и бескозырках. Среди них пятнадцатилетний Гулин — юнга Северного флота, однокашник тех грозных мальчишек, чей подвиг ярко воспет в известном фильме.

Хозяин неторопливо вспоминает, рассказывая, где и когда заснял их вездесущий фотограф, в каких передрягах пришлось побывать. И уже не ощущается тишина домашнего уюта. В сознание властно входит война...

— Тр-ах! Тр-ах! Тр-ах! — где-то гулко ухает пушка.

— Та-та-та-та... — взахлеб лает пулемет. И низко над землей стелется рваное дымное облако.

— Ура-а-а! — гремит над окопами призывный клич к бою.

Оборвав рассказ на полуслове, Гулин подходит к окну и сосредоточенно смотрит на залив, где в пенной схватке столкнулись волны.

Я не тороплю. Жду, пока простынет растревоженная фронтовыми воспоминаниями душа ветерана.

Тогда, в сорок втором, подростком, тайком от родителей он пошел в военкомат, добился, чтобы приняли в школу юнг ВМФ. Трудное было время, особенно для четырнадцатилетнего подростка! Но, как и в душах сверстников, жила в Женькиной душе лютая ненависть к врагу. Хотелось мальчишке побыстрее пойти в бой — отомстить за поруганное войной детство, постоять за Отчизну. И чувствовал себя подросток мужчиной.

Пришло его время. Получив специальность связиста, Гулин был направлен в боевое подразделение. И не раз потом его обжигало дыхание войны.

— Обеспечивал наш пост связь кораблей с берегом, — вспоминает Евгений Андреевич. — Сложное это, ответственное дело. Велико было напряжение вахт... Случалось, брал в руки автомат. Приходилось отбивать атаки фашистов, пытавшихся захватить остров, прервать связь.

Гулин вдруг умолк. Выражение лица его стало еще более сосредоточенным.

— Помню, сменился с вахты и только было дверь открыл, как недалеко разорвалась бомба... За ней другая, третья... Схватив автоматы, выскочили из блиндажа. Израсходовав бомбы, фашистский самолет шел на нас бреющим полетом, поливая из пулемета. Пули цокали рядом. Но злость и решимость были настолько велики, что мы стреляли стоя, не прячась от пуль.

— Страшно было?

— Страшно? Нет. Не по себе стало потом, когда наступила тишина. Звенящая, тревожная... Потом уже был расчетливее, что ли. Не подставлял зря голову под пули. Война — это ведь не только кто кого перестреляет, но и кто кого передумает, перехитрит...

Фронтовая судьба Гулина обошлась с ним милостиво. За всю войну — ни одной царапины. Самоотверженность его и отвага отмечены многими боевыми наградами и благодарностями. Но, рассказывая о себе, он смущался: мол, ничего героического не совершил.

Что ж, может, это и так. Не все совершали чудеса героизма. Но все, каждый на своем участке, отдавали себя для победы.

Кончилась война. Не расстался Евгений Андреевич с флотом. Где только не служил! Под всеми ветрами ходил, разные должности занимал, но через всю жизнь пронес опыт, закалку огненных лет, верность фронтовому товариществу.

Нередко встречаются ветераны, наезжая друг к другу. Соберутся бывшие юнги, вроде и разговор о разном поведут, а вспомнит кто-нибудь о школе в Соловках — и умчит память туда, откуда многие ушли в вечность. А если у кого и слеза вдруг навернется — будто и не видели. Прожито немало, но и сделано — тоже. Особенно по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

Вот и Евгений Андреевич. У него масса разнообразных дел по службе, много неотложных повседневных обязанностей. Но он находит время и на общественную работу. Десятки бесед провел: сотни матросов услышали от него суровую правду о войне, о мужестве военных моряков. И это не удивительно. Гулин настойчиво передает молодежи свой опыт и закалку, ненависть к войне, делает это важное дело с присущей ему партийной страстностью.

Впрочем, собственная служба Гулина — тоже достойный пример для подражания. Многих наград удостоился он от командования за безупречное выполнение воинского долга.

— Вроде сделано немало, пора и на отдых... Но чувствую: прикипел к флоту, тяжело без него, — в порыве откровенности говорит Евгений Андреевич.

Понять Гулина не трудно. Разве может человек, отдавший почти всю жизнь морю, так вот просто расстаться с ним?!

Мы засиделись. На залив упали мягкие лучи вечернего солнца. Красноватые блики, отсвечивая от стекол, смягчили глубину морщинок на лице моего собеседника. Извинившись, Гулин засобирался:

— Через час — на службу. Дела... Нужно самому за всем доглядеть... Привычка такая.

Мы расстались. Я пытался отвлечься, но думалось о нем. О человеке, который прожил сложную, интересную жизнь военного моряка, кадрового флотского офицера. И оживал в воспоминаниях букет цветов, стоявший на столе у Евгения Андреевича. Его подарили зрители бывшему юнге Гулину перед началом фильма «Юнга Северного флота».

Сергей ШАХОВ

ТАКАЯ ЕМУ СУДЬБА ДАНА

Никогда не забудет бывший юнга Иван Зорин Парад Победы, в котором ему довелось участвовать 24 июня 1945 года. Он гордо чеканил шаг по Красной площади в колонне сводного батальона Северного флота. Когда Иван проходил мимо Мавзолея Владимира Ильича Ленина, то думал о своей судьбе, о том пути, который привел его сюда, на площадь, на парад. А путь этот был не из легких.

До войны Ваня Зорин учился в ремесленном училище в городе Пушкине под Ленинградом. В первые дни войны добровольно ушел в истребительный батальон. В четырнадцать лет защищал Пушкин, воевал под Пулковом. Был ранен. Перенес первую блокадную зиму. Весной сорок второго года семью Зориных эвакуировали на Волгу в город Куйбышев. Ваня стал работать фрезеровщиком на заводе, имел броню. Но, как большинство подростков, стремился попасть на фронт, вернее, снова вернуться под Ленинград и бить там фашистов. На это у него было особое право: под Ленинградом в самом начале войны погибли его отец Павел Сергеевич и старший брат Василий. Ваня обивал пороги райвоенкомата и райкома комсомола, просил послать его на фронт.

В мае сорок второго года приказом наркома Военно-Морского Флота СССР Кузнецова была создана школа юнг ВМФ. Мне довелось в ту пору быть комиссаром этой школы. Помню, сотни четырнадцати—шестнадцатилетних мальчишек добровольно по путевкам комсомола пришли к нам, чтобы получить специальность рулевого, боцмана, моториста, электрика, радиста... Из Куйбышева прибыл на Соловецкие острова Ваня Зорин.

В школе юнг Ваня учился прилежно, был дисциплинирован, исполнителен, пользовался авторитетом у подростков. Не случайно его назначили старшиной класса. За внимание к товарищам, за душевную теплоту, добродушие юнги звали его ласково «батя».

...Октябрь сорок третьего года. Ваня Зорин — дублер боцмана на тральщике Северного флота. Первый боевой поход. Неласково встретило море корабль — бушевал шторм. Но АМ-114 все-таки пришел в назначенный квадрат. Здесь действовали фашистские подводные лодки, охотились за нашими и союзными транспортами не в одиночку, а «волчьей стаей» — по три-четыре подлодки.

Уже третьи сутки наши корабли вели поиск. И вдруг...

— Подводная лодка противника! — доложил акустик командиру тральщика.

Корабль устремился туда, где была обнаружена подводная лодка. По боевой тревоге Зорин встал у носового орудия.

Сбросили глубинные бомбы, обстреляли противника из носового орудия. Через некоторое время на поверхности моря появились пятна солярки и другие предметы — это означало, что вражеская подлодка потоплена. По корабельному радио передали:

— Командир благодарит личный состав за умелые действия.

Эта благодарность относилась и к юнге Ване Зорину. А когда тральщик, выполнив задание, вернулся в свою базу, командующий Северным флотом наградил весь экипаж орденами и медалями. Иван Зорин был награжден медалью «За отвагу».

Вскоре юнга Зорин прислал письмо на Соловки юнгам второго набора:

«Никогда я не волновался так, как в день получения награды. На поздравление командующего ответил: „Служу Советскому Союзу!" Пожалуй, впервые до глубины души прочувствовал значение этих слов. Мы тогда поклялись все силы, а если потребуется, то и жизнь отдать служению Родине».

Эту клятву Иван Зорин сдержал.

В сорок четвертом году на Северном флоте была сформирована бригада торпедных катеров. Ивана Зорина назначили на ТК-218. Теперь уже не дублером, а боцманом.

Один из обычных дней... Боцман Зорин поднялся из кубрика на палубу. Багровое солнце щедро заливало светом скалистый берег, и вода от этого выглядела то рыжеватой, то свинцово-сизой. Зрелище было удивительное. Зорин прислонился спиной к рубке и стал наблюдать за плеском тихих волн, восхищаясь утренним морем. Задумавшись, даже не слышал, как подошел комендор Зимовец.

— Морем любуешься, боцман? А не пора ли катер к бою и походу готовить?

— Приказа не было.

— Будет.

Зимовец словно наворожил.

— Тревога! Боевая тревога! — прозвучал вскоре сигнал на кораблях отряда.

«Двести восемнадцатый» в считанные секунды был приведен в боевую готовность. В 10.30 торпедный катер старшего лейтенанта Чернявского покинул бухту. Зорин стоял на руле. Ветер колол лицо, забирался под полы штормовки. Но что боцману ветер.

— Увеличить ход! — приказал командир.

Катер задрожал, за кормой вспучился белый фонтан, ветер резче ударил по щекам.

Прямо по курсу показался мыс. А что за ним? Пока гладь морская. Нет, не только гладь — в серой дымке маячил силуэт какого-то судна.

— Вижу транспорт! — доложил Зорин командиру.

— Полный вперед! — приказал старший лейтенант Чернявский.

— Есть, полный вперед!

С этого момента все было подчинено неумолимым законам морского боя. Каждый делал только то, что положено по боевому расписанию, и делал так, чтобы не подвести товарищей.

Приблизившись, катерники открыли по вражескому судну артиллерийско-пулеметный огонь. Противник резко прибавил ход, намереваясь уйти под защиту береговых батарей, находившихся в районе Реней-Зунда. Однако сделать это гитлеровцам не удалось. По приказу командира ка́тера усилили огонь по судну — это был дрифтер-бот. Снаряды прошили корпус. Капитан заметно сбавил ход, а затем и совсем остановил свое судно.

Сноровисто развернувшись у кормы лежащего в дрейфе вражеского судна, «двести восемнадцатый» плотно приткнулся к его борту.

— Боцман, действуй, — приказал командир. — Есть возможность взять «морского языка».

— Есть! — громко ответил Зорин и тут же скомандовал: — Зимовец, Минин — за мной!

Уже через секунду моряки с автоматами в руках прыгнули на палубу дрифтер-бота.

Немцы были ошеломлены дерзкой смелостью советских катерников; понимая, что сопротивление бесполезно, подняли руки и стали вылезать из укрытий: кто из рубки, кто из кубриков, кто из машинного отсека...

Боцман Зорин приказал комендору Зимовцу заложить в трюм дрифтер-бота взрывпатроны. Потом все, в том числе и пленные гитлеровцы, спустились на катер. Зорин доложил:

— Порядок, товарищ командир!

Сняв команду с дрифтер-бота, «двести восемнадцатый» отошел, набирая скорость. Вся эта операция заняла десять — двенадцать минут. Наблюдатели береговой батареи сначала, видимо, не поняли, в чем дело, а когда оценили случившееся и открыли огонь по советскому катеру, то он был уже далеко от берега.

Вдруг Зорин увидел, что на палубе гибнущего дрифтер-бота мечется женщина. Бессильно оперевшись о шлюп-балку, она жестами просила о помощи. Боцман доложил о замеченном командиру.

— Для нас враг остается врагом, пока он держит в руках оружие. А с женщинами, стариками и детьми мы не воюем, — сказал Чернявский.

И, несмотря на риск, командир развернул катер на обратный курс. Маневрируя, уходя от вражеских снарядов, «двести восемнадцатый» приближался к дрифтер-боту. На судне уже горел мостик, пламя охватило надстройки... Вот-вот раздастся взрыв в трюме.

Боцман Зорин и командир Зимовец снова прыгнули на борт судна. Они подхватили женщину на руки и перенесли на катер. Радист (он же по боевому расписанию санитар) оказал немецкой женщине первую медицинскую помощь.

Выполнив боевое задание, захватив с собой «морского языка» — почти весь экипаж дрифтер-бота, — торпедный катер Чернявского благополучно вернулся в базу. Через некоторое время пленные гитлеровцы были доставлены в штаб флота, где сообщили очень важные сведения военного характера.

Командир «двести восемнадцатого» представил боцмана к награде. Иван Зорин был удостоен ордена Отечественной войны I степени.

Впоследствии торпедные катера принимали активное участие в освобождении Петсамо и Киркенеса. «Двести восемнадцатому» пришлось под ураганным огнем противника высаживать десант морской пехоты в порт Лиинахамари. И снова боцман проявил мужество: при высадке десанта он в ледяной воде поддерживал трап, по которому сходили пехотинцы на берег... За участие в этой операции Зорин был награжден орденом Красной Звезды. Так на его фланелевке появилась третья правительственная награда.

...Закончилась война, но демобилизовался Иван Зорин только в пятидесятом году. Сняв с кителя погоны (он был к тому времени уже главным старшиной), Иван Павлович не уехал из Мурманска, стал штурманом рыболовецкого флота. А по вечерам учился.

Прошли годы. Ныне Зорин работает на промысловых судах в Беломорской базе государственного лова. Он старший помощник капитана траулера, уважаемый человек на судне. Молодые рыбаки тянутся к нему, идут за советом, зная, что всегда найдут отклик в душе старпома.

Юрий КОЗЛОВ

ЮНГА С МАЛОЙ ЗЕМЛИ

Главстаршина Доценко выдал ему бескозырку (чудом держалась она у Ивана на ушах), бушлат, тельняшку, и кто-то из команды пошутил, что при такой тельняшке штаны ни к чему — все равно их не видно. Так Иван Соловьев стал юнгой и сигнальщиком тринадцатого мотобота (по-военному МБ-13) 83-й бригады морской пехоты 18-й десантной армии.

Шел март сорок третьего года...

— Вот, Ваня, — серьезно говорили матросы, — тебе тринадцать лет, и мотобот у тебя тринадцатый... Долго, значит, жить будешь, юнга!

Капитан-лейтенант запаса Иван Иванович Соловьев живет сейчас в Анадыре, на улице Рультытегина, в двухэтажном доме с узкой скрипучей лестницей. Анадырские улицы — пастбища ветра, а зимой над каждым подъездом горит мощный прожектор — в пургу можно заблудиться и между двух домов. Из окна Соловьев видит холодное Берингово море, сопки и корабли. Ночью корабли напоминают новогодние елки — столько на них огней.

Прошлым летом он ездил в Геленджик. Ходил по улицам, где ранней весной сорок третьего просил у матросов хлеб; спускался в бухту, на берегу которой ночевал тогда под днищем старой лодки; искал причал, откуда ушел на мотоботе МБ-13 в свой первый рейс на Малую землю. Потом он купил билет на белый катер и поплыл на нем в сторону бывшей Малой земли, и небо было над головой чистым, и чайки летали над катером, и было ему слегка не по себе, что сейчас солнечный день, а не ночь, что идет катер по фарватеру, а не прижимается к отвесному спасительному берегу, который, однако, сразу за Кабардинкой перейдет в пологий, и тогда не будет у катера защиты от береговой артиллерии, самолетов и торпед... А когда прогулка на катере закончилась, он спустился с причала и пошел вдоль берега, вспоми-

ная, что тогда, в сорок третьем, волны выносили на берег обломки деревянных перекрытий, спасательные круги, которыми редко кто успевал воспользоваться, и контуженных чаек. Он подбирал чаек и относил их подальше от воды, чтобы они быстрее пришли в себя; а потом шел на пристань и узнавал, что сегодня из двенадцати мотоботов, ушедших ночью на Малую землю, вернулись в Геленджик только два.

Год назад Иван Иванович Соловьев получил письмо из Краснодара от полковника в отставке Алексея Максимовича Абрамова, бывшего командира 83-й бригады морской пехоты: «Вас, помнится, считали погибшим, так как мало кто из членов экипажей мотоботов, ходивших на Малую землю, остался в живых. И вот неожиданно и совершенно случайно я узнаю, что вы живы... Расскажите мне о себе...»

«Да, я жив, — ответил Иван Соловьев своему командиру, — и, если честно, для меня это тоже неожиданность. Во время войны, когда однажды по нашей улице проходила краснофлотская часть, я убежал из дома и забрался в один из грузовиков. Меня хотели отправить обратно, но потом матросы передумали, и вместе с ними я попал весной сорок третьего года в Геленджик. Там сначала слонялся без дела, а затем познакомился с командиром МБ-13 главстаршиной Иваном Ефимовичем Доценко и попросился к нему в экипаж. Я сказал ему, что отец воюет, а у матери на руках кроме меня трое маленьких детей. Главстаршина спросил, умею ли я плавать и грести, и, когда я ответил, что вырос на реке, он согласился взять меня в экипаж...»

Когда я спросил Соловьева о его детстве, он ответил, что родился в тысяча девятьсот тридцатом году на хуторе Залужье Ленинградской области. Помнит деда, у которого было несколько книг Пушкина с дарственными надписями: «Поручику Соловьеву...» (Кто этот поручик? Может, далекий предок, а может, просто однофамилец?) Помнится кинофильм «Чапаев» (смотрел его семь раз), круглое мороженое (его привозили на хутор по воскресеньям), игра «в гражданскую войну» (никто не хотел быть «белым»), книга «Тимур и его команда»... Потом вереницы черных самолетов с крестами, подводы с беженцами около разбомбленного моста, картошка (ее доставали из воронки — в огород попала бомба), поездки с матерью за дровами в лес за пять километров (пила тяжелая-тяжелая), потом записка, которую оставил в пустом чугунке («Мам! Пошел бить немцев!»), дорога в Геленджик, бескозырка (в нее пришлось напихать бумаги, чтобы как-то держалась на голове), первый рейс на Малую землю...

Вернулся из первого рейса тринадцатилетний юнга седым...

В его обязанности входило стоять на носу мотобота и смотреть в воду, нет ли мин. Мин было много, но, даже до одури вглядываясь в черную воду, увидеть их было невозможно. Первое время в лунные ночи он принимал за мины тень от собственной бескозырки.

В его обязанности входило также прислушиваться к морю, потому что немецкие катера часто подкрадывались на самом малом ходу, неслышно, а потом включали прожектора, и шлепались на воду торпеды.

А когда светало и мотоботы входили в Цемесскую бухту, он сигналил флажками уцелевшим товарищам и принимал от них сигналы: какие повреждения на судах, кто погиб и не осталось ли сзади по курсу мин. Под утро при ясной погоде мотоботы обычно атаковала немецкая авиация. Матросы называли сплошную круговую атаку «юнкерсов» каруселью. Самолеты выбирали одну плавучую мишень, строились колесом и по очереди пикировали, расстреливая мотобот из пулеметов. Выходя из пике, они заходили для новой атаки, если первой было недостаточно и из машинного отделения мотобота не валил черный дым. Тот, кто хотя бы один раз пережил атаку самолетов, помнит об этом всю жизнь. «Карусель» — это получасовая атака, когда пули прошивают мотобот насквозь и спрятаться негде. Впервые попав в такую переделку, тринадцатилетний юнга носился по палубе и кричал «Мама!». Он хотел прыгнуть в воду и нырнуть под днище мотобота: ему казалось, что только там можно скрыться от пуль. Главстаршина Доценко, который стоял в рубке и пытался маневрировать не больно-то увертливым мотоботом, выбежал на палубу, схватил юнгу за шиворот, встряхнул и закричал: «Ты что меня на весь тюлькин флот позоришь? Я тебе дам «Мама!».

Когда остатки тюлькиного флота (так называли мотоботы из-за их невоенного происхождения) добрались до Малой земли и матросы по горло в холодной апрельской воде (причалов не было) разгружали ящики с боеприпасами, Доценко сказал:

— Ладно тебе... На войне все боятся. А кто не боится, тех в первый день убивают. Только можно бояться и делать свое дело, а можно всем свою трусость показать... Кто два раза подряд струсил, к тому на флоте больше доверия нет... А мы хоть тюлькин, но все равно флот.

При разгрузке Соловьев ронял ящики с патронами за борт, руки дрожали после «карусели», да и силенок было маловато. Но Доценко его не ругал. Сам нырял в холодную воду, доставал ящики и говорил недовольным десантникам: «Ничего, просохнут к вечеру...»

Их было несколько, двенадцати-тринадцатилетних юнг, уходящих ночами на мотоботах на Малую землю. Иван Соловьев, Виктор Чаленко, Владимир Довбненко, Руслан Пинчук. Иногда они встречались на пыльных улицах Геленджика, когда мотоботы залатывались в береговых мастерских и у юнг не было особых дел. К тому времени Соловьев считал себя настоящим матросом. Он сходил на Малую землю больше десяти раз, обзавелся трофейным парабеллумом в красивой кожаной кобуре и карабином.

— А я браунинг больше уважаю, — сказал ему Витя Чаленко. — Не такой тяжелый он, а бьет прицельней...

— Из твоего браунинга только с двух метров в корову стрелять, — возразил Соловьев.

Они заспорили, разошлись в разные стороны и не виделись несколько дней.

— Как жизнь? — спросил Соловьев у Чаленко при очередной встрече.

— Да так... Постреливаю... — ответил тот. — В десант не берут, говорят, плавай себе, сынок, на мотоботе. Скучища...

Вскоре Виктор Чаленко погиб. Вместе со своим главстаршиной Ворониным он похоронен в братской могиле на мысе Любви. Погиб и Владимир Довбненко.

— Нас любили, — вспоминает Иван Иванович Соловьев. — Давали лучшую еду, сахар. И каждый считал своим долгом поругать за то, что мы убежали на фронт. Потому что у многих остались дома такие же сыновья. А если юнга погибал, его хоронили всей бригадой. Матросы плакали... Нас всех знали по именам.

Я читал характеристику сорок третьего года на юнгу Ивана Соловьева, подписанную главстаршиной Доценко. «Строптив, всегда имеет собственное мнение» — написано в той характеристике. С марта по июнь сорок третьего года юнга Соловьев дважды побывал на гарнизонной гауптвахте. А в нóчи, когда МБ-13 уходил в рейсы, он убегал с гауптвахты (сделать это было не просто) и успевал как раз к отплытию. Доценко ворчал: дескать, самый бедовый юнга на всем тюлькином флоте попал к нему на мотобот, но в рейс все-таки брал. И снова Соловьев вглядывался в черную воду, а утром сигналил, что мотобот на ходу, только открылась в трюме течь и сейчас откачивают воду. Поэтому скорость, наверное, снизится, но до Малой земли они обязательно дотянут, и помощи им оказывать пока не надо.

А потом, когда уже не стало главстаршины (он погиб при освобождении Аккермана, ныне Белгорода-Днестровского), Соловьев понял, что оба раза отправлял его Доценко на гауптвахту, когда МБ-13 шел в колонне первым, а идущие впереди мотоботы, как правило, в базу не возвращались...

Ивану Ивановичу Соловьеву сорок девять лет. Он ветеран Малой земли, Краснознаменной Дунайской речной флотилии, югославской партизанской бригады имени Тони Томчичева. Он получает много писем с просьбой припомнить тот или иной эпизод фронтовой биографии. Пишут члены советов ветеранов, пишут работники музеев, писатели и журналисты, собирающие материалы о Великой Отечественной войне. И ни одно письмо бывший юнга не оставляет без ответа. Вот отрывок из письма-воспоминания Ивана Соловьева:

«17 апреля 1943 года мы только под утро миновали Кабардинку и двигались к Малой земле. Погода была отвратительная — шел дождь со снегом, видимость плохая, но для нас это было хорошо. Сзади шли два мотобота, а впереди маячил какой-то катер. Вдруг раздался взрыв, и мы увидели, как катер резко накренился. Когда мы подошли к нему вплотную, то обнаружили, что это бывший рыбачий сейнер (по-моему, у него не было названия, а был только номер, хотя, может быть, я и ошибаюсь: разглядывать времени не было). Мы вытащили из воды двух человек. Одного из поднятых нами людей я узнал — это был старшина 1-й статьи оружейный мастер Мисак Овакимян, но его все звали Миша, а про второго Доценко сказал, что это начальник политотдела нашей 18-й десантной армии полковник Леонид Ильич Брежнев. Если мне не изменяет память, он был в тужурке или в сером бушлате, а погоны у него были только на гимнастерке. Мы подходили

к берегу. Я помню, что пристань нам заменяла баржа. Было темновато, и немцы все время пускали в воздух осветительные ракеты, стреляли из пулеметов и орудий, но особенно здорово били минометы. Правда, там, где мы пристали, был крутой берег, и все рвалось наверху, до нас долетали только осколки. Подошли ребята из 83-й бригады, и мы стали разгружать наш мотобот. Стрельба над нами все усиливалась. Приносили раненых. Леонид Ильич уже переоделся в сухое, но было видно, что он чувствует себя плохо. Он подходил к раненым, что-то говорил. Матросы его знали, он и раньше приезжал на Малую землю. В тот же день, к вечеру, когда немного утихло, я опять увидел Л. И. Брежнева. По-моему, он еще встретил какого-то офицера из Днепропетровска, потому что они разговаривали об этом городе, и было понятно, что оба они его хорошо знают. Увидев меня, начальник политотдела спросил: «Как дела, моряк, воюешь?» Я с обидой ответил: «Не воюю, а вожу!» А кто-то из матросов добавил: «Не возишь, а ныряешь, тюлькин флот!» На это Л. И. Брежнев ответил, что мы тоже делаем нужное дело и что нам на море даже труднее, чем на суше».

«Здравствуй, мой дорогой и маленький юнга, здравствуй, мой старый фронтовой друг! Прости, что я называю тебя «маленький», я таким тебя помню, — пишет Мисак Овакимян через тридцать лет после окончания войны из Еревана в далекий и холодный Анадырь. — Как я рад, что ты жив и что мы наконец нашли друг друга».

Они не виделись с июня сорок третьего года. В июне Соловьев был первый раз контужен — бомба накрыла их мотобот во время разгрузки на Малой земле. Он долго лежал в госпитале сначала в Сочи, потом в Сухуми. Несколько месяцев к нему не возвращалась речь, и соседям по палате казалось, что он навсегда останется немым. После выздоровления Соловьев приехал в Геленджик. Сопровождал военный экипаж из Новороссийска в только что освобожденный Киев. В городе сбивали немецкие вывески — всюду валялись таблички с названиями улиц. На какой-то площади он увидел, как приготовилась фотографироваться группа военных в незнакомой форме. Моряков среди них не было. Знаками они подозвали к себе юнгу. Фотография пролежала у Ивана Соловьева почти тридцать лет. Совсем недавно узнал, что незнакомый военный, положивший ему руку на плечо, — Людвик Свобода.

С августа сорок четвертого Соловьев — юнга Дунайской речной флотилии. В день, когда флотилия вошла в Болгарию, 8 сентября, ему исполнилось четырнадцать лет. По Дунаю он плыл на катере, который после МБ-13 казался ему совершенно непотопляемым. Да и стреляли в Болгарии мало. За все время он только два раза доставал свой любимый карабин.

У Соловьева хранится письмо от Екатерины Илларионовны Михайловой (Деминой) — Катюши, о которой в свое время был снят фильм по сценарию С. С. Смирнова. Вот что в нем говорится:

«Ванечка! Как же так? Ты жив, а я ничего-ничего не знаю! Теперь я обязательно, обязательно приеду в Анадырь!»

— Мы запланировали специальную передачу, — рассказал мне сотрудник Анадырского телевидения Валерий Гажа, — встречу двух фронтовиков. Ну понятно, не виделись люди давно... Приготовились мы к слезам, ахам, охам. Времени нам дали сорок минут. Я все думал: не много ли? Нача-

ли... Обычно, когда время подходит к концу, начинаешь делать знаки — дескать, давайте закругляйтесь, товарищи... Все-таки прямая трансляция на всю Чукотку. А тут словно что-то с нами случилось. Смотрю на диктора — плачет... Смотрю на оператора — побледнел парень... Смотрю на часы — господи, полтора часа прошло! Понимаете, никто из сотрудников студии про время не вспомнил! Мне эта передача на всю жизнь врезалась в память...

Вместе с Иваном Соловьевым Катя Михайлова воевала в сорок четвертом году в триста шестьдесят девятом батальоне морской пехоты Дунайской речной флотилии. Было ей тогда шестнадцать лет, и судьба ее была во многом похожа на судьбу Соловьева. Расстались они в ноябре, уже после освобождения Белграда, когда десант советских воинов и югославских партизан оказался прижатым к осеннему, разлившемуся от дождей Дунаю. Соловьев вместе с югославами отбивал танковые атаки неподалеку от города Вуковар, а Катя Михайлова привязывала тяжело раненных солдат ремнями к веткам яблонь — вода стремительно поднималась, немцы наступали, надо было перевязывать и отстреливаться, перевязывать и отстреливаться...

Я был в Анадыре в середине осени. Снег еще не выпал, небо над морем голубое — а в такую погоду кажется, что видишь, как закругляется вдалеке земной шар, как розовеет море, словно оно поменялось с небом местами. Краски яркие и в то же время прозрачные. Соловьев сказал мне, что, когда он стоит около памятника погибшим ревкомовцам Чукотки (а памятник этот на обрыве — внизу море), ему кажется, что он вахтенный матрос большого океанского корабля. Лицо у Соловьева становится в такие минуты задумчивым, он словно не замечает холодного ветра с моря, людей, идущих мимо.

— В сорок пятом, — вспоминает Соловьев, — когда стало ясно, что война скоро закончится, мы все чаще и чаще начали разговаривать о будущем. Мы — это группа русских разведчиков в югославской партизанской бригаде имени Тони Томчичева. В Словении, в горах, около костра сидели трое русских с «шмайсерами», в английских френчах и башмаках на толстой подошве: я, Коля Сенев, Леша Белогоров — все трое бежали из плена, — и мечтали, кто кем будет. Коля собирался стать физиком — с помощью разбитых очков и простой воды из реки он все время показывал нам какие-то опыты; Леша хотел когда-нибудь описать все, что мы пережили, а я со всеми спорил, что через два года буду плавать на судах дальнего плавания... Не получилось. Коля и Леша погибли в последние дни войны, а я так и продолжал плавать по рекам...

— Когда закончилась война, мне было пятнадцать лет, — продолжал Соловьев. — Я считал себя морским волком, мне казалось, что я прошел огонь и воду — бери на любой океанский корабль капитаном! А оказалось, что мне еще учиться и учиться. Река — вот что я знал! По цвету воды определял глубину, по скорости ветра — силу течения...

В Лиинахамари — это на границе с Норвегией — он работал старшим водолазом в команде, которая поднимала затонувшие суда: миноносец времен первой мировой войны, английский транспорт с тушенкой, немецкую подводную лодку, шведскую яхту с пушниной...

— Вот так «изнутри» состоялось мое знакомство с морем. Корабль на

дне — жуткое зрелище... Приближаешься к нему — сердце бьется, а руки дрожат. Одни водоросли на мачтах чего стоят! А над головой воды метров сорок... Всякая чушь, помню, в голову лезла... Вроде как ребенок в темной комнате. И все равно я любил ходить под воду!

Он еще сказал, что чувство, которое испытывал, подходя к затонувшему кораблю, сродни чувству разведчика, входящего в незнакомый, занятый врагом город. В чете (роте) поручика Михаила Гольтника 13-й партизанской бригады имени Тони Томчичева его звали Иво Рус. Он удивительно быстро научился говорить по-словенски. Говорил почти без акцента. Его одевали в рваную крестьянскую одежду, и он шел вместе с югославским парнем Владо по горным дорогам в города «менять сало на барахло» — смотреть, как организована вражеская оборона.

— Была уже середина мая сорок пятого года, — вспоминает Соловьев. — В тот день я сидел в землянке вместе с девушками Аней Филоновой и Аней из города Шахты. Мы чистили автоматы. Вбежал серб — наш радист, кричит, что рацию починил, — оказывается, война неделю как кончилась! Мы побросали автоматы, начали обниматься...

В шестьдесят седьмом году в Советском комитете ветеранов войны югославский посол Видич вручил Ивану Соловьеву вторую югославскую награду — медаль «За освобождение» (первую награду — медаль «За храбрость» — Соловьев получил после освобождения Белграда, на одной из улиц которого он уничтожил экипаж немецкого танка, перерезавшего улицу пулеметным огнем). К медали «За освобождение» была приложена грамота, подписанная президентом Югославии Тито. Вот текст грамоты:

«Президент Социалистической Федеративной Республики Югославии Иосип Броз Тито по поводу двадцатилетия победы антифашистской коалиции, за участие в освободительной борьбе народов Югославии и достижение единой победы над фашизмом, за сближение и дружбу между народами вручает ратному другу Соловьеву Ивану Ивановичу памятную медаль в знак признания и уважения».

Жена Соловьева рассказала мне, что когда он работал в милиции следователем, то хорошие характеристики всегда подшивал сверху, чтобы их прочитали прежде, чем плохие, рассказала мне про ребят, которые, отбыв сроки наказания, приходили к Соловьеву посоветоваться, как жить дальше.

В окружкоме говорили, что юрист Иван Иванович Соловьев ведет большую общественную работу, ездит с лекциями по Чукотке, является членом президиума городской организации общества «Знание», членом совета ветеранов войны при окружном военном комиссариате.

А вот что сказал сам Соловьев:

— Мне сорок девять лет, считаюсь ветераном... Летом в Анадыре белые ночи. Я хожу в бухту, смотрю на корабли. А когда мимо моих окон проходят матросы, все кажется, что мне двенадцать лет и так хочется уйти вместе с ними... Почему мне нравится жить в Анадыре? Потому что из своего окна я каждый день вижу море... Мечтаю вернуться на корабль.

...Орден Красной Звезды, к которому Иван Соловьев был представлен в сорок третьем в тринадцать лет, он получил после окончания Великой Отечественной войны...

Виталий **ВОЛЖАНИН**

КЛЯТВА

Несмотря на лето, дни стояли прохладные и сырые. Вдоль Амура и на Хингане прошли проливные дожди. И большие и малые реки вышли из берегов. Воды Тихого океана пока оставались тихими. Кое-где у Курильской гряды поднималась волна, шаловливо играя с прибрежными камешками, опрокидывая рыбачьи баркасы...

Корабли вышли в море тринадцатого числа. Число, прямо скажем, не на всех флотах почитаемое. Мои флотские друзья в приметы не верили. Фрегат ЭК-2 и тральщик ТЩ-278, на борту которых находился отдельный батальон морской пехоты, вот уже двенадцатый час были в море. Солнце с трудом пробивалось сквозь мглистую дымку, погружая косые лучи в воды Японского моря. На рассвете 14 августа кораблям приказано войти в Сейсинскую бухту, где уже должны были находиться наши торпедные катера с бойцами пулеметной роты.

Володя Моисеенко вспомнил, что на катерах этих служили его однокашники, юнги из пятой роты мотористов. «Будет время, — подумал он, — обязательно заскочу к ребятам».

От воды потягивало холодом, утреннее солнце не грело. Десантники сгрудились у вентиляционного раструба, оттуда поднимался теплый воздух. Морские пехотинцы вполголоса переговаривались, протирали автоматы, неторопливо набивали патронами диски. Каждый был занят своим делом. Облокотившись на поручни трапа, задумчиво смотрел на приближавшийся корейский берег Володя Моисеенко, корабельный электрик с тральщика «Проводник», воспитанник Соловецкой школы юнг. Прислонившись спиной к ящикам со снарядами, просматривал газету Андрей Степанович Лубенко, неутомимый фоторепортер тихоокеанской «Боевой вахты». Сводки с фронтов были довольно утешительные. На хингано-мукденском направлении японские армии были рассечены мощными ударами войск 1-го Дальневосточного фронта. Благоприятно складывавшаяся обстановка позволила

Военному совету Тихоокеанского флота принять решение о высадке морских десантов в порты Юки, Расин и Сейсин, а также на Сахалин и Курильские острова.

Нельзя было не приметить среди морских пехотинцев и молоденькую санитарку Машу Цуканову. Она не участвовала в разговоре десантников, но внимательно ловила каждое их слово. А говорилось многое — обо всем, что накипело на душе у советских людей против самураев за их военные авантюры.

К Маше подошел Володя. Не зная, как начать с девушкой разговор, Моисеенко перевел взгляд на ее автомат ППШ.

— Может, почистить, сестричка?

— Галантный кавалер. Похвально. Но я держу свое оружие в полном порядке.

— Сердишься? А я — от души.

— Я — вижу. Глаза твои — зеркало души. Сколько лет-то тебе?

— Девятнадцатый...

— Сказывай сказки. Юнга еще.

— Был, а теперь матрос.

А сам подумал про Машу: «Тебе самой не так уж много лет, а разговариваешь, как нянька из детдома, будто сама прожила сто лет. Эх ты, матрос в юбке». Последних слов он не сказал, только подумал так. Разговор не склеился.

— Паренек, подсоби, — обратился к Володе солдат с орденом Славы на выцветшей гимнастерке. Моисеенко помог десантнику проверить гильзозвенья пулеметной ленты. Под навесом, жадно затягиваясь махорочным дымом, стояли моряки и солдаты. Под ногами дрожала палуба, звенели ванты от встречного ветра — ЭК-2 шел с предельной скоростью.

Пожилой пехотинец прервал молчание:

— Много прошел фронтовых путей-дорог, расписался на самом рейхстаге, теперь наступил черед самураев колошматить... Какова нам тут служба уготована?..

Никто не ответил бывалому солдату, не поддержал его разговор. Могли ли в те минуты думать о своей судьбе Володя Моисеенко и Маша Цуканова? Конечно. Тревожная мысль могла невольно промелькнуть в голове, но не могла стать навязчивой. Крепла непреклонность воинов, уверенность в своих силах.

Пять часов утра. Черным шлейфом полз дым над портовыми постройками Сейсина. С мостика поступила команда: «Бойцам морской пехоты приготовиться к высадке на берег!» Командир ЭК-2 капитан-лейтенант Миронов решил ошвартовать корабль прямо у военной пристани. Батальон майора Барабольско с ходу вступил в бой. Комбат имел приказ: овладеть Сейсином и удержать его до подхода главных сил десанта. К шести часам вечера морские пехотинцы очистили город от самураев. Командование Квантунской армии не могло смириться с потерей важного морского порта в Северной Корее, города, имеющего оперативное значение. Японцы бросили на помощь своим разбитым частям два батальона: стрелковый и курсантский. Положение правого фланга батальона десантников майора Барабольско становилось угрожающим: самураям удалось отсечь и окружить два наших

взвода. Город пылал, в сплошном дыму трудно было разобрать, откуда и кто стреляет. В эти критические минуты на помощь морским пехотинцам был послан отряд моряков под командованием флагарта Георгия Терновского. Морякам предстояло не только выручить десантников, но и установить на вершине сопки корректировочный пост. Была сколочена группа, старшим которой назначили Комаровского, огонь корректировали Моисеенко и Бодня. Миновав узкие портовые улочки, отряд без единого выстрела добрался до сопки. Владимир Моисеенко помогал радисту тащить рацию. Достигнув первого перевала, услышали перестрелку. Пулеметы врага тарахтели беспрерывно. Выстрелы гремели со всех сторон. Видимо, самураи решили туго-натуго затянуть петлю, в которую попали наши десантники. Капитан 3 ранга Терновский, присев на валун, написал в блокноте текст сообщения на флагманский корабль.

— Передайте, — приказал он радисту.

В радиограмме говорилось:

«Иду навстречу своим частям. Как только соединюсь, начну корректировать огонь. Произведите заранее расчеты, ориентируйтесь на сопку. Там скрыта японская батарея».

Георгий Терновский собрал «военный совет». К нему подползли капитан Лубенко, старший группы корректировщиков Комаровский, рядом оказались краснофлотцы Моисеенко и Бодня.

— Продвигаться дальше нам мешают дзоты. Что будем делать?

— Разрешите, я подорву их... — попросил Володя.

Действительно, каждый шаг к высоте давался с кровью.

Вскоре два вражеских дзота захлебывались от жарких пулеметных очередей.

— Добро, — сказал командир отряда. Ему нравился этот смышленый, бойкий и легкий на подъем парнишка. И еще у него была одна замечательная черта — исполнительность.

Взяв противотанковые гранаты, Володя пополз сквозь колючий и цепкий кустарник к дзотам. Но пополз не напрямик, а в обход, с правой стороны перевала. И надо же тому случиться — наткнулся на замаскированную землянку, в которой затаились японцы. Володя метнул гранату. И, пока там бушевал огонь, успел переменить позицию и забросать гранатами оба дзота. Оставшиеся в живых самураи повели частый пулеметный огонь, но краснофлотцы уже заняли дзоты и соединились с десантниками.

— Привет, сестричка! — успел крикнуть Володя и поспешил за корректировщиками, выбиравшими удобное место для поста.

Маша Цуканова, не обращая внимания на грохот боя, переносила раненых в укрытие и там оказывала им первую медицинскую помощь. Самурайская пуля не пощадила девушку — плетью повисла левая рука. Слабея от потери крови, Маша продолжала перевязывать воинов. Кто-то из них сказал:

— Сестричка, ты же ранена! Отходи назад, в тыл...

— Я еще жива, а живые всегда двигаются вперед. Туда надо, — сказала санитарка и взглядом указала на вершину сопки, куда устремились корректировщики.

«Туда надо...» Если бы слышал эти слова Володя Моисеенко... Но мысли

его были заняты другим. Корабельные артиллеристы ждали от них сигнала. И вот в воздух взлетела ракета. Георгий Терновский взглянул на ручные часы — 12.09. Донесся первый залп, снаряды упали кучно. По звуку можно было определить — стреляли с фрегата ЭК-2. Огонь продолжался в течение десяти минут.

Терновский разделил отряд на две группы. Одна из них будет демонстрировать ложную атаку, а вторая в это время, обойдя сопку с тыла, должна ворваться на нее.

— Если сумеем закрепиться и удержать высоту до утра, — сказал командир, — новые отряды десантников легко выбьют самураев.

Прошло несколько секунд, и наши воины, поднявшись, бросились в атаку. То там то здесь в кустах начались рукопашные схватки. Мелькали мечи самураев, в ход пошли приклады автоматов, винтовки и обыкновенные ножи. В этом бою был ранен Терновский, в командование отрядом вступил капитан Лубенко. В самый разгар боя, когда были захвачены две пушки противника, на высоте оставалась горстка моряков. Многие тяжело ранены. У десантников были на исходе боеприпасы. Озверелые самураи, охваченные бессильной злобой за потерю сопки, хлебнув для храбрости рисовой водки, лезли напролом, не считаясь с потерями. Но наши воины стояли насмерть. Не дрогнул никто. Священным для всех был приказ: держаться до утра. В минуту затишья Володя Моисеенко написал клятву. Это были последние его слова перед атакой японцев. Бывший юнга клялся:

«Я, краснофлотец-комсомолец, взорвал два блиндажа, убил из винтовки 3 японца, подорвал склад с боеприпасами, уничтожил пулеметную точку. Сейчас нахожусь на вершине сопки. Клянусь: умру, но не сдам японским самураям этой высоты. Буду до последней капли крови стоять.

К сему подписываюсь, Моисеенко Владимир Григорьевич.

Писал и отстреливался. 15. 8. 45 г.»

И Моисеенко сдержал клятву. Высота осталась в наших руках. В 3.30 15 августа в Сейсин прибыли корабли с главными силами десанта. Операция, продолжавшаяся четыре дня, успешно завершилась. Самураи лишились самого крупного порта, связывающего Северную Корею с Японией. Путь отступления Квантунской армии к морю был отрезан.

Сейсин был свободен. Навстречу нашим солдатам и матросам выходили из домов женщины, старики, дети... Они приветливо махали руками, бросали цветы, радостно кричали: «Хорош, русски, хорош, русски!», «Мансе!» («Ура!»). Володя Моисеенко всего этого не видел. Он еле-еле добрался до своего корабля, упал, словно мертвый, на койку, и проспал несколько часов. Его искали. Посчитали убитым. Корреспондент газеты «Красный флот» поспешил сообщить: «... немногие уцелевшие японцы начали отступать. Преследуя их, Моисеенко в одной из рукопашных схваток пал смертью храбрых. Родина не забудет имени своего славного сына — тихоокеанца Моисеенко».

Родина не забыла. Все участники десантной операции были отмечены высокими правительственными наградами, а бывшему юнге, краснофлотцу-комсомольцу Владимиру Моисеенко, особенно отличившемуся в боях, было присвоено звание Героя Советского Союза.

— Давай-ка я тебя сфотографирую, Володя, — сказал капитан Лубенко, — ты ведь у нас герой. Пошлешь снимок домой.

Посылать фотокарточку было некому.

Семья Моисеенко жила в Ленинграде. Отец Володи погиб на фронте, мать умерла в блокаду. По Дороге жизни мальчишку вывезли на Большую землю. Сначала попал в детдом, потом семью ему заменил флот.

Получив Золотую Звезду Героя, юноша не кичился славой, держался спокойно и скромно. Был отличником боевой и политической подготовки. В сорок девятом году его избрали делегатом XI съезда ВЛКСМ. Володя первый раз в жизни приехал в Москву — в составе делегации комсомольцев Тихоокеанского флота. А через год подошел срок окончания службы. Старшина 1-й статьи Моисеенко вернулся в родной Ленинград, стал трудиться на знаменитом Балтийском заводе. Работал хорошо, но часто тосковал о море. Хотел уйти на каком-нибудь корабле в далекое плавание. Но чувствовал, что время упущено. Да и здоровье стало не то, часто хворал. Запахи моря, шум штормовой волны, монотонный гул корабельных турбин и агрегатов, как и бой на далеком полуострове, где он проливал кровь, остались с ним навсегда, он унес все это с собой, в своем сердце.

Нина ТРОХОВА

ГЕРОЯМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

Это случилось в дни Великой Отечественной войны. В мае сорок четвертого года. Отряд торпедных катеров Северного флота вышел на перехват вражеского конвоя. В бою катер, на котором был мотористом юнга Саша Ковалев, получил несколько пробоин. Был пробит коллектор мотора. Из отверстия сильной струей била горячая вода. Юнга-комсомолец закрыл пробоину своим телом. И катер смог вернуться в базу. Посмертно Саша Ковалев награжден орденом Отечественной войны I степени.

Многим читателям история юного моряка Саши Ковалева хорошо известна. Но вот вопрос: совершал ли кто-либо еще такой подвиг, как Саша Ковалев? Сегодня, например, все знают, что подвиг Александра Матросова повторили многие советские воины.

Не будем интриговать читателя, а сразу скажем: да, подвиг Саши Ковалева, как и Матросова, повторили. И сделал это сверстник Саши — юнга Иван Дудоров. Они учились в одной и той же роте, но в разных сменах и не знали друг друга. Служить им пришлось на разных флотах: Ковалеву на Северном, Дудорову — на Балтике. И корабли у них были разные: у Саши — торпедный катер, у Ивана — «морской охотник». Но в общем-то, катера.

...Он добрался до своего катера, где предстояло теперь служить, ближе к вечеру. В воздухе появился «юнкерс». Корабли и береговая зенитная батарея открыли огонь.

Иван Дудоров присел на причальный кнехт и стал наблюдать за трассирующими снарядами. Они чертили серебристыми пунктирами небо, но до самолета не долетали. Обидно.

— Ты чего без каски? Марш к пулемету! — услышал юнга.

Кто-то сзади схватил его за руку и подтолкнул на катер по шаткому трапу. Юнга опешил, растерялся, не зная, к какому пулемету приткнуться. Там были люди. Они делали свое дело. И в эту минуту он только бы помешал им.

— Чего стоишь как вкопанный? Струсил?..

И вдруг говоривший моряк присмотрелся к юнге, малость смутился, развел руками.

— Обознался. Ты кто такой будешь?

Дудоров протянул документы.

— Новичок, стало быть? Юнга...

— Юнга Дудоров прибыл для прохождения дальнейшей службы! — бойко доложил парнишка.

Моряку это понравилось.

— Будем знакомы, юнга Дудоров. Главный старшина Лапин, — представился моряк-катерник. — Я так полагаю: быть тебе моим подчиненным. Пошли к командиру.

Стемнело. Самолет улетел. Моряки надели на пулеметы застиранные, в масляных пятнах чехлы.

Юнга Дудоров начал службу на МО-413, который в ноябре сорок третьего имел на своем счету тысячи пройденных миль. При защите коммуникаций на Балтике уничтожил три самолета противника. Принимал участие в проводке конвоев, минных постановках, десантных операциях, почти каждую неделю нес дозорную службу на фарватерах. Действия экипажа «морского охотника» получили высокую оценку командования соединения.

В мае сорок четвертого года, после небольшого ремонта, МО-413 находился в дозоре в районе острова Лавансари.

«Наконец-то настоящее дело», — подумал юнга Дудоров, впервые отправляясь на боевое задание. Морской дозор всегда считался делом ответственным. Гляди в оба и за небом, и за морем. «Смотрите не подкачайте...» — мысленно повторил Ваня слова командира катера старшего лейтенанта Федина. И делал все, чтобы не подвести товарищей. За время ремонта ему часто приходилось обращаться к ребятам из верхней команды и к радистам, акустикам — когда живешь в одном коллективе, люди приглядываются к тебе и ты к ним (как говорится, прирастают душой друг к другу), — и моряки во всем помогали ему, шли навстречу. Ведь юнга еще мальчишка. Не откажешь. Особым уважением Ваня проникся к старшине группы мотористов Лапину. Главстаршина частенько беседовал с ним: и по специальности, и на вольные темы. Всегда подтянутый, опрятный, Лапин производил отличное впечатление. Юноша был просто влюблен в него. Да и главстаршина относился к Ване Дудорову с должным вниманием. В общем, жизнь на корабле для юнги складывалась нормально.

Шли вторые сутки, как «морской охотник» заступил в дозор. Около двух часов ночи сигнальщик обнаружил прямо по курсу вражеские корабли. На запрос они не ответили, а после вторичного запроса дали ложные опознавательные. На МО-413 мгновенно прозвучал сигнал боевой тревоги. Командир приказал открыть огонь, фашисты также начали стрельбу. На помощь «четыреста тринадцатому» поспешили другие катера. Искусно маневрируя, наши «охотники» действовали дерзко и решительно. Иван Дудоров не мог

видеть самого боя, он находился в машинном отсеке. Но он чувствовал этот бой. Катер ходил переменными галсами, то и дело звенела, дергалась ручка машинного телеграфа. Моторы работали безукоризненно, гудя на одной и той же высокой ноте. Вдруг катер сильно качнуло, он накренился... Это у самого борта разорвался снаряд. Большой осколок прошил борт, задел всасывающий патрубок главного двигателя. Он оказался пробитым. Струйка бензина полилась на разогретый мотор. Вспыхнуло зловещее пламя, угрожая взрывом. Судьба катера и экипажа находилась теперь в руках мотористов, секунды решали все. Задыхаясь от едкого дыма, в поединок с огнем вступили матрос Ковалев и юнга Дудоров. Схватив асбестовые маты, они накрыли ими горящий бензин. Однако неумолимые языки пламени выползали по краям матов, обжигали руки... Что-то надо было делать. И тогда, пренебрегая ожогами, мотористы телами своими плотно прижали маты к машине. Лишенный притока воздуха, огонь спал, а затем и вовсе погас. В это же время аварийная группа под командованием боцмана заканчивала заделку пробоины. И катер остался в строю, продолжая преследовать противника.

Флотская газета писала в ту пору: «Удача в боевом крещении укрепила уверенность Дудорова в своих силах и знаниях. В решающих боях по разгрому фашистских войск под Ленинградом, по освобождению Таллина Дудоров действовал так же, как действовали бывалые воины — его сослуживцы. Доблесть матроса была отмечена орденом Красной Звезды».

...Бывшие юнги, друзья Ивана Дудорова, долго не знали о его подвиге. Да и сам он никому ничего не рассказывал. Стеснялся? Конечно. Он никоим образом не хотел, чтобы имя его отождествлялось с именем Саши Ковалева. Потому что Саша для всех юнг — в том числе и для Ивана Дудорова — герой, отдавший свою жизнь во имя Победы. Имя его, ставшее символом мужества, начертано на борту теплохода, совершающего рейсы во многие страны мира.

Мы спросили у Ивана Васильевича Дудорова:

— Как вы сами относитесь к своему подвигу?

— Очень просто, — ответил он спокойно. — Я выполнял свой долг. На моем месте так поступил бы любой наш юнга.

Говорить спокойно, рассудительно, как бы обдумывая каждое слово, — привычка, выработанная годами. Иван Васильевич скуп на слово, сдержан. Работает он инженером в НИИ.

Рассказ будет неполным, если я не назову имена других юнг флота, друзей Ивана Васильевича Дудорова.

Фронтовые пути-дороги бывших юнг не ограничились Севером и Балтикой. Юнги сражались всюду. С боями прошел свой матросский путь Иван Ящук, юнга-боцман знаменитого монитора «Железняков». Теперь этот корабль стал памятником. Стоит он на постаменте на Рыбальском острове в городе-герое Киеве.

Журналисты хорошо знают, что бывшие фронтовики всегда начинают свой рассказ фразой:

— Ты помнишь?..

И сколько за ней, за этой простой фразой, близких сердцу воспоминаний...

Бывший юнга Узбек Идрисов — улыбчивый, веселый уфимец, земляк

Ивана Ящука. Узбек начал службу юнгой-мотористом в бригаде торпедных катеров Балтийского флота. Кронштадтская газета «Огневой щит» 31 декабря 1945 года опубликовала о нем и его друзьях-катерниках стихи:

...За ними — двое из семьи
«Морских кавалеристов»,
Вел каждый грозный бой,
Отважен и неистов...
На быстрых катерах
Для славы и победы
Несли они врагам на страх
Могучие торпеды!..

Узбек Идрисов награжден орденом Отечественной войны I степени и двумя орденами Красной Звезды, боевыми медалями.

О юнгах-уфимцах, комсомольцах сороковых годов, можно рассказывать бесконечно. Многие из них вписали в летопись славных дел комсомола Башкирии яркие страницы.

Вот еще одна судьба. Бывший юнга Глеб Фролов начал службу на Балтийском флоте. Боцман торпедного катера Фролов участвовал в разгроме вражеского конвоя из двадцати семи боевых кораблей и транспортных судов в Финском заливе. В этом бою ТК-16 потопил новейший фашистский миноносец. За мужество и отвагу юнга Глеб Фролов был награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и многими медалями. Теперь же у него самая мирная профессия — Глеб Фролов инженер-строитель. А Георгий Бриллиантов, отважный юнга-радист, — мастер-фотограф. Он с гордостью носит медаль Ушакова.

На груди у Геннадия Коновалова рядом с боевыми наградами орден Октябрьской Революции. Уфимец юнга Коновалов служил на Тихоокеанском флоте. За его плечами не только война, не только послевоенная морская служба, но и работа на дальних нефтяных промыслах Сибири, и учеба: десятилетка, техникум, институт. Геннадий Коновалов — признанный мастер своего дела. Он выезжал в Чехословакию — делился с чешскими коллегами накопленным опытом, помогал освоить новую для них отрасль — добычу нефти и производство нефтепродуктов. В составе группы советских специалистов принимал участие в строительстве нефтеперерабатывающего завода на Кубе.

Несколько иначе сложилась судьба юнги-североморца Константина Юданова. До конца срочной службы он нес вахту на знаменитом эсминце «Гремящий». Но бывший юнга не ушел от флота и моря, еще больше сроднился с ним. Корабли, которые он ремонтирует, имеют притягательную силу и зовут к воспоминаниям о романтической юности. Для Константина Юданова стала таким воспоминанием песня. Да-да, песня! Суровая и нежная, широкая, как море, она набегает на вас, словно штормовая волна, и вы ощущаете ее силу:

Пусть волны и стонут, и плачут,
И бьются о борт корабля,
Но радостно встретит героев Рыбачий,
Родимая наша земля.

Двадцать пять лет Константин Юданов активно участвует в художественной самодеятельности Дворца культуры судостроителей. Он пропагандирует песни о моряках и море, о суровых годах войны. И песня по-прежнему роднит его с флотом.

Сколько лет прошло с военной поры! Куда только не бросала фронтовая судьба бывших юнг флота! Этапы пройденного ими пути можно опознать по яркой расцветке лент на орденских колодках. Ордена, медали... Они, медали, — скромные свидетели фронтового прошлого. Чеканка на бронзе: «За оборону Ленинграда», «За оборону Советского Заполярья», «За оборону Кавказа», «За освобождение Белграда», «За взятие Вены», «За взятие Кёнигсберга», «За взятие Берлина»... Действительно, этапы большого пути!

Валерий ШАМШУРИН

МОРСКОЕ БРАТСТВО

Как Женька Ушаков попал на Соловки? Это целая история, и в сравнении с ней приключения Гекльберри Финна — ничто. В декабре тридцать девятого года двенадцатилетний Женька ступил на палубу старенького буксира-ледокола, чтобы добраться до острова и навестить поселившуюся там ненадолго мачеху. А мачеха тем временем, тоже на буксире, отплыла с Соловков, чтобы проведать Женьку, жившего у родственников в деревне Карповской на побережье. Суда разминулись, и... В общем, это были последние рейсы, так как море замерзало. Женька остался один.

Кутаясь в ветхое пальтишко, ошеломленный этим ударом судьбы, Женька первые часы простоял на берегу, глядя, как белая муть обволакивает небо и воду, закрывая горизонт. Что делать? Спасибо, добрые люди приютили, поселили у себя, устроили в семилетку.

Остров приворожил мальчика, и он уже ни за что не хотел покидать эти места. Тем более что ему удалось устроиться учеником машиниста на пароходе «Ударник»...

Началась война. Где-то воевал Женькин отец, вестей от него не было. Женька считал себя полноправным хозяином своей судьбы и, конечно же, очень самостоятельным человеком. Вот почему он пришел к капитану парохода и сказал: «Отпустите меня на фронт». Капитан засмеялся и ответил так: «Захотелось из-под пушек пугать лягушек!» Обидно ответил. Женька тогда чуть не расплакался, но все же сдержал себя: мужчина все-таки. И начал думать о побеге.

Но тут, к Женькиной радости, на Соловках открыли школу юнг. Одинокого мальчика приняли туда без лишних разговоров. Женька попал в роту мотористов, стал изучать двигатели.

В школе Женька познакомился с горьковчанами Серегой Барабановым, Лешкой Юсиповым и Виталькой Гузановым. Пареньки были что надо. Свои. Это Женька сразу почувствовал. И не ошибся: ребята старались, учились

на одни пятерки, на трудные работы шли первыми. Это все потому, что очень уж хотели попасть на фронт.

Мотористы — народ серьезный, малоразговорчивый. Работа у них такая — с двигателем не поговоришь. Здесь больше надо слушать, чтобы до тонкостей знать, как работает машина, почему у нее вдруг появляются перебои, когда она может подвести.

И когда у юнг заходил разговор о преимуществах той или иной боевой специальности, Женька обычно отмалчивался: болтайте каждый свое, а я от избранного не отступлю, ведь корабль без двигателя — что человек без сердца.

Женька школу покидал без грусти: поучился — и довольно. Прощайте, Соловки, теперь в бой! Легко это было говорить тогда: в бой. Думалось: стрельба, грохот, дым, а твой корабль без единой пробоины, целым и невредимым подходит к фашистскому конвою и выводит из строя суда противника одно за другим. Ладно: пусть получает ранение командир, контужены все матросы, тогда Женька стремительно выскакивает из машинного отделения и сам становится у торпедного аппарата. Движение рукой — и торпеда, как дельфин, прыгает в волны и несется прямо к центру корпуса вражеского многотонника. Удар! Взрыв!.. И фашистский транспорт раскалывается пополам, только обломки летят в разные стороны...

Ах, если бы так было! Но все совсем иначе. Постоянно прогреваешь мотор перед выходом в море; часами толчешься в тесных проходах от двигателя к двигателю, когда торпедный катер рассекает бесконечную водную гладь в безрезультатных поисках противника; замираешь и напряженно прислушиваешься к стрельбе наверху по налетевшим невесть откуда «фокке-вульфам».

Как и всякий настоящий моряк, Женька любил свой корабль. Свой ТК-216, свой «двести шестнадцатый». Порой на пирсе Женька встречался с Серегой Барабановым, похваливал свой катер. Ну а Серега тоже не оставался в долгу. Оба они участвовали к боях, считали себя морскими волками, даже одно время покуривать стали для солидности.

Еще больше Женька сдружился с Серегой Барабановым 19 августа 1944 года, после боя с вражеским конвоем у мыса Кибергнесс. Тогда торпедные катера потопили одиннадцать кораблей фашистов, а наши потеряли только один катер.

Трудный был бой. Недаром он вошел потом в историю Северного флота. Ревели орудия вражеских береговых батарей, густой сетью пулеметных трасс покрыли небольшое пространство, на котором развернулись атакующие торпедные катера, фашистские сторожевики и миноносцы. Густые туманы дымовых завес заволакивали Баренцево море.

Запах горючего, масла, едкого бензина, нестерпимый чад гнали мотористов наверх, на палубу. Женька задыхался. Но разве мог он покинуть моторный отсек, если катер шел в атаку? В сплошном грохоте почти не было слышно двигателей, но Женька знал: все пока нормально. Катер постоянно менял скорость, маневрировал, скакал по волнам. Словно это не катер, а цирковой конь. Дыму в машинном отделении было столько, что вытяни Женька руку — не увидел бы своих пальцев.

...Раздался сильный взрыв. Катер подбросило на волне. Что это? Конец?

Нет, двигатели работали нормально. Женька на минутку выбежал на палубу. В серых волнах рядом с катером, круто накренившись и показывая обросшее ракушками и водорослями днище, медленно уходил в воду фашистский корабль. «Сторожевик», — определил Женька и сразу же бросился обратно, в свой машинный ад. «Так вам, гады, так вам, — бормотал возбужденно Женька. — Будут вам и еще гостинцы!»

После боя он снова вышел на палубу. Глотнул соленого воздуха, огляделся. Сизые клочья тающей дымзавесы плавали над катером, вокруг носа и рубки. Женька вытер пот с лица и облегченно вздохнул...

Шло время. Никто уже не называл Евгения юнгой. Да и кто бы посмел его так называть, если у него на груди сияли орден Красной Звезды, медаль Ушакова (причем не просто медаль, а за № 197, то есть одна из самых первых, врученных морякам в годы войны), медали Нахимова и «За оборону Советского Заполярья». Сколько тогда было лет Евгению? Семнадцать? Почти семнадцать.

Рядом с боевыми наградами скромно выглядел комсомольский значок. Его Евгений получил еще в школе юнг. Но он ему был так же дорог, как и любая из наград. Значок постоянно напоминал о товарищах, которые принимали Евгения в комсомол, о Сергее Баранове, о Леше Юсипове — обо всех, кто вместе с ним после школы уходил в море. Правда, Алексей Юсипов еще некоторое время оставался в школе юнг (его, как лучшего ученика, назначили командиром смены юнг-мотористов второго набора), и только спустя год он пришел на корабль Северного флота.

В марте сорок седьмого года Евгений Ушаков попал в госпиталь: отравился парами бензина и газом. Сказалась-таки война, не выдержал организм. Из госпиталя Евгений вышел, опираясь на клюку; говорил заикаясь. Стеснялся сам себя, замкнулся. Еще бы: почти мальчишка — а уже инвалид. Евгений хотел навсегда забыть о войне, ненавистной войне. И томительно ждал, когда можно будет опять выйти в море.

Потом куда только не заносила его капризная судьба! Плавал на торговых судах, был в Швеции и Дании, в Бразилии и на Кубе. В конце концов попал он опять в руки врачей, и те предписали самое обидное, самое горькое для бывалого моряка: забыть о море, о морской службе.

Тоска носила Ушакова из конца в конец страны, пока он не понял: жить нельзя в одиночку. И случайно попавшийся на глаза старый комсомольский значок, который лежал в коробке вместе с наградами, заставил вспомнить о школе юнг, о товарищах боевой юности. Не долго думая, он отправился в Горький, чтобы разыскать друзей и поселиться рядом с ними.

И вот они встретились!.. Бывает так: сойдутся старые друзья, поговорят и расстанутся, так как у каждого свое — своя семья, свой круг интересов, привычки, которые не хочется менять в угоду юношеским привязанностям, наконец, жизнь, не любящая постороннего взгляда и внимания. Обкрадывают себя такие люди, отодвигая в сторону прошлое, а вместе с тем и оставляя друзей.

Нет, в Горьком все было иначе. Вспоминали мужчины, каждому из которых перевалило уже за сорок, былое, толковали о настоящем.

Тридцать пять лет назад... Пусть это время останется только в памяти, только там, в глубине взволнованной души. И пусть оно никогда не повто-

рится. «Никогда!» — это сказал Евгений Евдокимович Ушаков. Только одно слово. Но каждый из его друзей понял все, о чем он думал.

...Море было тихим, без волны. Оно было белым, как и небо, а солнце светило, как сквозь матовое стекло. Евгений Евдокимович решил отправиться с друзьями-горьковчанами на Соловки. Было это несколько лет тому назад. «Здесь я родился, — медленно проговорил Ушаков. — Здесь все мы родились, все юнги...» Здесь они встретились снова. Хотелось бы, чтобы было больше таких встреч, чтобы никогда не умирало это великое братство, рожденное на Соловецких островах. Никогда!

Владимир МАТВЕЕВ

...С «МОСКОВСКОГО КОМСОМОЛЬЦА»

Далеко не все сотрудники института Челябинскгражданпроект знают, что скромный, ничем не выделяющийся Юрий Владимирович Татарников, работающий главным специалистом-геологом в отделе изысканий, — активный участник Великой Отечественной войны. Вроде бы и вида не геройского, и по возрасту не совсем подходит — год рождения двадцать седьмой. Но когда в праздник Татарников надевает выходной пиджак с боевыми наградами, сразу становится видно: прошел человек по войне путь немалый.

А из праздников Юрию Владимировичу особенно дорог тот, что отмечается в конце июля, — День Военно-Морского Флота СССР. Дорог потому, что судьба Татарникова тесно связана с морем и флотом, а среди его наград есть такая, которую встретишь не часто, — медаль Ушакова.

Пятнадцатилетним парнишкой надел Юрий матросскую форму. Надел с трудом, как принято говорить в подобных случаях: брюки и фланелевку для него подобрать не удалось, пришлось их перешивать «в индивидуальном порядке». И не потому, что был он гвардейцем богатырского сложения. Как раз наоборот — маленький, щупленький: рост сто сорок девять сантиметров, обувь тридцать пятого размера...

Летом тяжелого сорок второго года Юра Татарников стал воспитанником только что созданной школы юнг Военно-Морского Флота, а переход к ней на Соловецкие острова из Архангельска оказался для паренька из Свердловской области первым с глазу на глаз знакомством с морем.

Военный путь Юра, рвавшийся, как и все его сверстники, в тяжелую для Родины пору на фронт, выбрал не случайно. В родном Ирбите остались мать и отец, вернувшийся с передовой после ранения. Старший Татарников, желая внести посильный вклад в разгром ненавистного врага, служил теперь в эвакуированном на Урал из Смоленска артиллерийском училище. А разве мог остаться в стороне его сын? Разве мог он не думать об отмщении врагу за страдания Родины и нашего народа, за раны отца?

Сложной была жизнь на Соловках, непросто давалась учеба в школе юнг. Но велика была любовь ребят к Отчизне, жажда стать моряками, огромно было стремление сражаться с фашизмом. Через год школа осталась позади, и воспитанник роты рулевых Юрий Татарников был направлен на Онежскую военную флотилию. Вместе с ним распределили еще нескольких юнг. Рулевой Боря Максимишин и боцман Вова Бартов попали на один с Юрием корабль — канонерскую лодку «Московский комсомолец». Название ее ребята считали весьма символичным: они хотя и не москвичи, но комсомольцы!

Парни поспешили узнать подробности о корабле, его историю. И выяснили, что построен он еще в тысяча девятьсот шестнадцатом году как штабное судно, а после революции стал учебным: с тридцать четвертого года стоял на Москве-реке у Ленинских гор, и на нем обучались столичные осоавиахимовцы-допризывники. Корабль даже побывал в «киноартистах»! Мальчишки хорошо помнили знаменитую кинокомедию «Волга-Волга». Там есть такие кадры: когда участники смотра самодеятельности прибывают на пассажирском теплоходе в Москву, их встречают песней о Волге. В числе встречающих и корабль, на борту которого стоят военные моряки, а их оркестр исполняет мелодию песни о Волге...

Когда началась война, с «Московского комсомольца» сняли лишние надстройки, поставили на него новые двигатели, две 85-миллиметровые пушки, крупнокалиберные пулеметы и другое оснащение военного корабля. По рекам канонерскую лодку перевели в Онежское озеро. И вот теперь вчерашним юнгам предстояло получить на ней боевое крещение...

На корабле (на борту которого, кстати, размещался штаб флотилии) к юному пополнению отнеслись с большим вниманием и заботой: мальчишки ведь, а, поди ты, тоже туда — в огонь, в пекло! Большинство матросов годилось юнгам в отцы; заботились о них и старшины, и офицеры.

«Московскому комсомольцу» редко доводилось отстаиваться. Находясь у руля рядом с командиром корабля капитан-лейтенантом Звягиным, Юра Татарников видел многое: и поддержку артиллерийским огнем действий наших торпедных и минных катеров (последние были оснащены «катюшами»), и обеспечение высадки десантов, и бои с вражеской авиацией... В общем, дел хватало. Кроме того, приходилось почти постоянно нести на озере ночной дозор.

Казалось бы, Онежское озеро — исконно свое, но берега здесь были далеко не приспособленными для стоянки кораблей, более того — неблагоприятными: днем каждое судно становилось легко уязвимой мишенью для вражеской авиации. Боевые действия велись в основном ночью, а ранним утром (тем паче что летом на Севере ночи светлые) корабли заходили в канал в южной части озера, маскировались под берегом в зелени деревьев. Работа вроде и не ахти какая сложная, но основательно выматывала силы моряков, изрядно устававших за ночь.

Часто на корабль, еще не успевший замаскироваться, налетали фашистские самолеты, и тогда бой шел уже в открытую, весь день личный состав неотлучно находился на боевых постах, даже обедал и ужинал там. Иногда, ведя борьбу с самолетами, выходили в озеро: там было легче маневрировать и удавалось избежать потерь.

Юрию помнится: повадились немцы совершать налеты в 12.00 — в пору флотского обеда. Командование флотилии договорилось с нашими авиаторами, и те точно в это время высылали истребители, которые вступали в воздушные схватки с самолетами противника.

Но особенно запомнился Юрию боевой эпизод, когда «Московский комсомолец», взяв на буксир несколько торпедных и минных катеров, доставил их к занятому врагом берегу. Катера обработали плацдарм фашистов мощным огнем «катюш» и еще до утра успели возвратиться к стоянке. Фашисты понесли большие потери, и спустя некоторое время наша разведка доложила, что немцы вынуждены были оставить занимаемый ими плацдарм...

На руле «Московского комсомольца» Юрию доводилось стоять не так уж часто: по боевому расписанию этот пост, как известно, занимает старшина рулевых. Паренек завидовал ему, а командир БЧ-2 (артиллерийской боевой части) старший лейтенант Румянцев, понимая, что юнга хочет активно применить свои знания и способности, решил взять его к себе. Так Юрий стал совмещающим на носовой пушке, затем вторым номером на крупнокалиберном спаренном американском «кольт-браунинге», а потом — помощником управляющего огнем, или табличным (получив от дальномерщиков и управляющего данные, он, пользуясь таблицами, делал соответствующие вычисления и выдавал результаты на орудия для ведения прицельного огня).

Первое время парню было непривычно у орудия, при выстрелах он закрывал глаза и потому терял нить совместителя, нарушая темп огня. Но опытные комендоры научили его не бояться пальбы, держать глаза широко открытыми.

Вышла у Татарникова такая в некотором роде смешная история. Во время боя каждый находящийся на палубе должен быть в каске. Юрию каска оказалась велика: едва начинало стрелять орудие, она опускалась на глаза, и приходилось постоянно поправлять ее. Однажды во время боя командир корабля увидел это, отчитал Румянцева за то, что каска у Татарникова не по размеру, и приказал механикам переделать пружинный подвес каски. Так у Юрия в придачу к «индивидуальной» одежде появились «индивидуальная» каска, а затем и «индивидуальные» ботинки — прежние были велики и вечно гулко хлопали при ходьбе.

«Мал, да удал» — гласит народная мудрость. И Юрий был именно таким: оправдывал возлагавшиеся на него надежды, хорошо справлялся со многими обязанностями, в том числе с несением сигнальной вахты, с прокладкой курса, ведением метеорологических наблюдений (школа юнг выпускала грамотных специалистов, знания у которых были глубже и шире, нежели у обычных кадровых матросов). Однажды Татарников даже взялся за непосильную для него, «малогабаритного», работу — стал грузить на корабль по авралу перед выходом для высадки десанта ящики со снарядами — по четыре 85-миллиметровых в каждом. Но за такое сверхусердие и сам получил нагоняй от командира корабля, и боцману за недогляд тоже досталось...

Много ярких эпизодов на памяти Юрия Владимировича. Но, пожалуй, особенно запомнилось именно начало службы на боевом корабле.

А ведь был он не только на Севере. После освобождения берегов Онежского озера надобность в военных кораблях в этом районе отпала, и флотилия была расформирована; «Московский комсомолец» перевели на Каспийскую флотилию. А до того Татарников участвовал в десантных и других боевых действиях, в освобождении Петрозаводска...

Он и в дальнейшем проявил боевой задор, настойчивость в достижении цели и настоящее мужество. Не из легких была служба на Каспии — каждый знакомый с этим морем знает, сколь часты и свирепы здесь штормы. Не раз в них попадал и «Московский комсомолец». С его борта смывало кранцы первых выстрелов, на нем срывало со стопоров якорь и кормовую пушку, случались безвыходные, казалось бы, положения... Легко ли было юному рулевому, самостоятельно несущему ходовую вахту? Но все же это была относительно мирная служба, а на западе шли ожесточенные бои с обреченным, загнанным, но тем сильнее огрызающимся фашистским зверем. И Юрий добился перевода на Дунайскую флотилию — моряк всегда остается моряком! Назначен он был рулевым-сигнальщиком на тральщик КТЩ-700. И снова бои — за Будапешт, по освобождению Чехословакии, Венская операция... Тральщики бригады занимались очисткой фарватера от мин, проводкой кораблей по Дунаю к районам боевых действий, высадкой десантов... Почти без отдыха, денно и нощно, то и дело рискуя подорваться на весьма хитро расставленных противником минах, трудились те, кого принято называть пахарями моря. Фашисты поставили восемнадцатиимпульсные магнитно-акустические мины, поэтому каждый участок Дуная приходилось обрабатывать не менее восемнадцати раз! Напряжение было велико, ибо не хватало и тральщиков, и средств траления. Наши дунайцы экспериментировали, выдумывали, дерзали. И рисковали, конечно...

Вена была освобождена 13 апреля 1945 года — как раз в пору паводка на Дунае. Бурные воды скрыли множество затонувших кораблей и других препятствий. Гидрографическое ограждение реки было снято или разрушено немцами, лоцманские карты отсутствовали, и катера ходили, в сущности, вслепую. В разгар боев на Дунае зачастую приходилось лавировать между трупами, которые река несла к своему низовью...

Дважды Татарников оказывался за бортом катера — и это были не просто холодные ванны, а смертельная опасность, из которой он чудом оба раза выходил живым...

Закончилась война, но и после нашей Великой Победы тральщики оставались в боевом строю, продолжая траление и обеспечивая безопасность плавания судов пароходств придунайских стран и Советского Дунайского пароходства. Юрий, знавший, как уже говорилось, штурманское дело, к этому времени стал командиром КТЩ-699. Назначение по-настоящему обеспокоило и даже напугало его: ведь по возрасту он был самым молодым не только на тральщике, а и во всей бригаде. Но добрые слова, сказанные командиром отряда, его помощь придали юноше уверенность в своих силах, сделали из него волевого и грамотного руководителя военного коллектива, пусть и совсем небольшого.

И вот тут-то произошла незабываемая встреча с капитан-лейтенантом Кравченко, бывшим командиром роты школы юнг, который теперь, как выяснилось, командовал бронекатером на Дунае. Встретились недавние

северяне за Братиславой, на Мораве. Радости не было предела. Но... и субординацию соблюдать нужно! Татарников представился:

— Командир КТЩ-699...

— Не один ли вы из тех пацанов, которыми я командовал на Соловках? — поинтересовался Кравченко.

— Так точно, товарищ капитан-лейтенант!

И пошел разговор о службе, об участии в боях, об общих знакомых. А когда прощались, Кравченко сказал окружившим их морякам:

— Вот, полюбуйтесь на этого хлопца. Два года тому назад он, как и другие юнги, мальчишкой был, моим учеником. А сегодня — командир катерного тральщика. Одним словом, нынче я командир, и он командир. Ну что ж, еще раз от души поздравляю вас, юнга. И желаю всего самого, самого хорошего, товарищ командир! Так держать!

На этом можно и закончить рассказ о боевом пути паренька с Урала, юнги с Соловецких островов Юры Татарникова. Конечно, этот рассказ очень краткий и далеко не полный. Но тот, кому доведется услышать самого Юрия Владимировича, узнает намного больше, познакомится с массой подробностей.

Особо много выступать, встречаться с молодежью пришлось ветерану Великой Отечественной войны в канун шестидесятилетия ВЛКСМ.

— Моим боевым крещением, моей флотской купелью была служба на «Московском комсомольце», — часто говорит Юрий Владимирович. — И я горжусь, что мне, юнге, довелось служить на этом корабле. Горжусь, что не уронил высокого звания комсомольца.

Александр ЮЖНЫЙ

САМЫЙ ЮНЫЙ КУНИКОВЕЦ

Много было в те дни трогательных встреч и волнующих воспоминаний, улыбок и слез, цветов и приветствий. Сюда, в Новороссийск, отметить тридцатилетие со дня его освобождения от немецко-фашистских захватчиков, съехались сотни малоземельцев и участников боев за город.

Гости побывали на местах боев, осмотрели возрожденный город, возложили венки к памятникам павшим. В прошлом малоземелец, а ныне лауреат Государственной премии СССР, народный художник СССР Владимир Цигаль пригласил фронтовых друзей на выставку своих работ. Здесь экспонировались небольшие этюды, рисунки, зарисовки, наброски, карандашные портреты, сделанные во время боев на огненной Малой земле, где вершили свой ратный подвиг воины-черноморцы, где на каждого из них приходилось тысяча двести пятьдесят килограммов смертоносного металла.

Бывшие фронтовики ходили по выставке. В нехитрых, очень быстро сделанных, подчас под ураганным огнем, карандашных рисунках и акварелях узнавали себя и своих товарищей — павших и живых, а также места, где стояли они насмерть. Вспоминали дни боев и фронтового быта.

В числе других посетителей выставки были Герой Советского Союза Александр Васильевич Райкунов, прибывший из Волгограда, и его фронтовой друг — новороссиец, горный инженер Виктор Иванович Савченко. Они долго ходили по залу, всматривались в опаленные дымом сражений и пожелтевшие от времени листы бумаги с портретами боевых друзей, в жанровые сценки.

— Вот таким я и запомнил тебя во время нашей первой встречи, — сказал Райкунов Виктору Ивановичу, остановившись у «Портрета неизвестного юнги», которым, как выяснилось, и был Савченко. — Помнишь, как ты появился у нас на Толстом мысу?

...Отгремели последние выстрелы в кварталах Новороссийска. Вскоре от гитлеровцев был освобожден Таманский полуостров. Наши войска вышли на побережье Керченского пролива.

Воины 393-го отдельного Новороссийского Краснознаменного батальона морской пехоты, называвшие себя куниковцами в память о своем первом прославленном командире Герое Советского Союза Цезаре Куникове, с нетерпением ждали часа, когда поступит приказ пересечь тридцатикилометровый пролив и ступить на израненную землю Крыма, находившуюся пока в руках врага.

Время шло, а приказа не было. В преддесантный период, как и обычно, шла боевая учеба, не прекращавшаяся ни днем ни ночью. Морские пехотинцы и армейские десантники тренировались в посадке на катера, в разное время суток высаживались в незнакомых местах, отрабатывали организацию боя и взаимодействие, учились блокировать и штурмовать доты и дзоты, изучали основные виды отечественного и трофейного оружия.

В период напряженной боевой учебы и появился в батальоне четырнадцатилетний Витя Савченко. Прежде чем добраться до Геленджика, мальчик прошел многие километры через Кабардинский перевал, а еще до этого у себя в станице задержал вооруженного дезертира. Не много времени понадобилось мальчугану, чтобы завоевать симпатии солдат. Веселый и общительный, к тому же отличный танцор, лихо отплясывающий «яблочко», он сразу же стал всеобщим любимцем. Но никто не мог решиться оставить Витю в батальоне. Тогда он разыскал командира роты старшего лейтенанта Александра Райкунова и комбата капитан-лейтенанта Василия Ботылева. Оба офицера уже слышали о «заслугах» Виктора, поэтому спросили только об одном: как ему удалось удрать из дома? Витя заверял и клялся, что мать и брат отпустили его по доброй воле. Никто в это, конечно, не поверил, но все же решили временно оставить мальчугана в батальоне, а при первой возможности отправить домой с провожатым. Командиру взвода лейтенанту Щербакову было приказано зачислить Виктора Савченко на все виды довольствия. Так он стал юнгой батальона куниковцев, которые с любовью и нежностью называли его Витек.

Пока мальчуган обживался во взводе, поступил долгожданный приказ. Было это 15 октября 1943 года. Ушла на задание первая группа десантников с целью обеспечить высадку на Крымский полуостров передовых десантных частей.

Вот что рассказал об этом Герой Советского Союза Н. В. Старшинов в своей книге воспоминаний «Зарево над волнами»:

«В последних числах августа 1943 года меня вызвали к начальнику политотдела Новороссийской военно-морской базы капитану 1 ранга Бакаеву.

Как водится, доложил о прибытии.

— Собственно, вызывал не я, — сказал Бакаев и обратился к находившемуся в кабинете полковнику в армейской форме: — Это и есть тот самый капитан Старшинов, о котором шла речь.

— А, первый комиссар Малой земли, — шагнул мне навстречу полковник. — Давайте знакомиться. Моя фамилия Брежнев.

Он предложил мне сесть.

— Вам, очевидно, известно, что в Новороссийском десанте будут участвовать и наши армейские части. Так вот, есть просьба выделить двадцать — двадцать пять хороших ребят. Пусть они побеседуют с пехотинцами, обучат их, как надо вести себя при высадке, как вести бой в новых для них условиях. Надеюсь, такие люди у вас есть?

— Еще бы! — ответил за меня Бакаев. — В этом батальоне, Леонид Ильич, плохого человека найти трудно.

— И не найдете, — вставил я.

— Вот видите, — заметил полковник Брежнев. — Я так и знал. Поэтому и приехал за помощью.

Будучи начальником политотдела 18-й десантной армии, он сейчас прилагал все усилия к тому, чтобы как можно лучше осуществить подготовку, в которой, как известно, всегда заложено начало будущего успеха.

После этой беседы в политотделе мы выделили для обучения армейцев самых отважных, проявивших себя в схватках с врагом бойцов».

Для обеспечения десантных частей, высадившихся в поселке Эльтиген, спустя две недели после первой группы отправились еще два взвода. Они доставили тем, кто находился в самом пекле боя, продовольствие и боеприпасы.

Витек завидовал уходившим в десант, но помалкивал. Знал, что не время заводить об этом разговор, — возьмут и отправят к матери. Поэтому старательно изучал оружие, тренировался в стрельбе и метании гранаты, в полной выкладке по-пластунски ползал по мокрой земле. Во время тактических занятий обнаруживал смекалку, своевременно появляясь там, где нужна была его помощь. Командир взвода всегда хорошо отзывался о Викторе и ставил его в пример некоторым «старичкам».

К этому времени на Керченском полуострове уже образовался мощный плацдарм для сосредоточения и последующего наступления в глубь Крыма. Фашисты прилагали все силы к тому, чтобы любой ценой сбросить с клочка крымской земли Приморскую армию. Они превратили Керчь в самую настоящую крепость. Каждая улица — система инженерных сооружений, каждый дом — опорный пункт. По всей линии обороны прорыты глубокие траншеи и ходы сообщений, сооружены многочисленные доты и дзоты. Повсюду хитроумные проволочные заграждения, ловко замаскированные минные поля.

В один из январских дней сорок четвертого года личный состав батальона был поднят по тревоге, посажен на корабли и переброшен в Новороссийск. Отсюда моряки попали на косу Чушка, узкая полоска которой

уходила в море на несколько километров. Моряки окрестили ее «дорогой тысячи смертей».

Почти бесшумно началась погрузка на катера, сейнеры и мотоботы. Последние минуты прощания. Торопливые рукопожатия, дружеские похлопывания по плечу, короткие мужские поцелуи.

Катера ошвартовались. На носу катера, на котором шел Виктор, свесив за борт ноги, уселся его товарищ — Виталий, остряк и запевала. Перебирая струны гитары, он тихонько напевал:

Море за кормою яростно ревет,
Катера с десантом держат курс вперед.
Ночью над Мысхако шел девятый вал —
Куников с отрядом берег штурмовал.

Так же тихо, вполголоса, моряки дружно подхватывают бодрые слова припева:

Вперед! Смелее, хлопцы!
За мною, черноморцы!
В атаку краснофлотцев
Герой-майор ведет.
Орлы-новороссийцы,
Народ вами гордится,
И слава боевая
Десанта не умрет.

Песня напоминала о незабываемом, звала на подвиг, наполняла сердца мужеством и отвагой. В эти минуты многие вспоминали отзывчивого, мужественного и очень храброго майора Цезаря Куникова, его боевого заместителя Николая Старшинова, которого начальник политотдела 18-й десантной армии Леонид Ильич Брежнев назвал первым комиссаром Малой земли. Вспоминались штормовая февральская ночь высадки на Мысхако, бои за Станичку, схватки с фашистскими извергами на улицах Новороссийска. Все это, как на экране, проходило перед мысленным взором людей, не знающих страха, беспощадных к врагу и снова идущих на смертный бой.

Пристань Опасная. Моряки сходят на землю родного Крыма. Кто-то шутит:

— Удивительное совпадение! Местечко действительно опасное. Только теперь оно стало опасным для врага.

Перед батальоном морских пехотинцев была поставлена задача высадиться в Керченский порт и непосредственно в город. Вместе с куниковцами в этой операции принимали участие и другие подразделения.

До десанта оставались считанные часы. Матросы готовились к предстоящему бою — приводили в порядок личное оружие и боевое снаряжение. Общей нормой груза десантника считалось тридцать килограммов. Моряки, что покрепче, брали боезапас больше установленной нормы. Таков был неписаный закон десантников.

И вот от пристани Опасной отошли корабли Азовской флотилии в составе шестнадцати тендеров, четырех бронекатеров, трех торпедных катеров, трех тральщиков и одного «морского охотника».

Забравшись в машинное отделение тендера, приводил в порядок свое снаряжение Витек. В который уже раз осматривал он автомат, проверял диски, ощупывал гранаты...

Наблюдатели противника не замечали перегруженные и глубоко сидящие в воде плавсредства с десантом. С берега, занятого противником, скользили лучи прожекторных установок, но рассеивались где-то далеко над темным морем.

Когда корабли прибыли в район тактического развертывания, начался мощный артиллерийский обстрел береговой обороны противника. Сотни снарядов пролетали над головами десантников, неся смерть врагу.

Витек прильнул к иллюминатору, наблюдая за яркими вспышками пламени.

— Наши обстреливают фашистов, — сказал он мотористу.

За несколько минут до окончания артподготовки корабли двинулись к берегу — в районы, предусмотренные планом высадки подразделений морской пехоты.

После ошеломляющего удара по береговой черте артиллеристы перенесли огонь в глубину вражеской обороны. Это послужило сигналом для десантников.

Плавсредства все ближе и ближе подходили к берегу. Когда до него оставалось метров триста—четыреста, десант заметили. Ударила фашистская береговая артиллерия, минометы. В паузах между разрывами снарядов слышалась торопливая дробь крупнокалиберных пулеметов. Вот вспыхнул один из наших катеров. Огромный факел осветил прибрежные воды, вырвал из мрака силуэты других кораблей, делая их хорошо видимыми мишенями. Бойцы с горящего судна прыгали за борт и вплавь добирались до отмели, высоко держа над собой автоматы и ручные пулеметы.

Перегруженные свыше всяких норм плавсредства не могли особенно близко подойти к отмели. Но это не смутило бывалых воинов.

— Десантники, за борт! — услышал Виктор короткую команду и выбежал на палубу.

Увидев, что многие десантники с борта прыгают в воду, юнга решил последовать их примеру. В первую минуту вода словно огнем обожгла тело, перехватило дыхание, а тяжелый груз прижал к песчаному дну. Быстро работая руками и ногами, Витек оттолкнулся от дна и очутился на поверхности. Тут он понял, что место неглубокое — вода едва доходила ему до плеч, — и стал упрямо продвигаться к берегу.

В полночь батальон достиг береговой черты и вступил в бой с вражескими подразделениями. Сломив сопротивление врага, атакующие десантники устремились вперед. Над Керченским портом разнесся традиционный флотский клич: «Полундра!»

Пока взвод лейтенанта Щербакова вел бой в районе консервного завода, морские пехотинцы под командованием младшего лейтенанта Владимира Сморжевского выбили гитлеровцев из здания школы и водрузили над ним Военно-морской флаг Советского Союза. Подразделения, очищавшие от врага соседние кварталы, увидели флаг и еще настойчивее стали громить врага, освобождая дом за домом, улицу за улицей.

Сражавшиеся рядом с щербаковцами бойцы одной из стрелковых рот

наткнулись на немецкое орудие, простреливавшее улицу. Обойти его пехотинцы не могли. Заметив замешательство у соседей, старшина 1-й статьи Никитюк пополз к опасному месту.

— Дело это, братцы, мне хорошо знакомо, — кивнул он головой в сторону орудия. — В лучшем виде сниму пушечку.

Словно ящерица, заскользил он на животе между камнями и обломками рухнувших стен. Со стороны завода изредка доносились одиночные выстрелы. Пуля попала Никитюку в ногу. Ползти стало труднее. От боли застилало туманом глаза. Но старшина, собрав всю свою волю, подполз поближе к орудию и стал метать одну за другой противотанковые гранаты. Бросил четыре, поднял пятую. Тут бронебойная пуля угодила прямо в него. Над местом, где лежал Никитюк, прогремел взрыв.

Витек вместе с другими кинулся к умолкнувшему орудию. Здесь перед бойцами открылась страшная картина. Искореженный металл, трупы немецких артиллеристов, разбросанные взрывом снарядные ящики. Только самого Никитюка обнаружить не удалось. Позже нашли всю в крови флотскую шапку. На подкладке сохранилась надпись: «Никитюк».

Витек вернулся к десантникам, готовившимся брать штурмом здание, из которого строчил фашистский пулемет. Откуда-то справа неожиданно раздались пулеметные выстрелы (это повел огонь наш пулеметчик); вражеское оружие захлебнулось.

— Полундра! За мной! — поднявшись во весь рост, прокричал командир.

Моряки устремились вперед. Вместе со всеми бежал и Витек. Короткими очередями он вел огонь из автомата. У самой стены разорвалась граната. Осколки обожгли щеку, ударили в голову. Юнга упал.

Очнулся Витя в медсанбате, что расположился в подвале здания, отбитого у фашистов. Ощупав обвязанную бинтами голову, юнга попробовал встать. Круги поплыли перед глазами. Снова сделал попытку подняться. Кажется, ничего. Прошелся — немного покачивает. Затем — прошло. Прилег, рассматривая лежавших вокруг раненых, отыскивая знакомых. Многие просили пить.

— Ну где же я достану вам воду, родненькие вы мои? — с горечью объясняла санинструктор Галина Воронина. — Колодец-то на той стороне улицы, а фрицы оттуда еще не выбиты.

Витек медленно встал, собрал фляжки, а затем, несмотря на протесты, отправился к колодцу.

Улица простреливалась фашистами. Приходилось приседать, ползти, делать короткие перебежки. Наконец Витек добрался до колодца, наполнил фляжки водой и вернулся назад.

Как же радовались раненые — и за юнгу, и за воду! Благодарные десантники не находили слов, чтобы выразить признательность юному герою: обнимали его, целовали, пожимали руки, называли родным сыном.

После Керченского десанта батальон участвовал в освобождении Севастополя, а Виктор Савченко в это время скитался по госпиталям, из которых неоднократно убегал и в которые его вновь возвращали.

Когда Крым полностью был очищен от гитлеровцев и война ушла далеко, в водах Черного моря еще рыскали вражеские подводные лодки и

другие корабли, базировавшиеся в портах Румынии и Болгарии, занятых фашистами. Поэтому приходилось под неослабным контролем держать крымский берег, и куниковцы несли охрану побережья.

Витек вернулся в батальон незадолго до того августовского дня, когда морских пехотинцев подняли по тревоге на корабли. Боясь, что его не примут в родном батальоне, юнга на мелкие кусочки разорвал медицинское заключение, в котором говорилось, что ему необходим длительный отдых. Пришел он и с первой наградой — медалью «За отвагу».

Когда батальон вышел в море, матросы пытались угадать маршрут следования. Одни считали, что их высадят на побережье, занятом врагом. Другие, торопя события, видели себя в рядах войск, штурмующих Берлин. В общем, догадкам не было конца.

Корабли прибыли в Одессу. Оттуда взяли курс на Констанцу — крупный румынский порт, незадолго до этого освобожденный советскими войсками. Это и был конечный пункт следования, в котором к тому времени уже сосредоточилось большое количество наших торпедных катеров, «морских охотников» и других быстроходных плавсредств. На них подразделения морской пехоты должны были ворваться в порты Варна и Бургас, взять на абордаж стоящие там немецкие корабли и развивать операцию по захвату портовых сооружений. Чтобы не привлекать внимания, штабу батальона было рекомендовано разместиться не на флагманском корабле, а на тральщике «Взрыв», который шел в кильватерном строю третьим. На нем расположились также разведывательный и саперный взводы, связисты и санитарная служба.

И вдруг случилось неожиданное. Когда до места назначения оставалось четырнадцать-пятнадцать миль, два сильнейших удара сотрясли тральщик. Раздался взрыв, на палубы и корабельные надстройки метнулись языки пламени. С охваченного огнем тральщика прыгали в воду люди. Несколько минут спустя после взрыва изуродованный корабль ушел под воду.

Витек находился на другом корабле, но это трагическое событие навсегда осталось в его памяти. По сей день у бывшего юнги хранится справка, в которой говорится: «Дана воспитаннику Виктору Ивановичу Савченко в том, что его свидетельство о рождении погибло при торпедировании подводной лодкой тральщика «Взрыв».

В первых числах сентября из состава батальона были выделены два штурмовых отряда для высадки в Варне и Бургасе. Морским пехотинцам предстояло захватить и удерживать эти болгарские порты до подхода частей Советской Армии, наступавших вдоль побережья.

Витек находился в бургасской группе, которую возглавлял Герой Советского Союза капитан-лейтенант Райкунов.

Огромные летающие лодки, в каждой из которых разместилось по двадцать пять — тридцать десантников, поднялись в воздух. Шли они в сопровождении истребителей. Витек, примостившись у самой пушки, рядом со стрелком, расспрашивал его, как вести огонь.

То было время, когда наши войска стремительно продвигались на запад и устойчивой связи со штабами не было. Поэтому никто не знал, есть ли в Бургасе немцы. Предстояло самим все проверить. Часть самолетов направилась прямо к порту, а другая — в обход, к видневшимся за городом озерам.

Избрав для посадки широкое озеро, самолет, в котором находился наш юный герой, сделав несколько кругов, пошел на снижение. Казалось странным, что ни одна вражеская зенитка не открыла огня. Что бы это значило? Может, ловушка?

Когда гидросамолет приводнился и начал подруливать к берегу, со стороны города показалась плотная колонна людей. Десантники приготовились к бою. Колонна приближалась. Куниковцы выжидали, напряжение росло. Неожиданно в тишине прозвучал голос одного из морских пехотинцев:

— Так это же не фрицы... Гляньте, они идут без оружия и с цветами...

Действительно, в руках приближавшихся людей можно было различить пышные букеты цветов. Люди шли вброд, плыли на плотах и лодках к приближавшимся самолетам.

Незабываемой была встреча советских воинов-освободителей с населением Бургаса. Оказалось, что еще ночью восставшие ополченцы разгромили и выбили фашистов из города.

Взвод лейтенанта Щербакова расквартировался в порту. Каждое утро под окнами казарм собиралась болгарская детвора и возгласами «Витушка-братушка» вызывала своего сверстника на улицу. Взрослые жители города тоже проявляли немалый интерес к юному десантнику. Моряки даже подшучивали над Витей:

— Давай, полпред Советской власти, выходи, а то твои подшефные не дадут нам покоя...

Получив разрешение, Витек отправлялся с ребятами в город, где каждый приглашал его домой, угощал виноградом, дарил цветы... Вите приходилось отвечать на самые различные вопросы детей и взрослых, объяснять, что такое колхоз и стахановец, кто может стать комсомольцем и пионером, как живут и учатся советские дети, чем ребята занимаются в пионерских дружинах.

В день, когда радио сообщило о победе Советского Союза над фашистской Германией, батальон находился в Констанце, охраняя отвоеванное у врага побережье. Огромна была радость людей — и советских воинов, и румынских граждан. Мужественные защитники Одессы и Севастополя, герои боев за Малую землю, Новороссийск и Керчь, люди, не раз смотревшие смерти в глаза, плакали от счастья...

В тот же день в городе состоялся торжественный митинг. Всюду были цветы, улыбки, дружеские объятия, безграничная радость. Печатая шаг, по улицам праздничной Констанцы прошли бойцы 393-го отдельного Новороссийского Краснознаменного батальона морской пехоты. В первой шеренге гордо шагал самый юный куниковец — четырнадцатилетний Витя Савченко.

Александр КОЧЕТКОВ

ЮНГИ НЕВСКОГО ПЯТАЧКА

Коля Бар

Витя Шишкин

Остров Валаам в Ладожском озере — одно из чудесных заповедных мест на нашей земле. И в самом деле — стоит ступить на остров, как попадешь в царство лесов, зеркальных озер и проливов, извилистых дорог и троп...

Есть в истории острова одна страница — пожалуй, самая героическая и памятная. Под сенью лесов, на скалистых берегах до сих пор можно увидеть следы минувшей войны — то полуобвалившийся окоп, то заросшую траншею... Чьи они? Кто в них сражался?

То было в первые дни нашествия гитлеровских орд.

Вся тяжесть обороны острова Валаам поначалу легла на плечи воинов только что сформированной 4-й бригады морской пехоты да курсантов местной школы боцманов и юнг. Проявляя стойкость и упорство, они делали все возможное и невозможное, возводя оборонительные сооружения: рыли окопы и траншеи, ставили противолодочные заграждения, дежурили у пулеметов, установленных на крыше школы и колокольне церкви, несли в засадах дозорную службу.

А канонада приближалась к острову, все чаще над берегами седой Ладоги дрожало багровое зарево пожаров.

Однажды ночью в прибрежных зарослях послышались какие-то странные звуки, потом зашелестело в кустах. Это враг высадил на остров десант.

Но в короткой, стремительной схватке он был отброшен. Ранним утром над островом низко, очень низко пролетел разведывательный самолет с черной свастикой на крыльях, а вслед за ним стали появляться «мессершмитты» и «юнкерсы»...

И все куда-то ушло: и тихий рассвет над землей, и ясный покой поднебесья, а вместе с ними и пылкая мечта юных моряков о бесконечных странствиях по морям и океанам. Запали на всю жизнь в их сердца слова комиссара школы Карпа Федоровича Зеленкова, бывшего балтийского матроса и партизана времен гражданской войны:

— На нашу Родину напал враг, подлый и злобный. Повсюду идут грозные бои. С этой минуты мы с вами, ребята, тоже становимся бойцами.

Он испытующе оглядел курсантов в походном обмундировании, и сжалось до боли сердце комиссара. Перед ним стояли мальчишки, которые еще вчера играли в Чапаева и Щорса, ходили на учебных шхунах в «кругосветное» плавание вокруг Валаама.

16 сентября 1941 года был подписан приказ о создании из питомцев валаамской школы сводной роты юнг и об отправке ее на фронт в составе третьего стрелкового батальона бригады морской пехоты.

Шли с острова в Осиновец с последним караваном недолго. Вскоре они уже шагали по размокшей от холодных осенних дождей дороге к переднему краю. Бой разгорелся совсем близко — у Невской Дубровки, где храбро сражались с врагом наши пехотные подразделения.

Неву, широкую, притихшую и темную под ночным покровом, они форсировали вместе с морским десантом. Гребли всем, что было под рукой, — веслами, касками, прикладами винтовок, лишь бы скорее, скорее зацепиться за берег, занятый врагом. Нашим воинам требовалось преодолеть еще лишь узкую полоску воды, и вдруг небо осветила ракета, вода в реке закипела как во время внезапного ливневого дождя — начался неистовый обстрел.

Еще опаснее было там, на берегу, где тоже рвались мины и свистели пули, так что головы не поднять.

И тогда встал лейтенант Василий Павловский, ротный командир, а за ним и вся первая рота. Откуда-то с лобастого пригорка ударил свинцовыми очередями вражеский пулемет. Вася Ганзий, высокий сухощавый парнишка, вместе с юнгой Колей Олейником и Алешей Белаконь поползли туда, откуда хлестал огонь. Правее дымила воронка от взрыва снаряда, а около нее стоял вражеский танк, поливая все вокруг огненными струями. Юнга Витя Шишкин успел крикнуть своему дружку Коле Бару: «К танку!» — и полетели во вражескую машину гранаты.

Все грознее и ожесточеннее гремела атака, дружная и напористая, как вдруг над полем пронеслось:

— Ротного убило! Лейтенанта убило!

И сразу другой голос:

— Слушай мою команду!..

Роту юнг вел теперь в бой комсомольский вожак старшина 1-й статьи Николай Ивашкевич. У второй прибрежной траншеи юные моряки с криками «Полундра!» бросились в штыковую атаку, выбили из траншеи гитлеровцев. За этой траншеей — узкоколейка, а дальше — деревня Арбузово,

которую надо взять во что бы то ни стало. И она была взята. Взята мужеством, силой духа, кровью.

Когда первую роту отвели на отдых, к ней подошел командир морской бригады Ненашев. Старый боевой генерал при виде юнг в изорванной, обгорелой одежде застыл как по команде. Лицо его посуровело, когда он говорил:

— Спасибо вам, сынки. Отважно дрались, по-флотски... Военный совет Балтийского флота благодарит вас за доблесть.

Годы и годы минули с той поры. Как сложились судьбы воспитанников валаамской школы? Где они сейчас? Кем стали? И потянулась ниточка поисков, слабая, тонкая, готовая вот-вот оборваться, как провод связи на поле боя во время обстрелов и бомбежки. Но она не оборвалась...

Николая Болеславовича Ивашкевича, того самого, который принял командование ротой на себя после гибели лейтенанта Павловского, я разыскал в Колпино, под Ленинградом, где он, ныне капитан 3 ранга запаса, возглавляет районный комитет ДОСААФ. От него и стали известны подробности первого для юнг боя на Невском пятачке.

— Да, тот бой вовек не забуду, — сказал Ивашкевич. — Это было настоящее истытание. Многие мои товарищи погибли, когда выбивали фашистов из Арбузово. Погиб тогда и мой родной брат Володя.

Николай Болеславович умолк: видно, нелегко ему вспоминать пережитое. Потом добавил:

— У нас в первой роте все были юнцами. Кому, как мне, семнадцать только стукнуло, а Коле Бару, помнится, не было и шестнадцати. В бою на невском плацдарме его тяжело ранило. Чудом остался жить... Спрашиваете, где он сейчас? — Ивашкевич достал из кармана записную книжку. — Вот его адрес...

Отыскивать Николая Александровича Бара долго не пришлось. Живет он в Москве, в Новохорошевском проезде. Мы сидим с Баром в его квартире. На столе — книги, газеты, фотографии военных лет. Николай Александрович берет один снимок — видно, самый для него памятный.

— Не узнаёте? Это фронтовой корреспондент щелкнул нас, юнг, в сорок втором году. Видите, почти у каждого на груди боевая награда. Вот это Витя Шишкин, герой нашей роты. Он и сейчас, можно сказать, геройски трудится в Волгограде на заводе «Красный Октябрь»: начальник цеха, награжден орденом Трудового Красного Знамени. А это Леня Перепеч, он монтажник, строил много лет дома в Ленинграде. А это — Петя Козлов, сейчас он работает на московском заводе имени Владимира Ильича. Этому человеку я обязан тем, что живу.

Бар вздыхает, и я вижу, как у него на виске учащенно пульсирует синеватая жилка.

— Последнее, что я запомнил, когда меня ранило там, на Невском пятачке, — всплески огня у самого лица и боль во всем теле. Что было дальше — не помню. Уже после войны узнал, что Петр вынес меня из-под обстрела, дотащил до берега, где располагался медсанбат одной из стрелковых частей. Сдал меня сестре медицинской, а мой комсомольский билет на всякий случай забрал с собой. Боялся, что не выживу.

Но все-таки выжил я, прошел войну до победного конца. Даже успел еще повоевать с самураями. Потом окончил военно-морское училище и

продолжал служить в Вооруженных Силах до увольнения в запас. Ну и теперь тружусь, как все. Без дела, кажется, дня не проживу.

Да, иначе они жить не могут, люди фронтовой закалки. Уже и годы отягощают, и старые раны дают о себе знать, но не хотят ветераны покоя.

В Москве живет еще один бывший курсант валаамской школы — Василий Феофанович Ганзий. В бою на невском берегу он тоже был тяжело ранен. Но, едва отлежавшись на госпитальной койке, он снова стал бить врага на Невском пятачке. А после прорыва блокады служил на тральщиках, дважды тонул в море, когда освобождали Одессу и Севастополь...

Василий Феофанович достает из портфеля папку с бумагами. Это собранные им документы и фотографии, на которых запечатлены валаамские боцманы и юнги.

— Книгу собираетесь написать?

— Так, для себя. Просто память о нашей юности...

Такова она, фронтовая дружба, самая крепкая на свете, никогда не забываемая. Это святое чувство дружбы и товарищества приводит их, ветеранов-балтийцев, каждый год в сентябрьское воскресенье на маленькое поле знаменитого Невского пятачка. Вместе с другими участниками боев бывшие юнги съезжаются сюда, чтобы почтить память тех, кто сражался и погиб за нашу победу. Это в честь таких, как они, воздвигнут обелиск в центре бывшего пятачка. Это их бессмертный подвиг славит музей в Невской Дубровке. И есть в том музее одна фотография, уже поблекшая от времени, с которой смотрят они, мальчишки сорок первого года, в лихо заломленных бескозырках...

Вот такая она, малоизвестная страница войны, берущая свое начало с отдаленного острова Ладоги. Героическая и прекрасная, как легенда, она достойна того, чтобы о ней знали все, кому хоть раз доведется побывать на Валааме. А бывает здесь людей множество. И пусть они хранят в своем сердце не только очарование дивной природы заповедного уголка на карельской земле, но и память о тех, кто защищал ее в самые первые и самые тяжелые дни войны.

Герой Советского Союза
Андрей ЧЕРЦОВ

ОГНЕННЫЙ РЕЙС

Двести двадцать пять дней и ночей наши десантники героически удерживали Малую землю — клочок суши под Новороссийском, захваченный фашистами. И каждую ночь выходили к Цемесской бухте наши торпедные катера, чтобы отгонять фашистов от Малой земли...

Весной сорок третьего года, после одного из таких боев, наш ТК-93 — я был его командиром — пришлось отвести на ремонт в Батуми. Там мы и встретили Валерия Лялина, осиротевшего тринадцатилетнего паренька. Он рвался в море и отчаянно просил нас помочь ему стать моряком.

Я вспомнил свое детство: я хорошо знал, что такое жизнь беспризорника, на флот пришел из детдома. А Вальке было еще тяжелее — шла война.

И мы взяли Вальку на катер. Думали, пока идет ремонт, приоденем, подкормим его, а придет пора уходить в море — отправим в школу юнг на Соловецкие острова или в детдом.

Валька помогал нам ремонтировать катер и хорошо изучил сложное моторное хозяйство. При случае мог заменить моториста.

Мы подружились со славным пареньком. И когда пришло время расставаться, нарушили установленный порядок и оставили его на своей «Девятке».

Во время решающего сражения за Новороссийск наш Валька с честью принял боевое крещение. О подвиге нашего юнги в ночь на 10 сентября 1943 года я и хочу вам рассказать...

Время за полночь. Цемесская бухта погружена в темноту. На море ни огонька, ни искорки. Спит черная полоска берега, спит глубоким сном порт. Или только кажется, что спит? Каждый камень, каждая доска причала таят под собой смертоносный груз — фашисты укрыли там тысячи килограммов

взрывчатки и мин. Еще дальше берег опоясали вражеские батареи и огневые точки. Трудно пройти сквозь их кольцо. Но враг сторожит не только берег. Прочные стальные сети на огромных бочках-поплавках преграждают вход в порт.

У входа в Цемесскую бухту под покровом ночи застыли наши торпедные катера. Среди них и ТК-93 («Девятка»). Через несколько мгновений катерам предстоит прорвать гигантскую стальную паутину. Торпеды, выпущенные с их бортов, проложат путь кораблям десанта.

Время близится к трем часам ночи. Сотни командиров, участников операции, на мостиках кораблей, за штурвалами самолетов, у орудий на берегу следят за секундной стрелкой.

И все вокруг загрохотало, будто обрушились горы и лавина камней ринулась в море. Город и порт вспыхнули, словно гигантский костер. Огромными факелами запылали нефтебаки на Нефтяной пристани. А за городом наши самолеты бомбили вражеские штабы.

И над всем этим морем огня гигантскими люстрами повисли сброшенные нашими самолетами осветительные бомбы.

Внезапно все померкло — порт и Цемесскую бухту заволокло едким дымом и пылью. Страшный взрыв распорол воздух — это сделали свое дело торпедные катера, разметав в стороны стальные сети. Вход в порт был свободен!

Первыми в открытые ворота на полном ходу ворвались торпедные катера, за ними потянулись корабли с десантниками — «морские охотники», сейнеры, баркасы, мотоботы.

Не успел опасть гигантский водяной смерч, поднятый в воздух торпедами, прорвавшими заграждение, как «Девятка» легла на новый боевой курс. Нужно было атаковать огневую точку врага, расположенную на молу. Оттуда враг уже начал обстрел наших кораблей, идущих в порт с десантниками.

Вторая торпеда с «Девятки» понеслась в цель, и через несколько секунд в воздух взлетели камни разрушенного мола и дота. Вражеское орудие замолчало.

Катер отошел в сторону и застопорил ход. Пользуясь минутной передышкой, команда выглядывала из люков.

Бой ушел вперед. Он полыхал в порту, на причалах, на улицах.

Опомнившись от неожиданного удара, враг начал обстреливать из дальнобойных орудий всю Цемесскую бухту вплоть до Кабардинки, куда направилась «Девятка». Она должна была забрать пополнение десантников.

ТК-93 ошвартовался там бок о бок с «морским охотником». Началась погрузка ящиков с минами и снарядами. Моторист Кузнецов и боцман занялись размещением десантников. Через несколько минут, зарываясь носом в воду, перегруженная «Девятка» тяжело отвалила от причала.

Механик выжимал из моторов все. Катер несся полным ходом. Навстречу все чаще и чаще попадались суда, возвращавшиеся из Новороссийска.

«Первый эшелон десантников уже в городе, второй грузится на корабли.

Выходит, мы сейчас одни будем прорываться в порт. Горяченько придется», — успел подумать командир, прежде чем на катер обрушилась водяная стена и он резко накренился.

Десантники, уцепившись за поручни, едва удержались на палубе.

Вода вокруг катера закипела, по обшивке застучал град пуль и осколков. Умолк выведенный из строя пулемет, заглох левый мотор. Из машинного отсека в рубку поползла серая змейка дыма. Среди десантников появились первые раненые и убитые. Тяжело ранило и боцмана.

Катер приходилось вести почти вслепую — фонтаны воды от рвущихся мин и снарядов закрыли порт.

Но вот огневая завеса осталась позади.

«Кажется, прорвались, — с облегчением подумал командир. — Теперь только бы проскочить мимо западного мола!»

Но тут заговорили пушки со стороны элеватора. Пришлось застопорить ход. Снаряд ударился в мол, и «Девятка» резко рванулась с места.

Командир прислушался — работал только один мотор, работал глухо, с перебоями, как бы задыхаясь от быстрого бега. Прошло несколько минут. Все глуше и глуше перестук, и вскоре мотор совсем заглох.

В наступившей тишине командир слышал тревожный стук собственного сердца. Вдруг страшный удар сбил его с ног. Падая на дно рубки, он увидел, что из бензинового отсека вырываются узкие языки пламени. «Пожар. Сейчас рванет!» — обожгла его страшная мысль. Командир поднялся и, превозмогая боль, встал к штурвалу.

Внизу уже кипела работа. Моторист Кузнецов выскочил на палубу и, не обращая внимания на свистевшие вокруг осколки и пули, стал затыкать ветошью пробоины, чтобы прекратить доступ воздуха в горящий отсек.

Катер снова шел под одним мотором. Теперь молчал правый.

Со стороны западного мола по «Девятке» бил крупнокалиберный пулемет. Пулемет «Девятки» молчал. И вдруг командир увидел у пулемета электрика Сашу Петрунина, который, устранив повреждение, разворачивал пулемет в сторону вражеского. Две огненные струи скрестились у борта «Девятки» и тут же оборвались: вражеский пулемет, подавленный очередью Петрунина, умолк. И сам Петрунин, тяжело раненный, упал на дно рубки.

«Кажется, угроза взрыва миновала! Молодцы мотористы! Как они там не задохнулись от дыма? — подумал командир, выводя катер на прежний курс — к Каботажной пристани. — А кто же сейчас в машинном? Мотористы на пожаре, механик ранен...»

В этот момент из люка показался юнга.

— Товарищ командир, повреждение в правом моторе устранено, разрешите заводить? — доложил юнга.

«Ах ты салажонок! — с нежностью подумал командир. — Исправил мотор. Один!» И дал команду:

— Заводить мотор!

Валька скрылся в люке. Вскоре правый мотор заработал. Катер набирал скорость.

Когда мотористы бросились тушить пожар, Валька остался один в машинном отделении. Он занял место командира отделения и, подражая ему, внимательно посмотрел на щиток с контрольными приборами. Стрелка прибора, указывающая обороты левого мотора, дрожала у отметки «1100». Взглянув на тахометр правого мотора, Валька похолодел: стрелка замерла на нуле. Он понимал: правый мотор не работает. Что случилось?

Юнга осмотрел мотор. Ясно: пробит маслопровод. Масло было обжигающе горячим. «Голыми руками ничего не сделаешь, и края у трубки вон какие острые», — соображал Валька. Он снял рубаху, замотал ею маслопровод, сверху наложил резину и туго затянул проволокой. Повреждение было устранено, и Валька побежал наверх докладывать командиру.

Когда он вернулся, стрелка тахометра правого мотора дрожала у отметки «1200». Валька сел на прежнее место, поглядывая на приборы.

Из люка показался Кузнецов. Он внес на руках Петрунина.

— Следи за мотором, а я к командиру! — крикнул он Вальке.

Петрунин пытался достать из кармана перевязочный пакет.

— Помочь? — Валька с ужасом глядел на окровавленные Сашины ноги.

— Я сам, а ты смотри за приборами. До берега всего ничего осталось...

Тут катер сильно тряхнуло, осколки, как шмели, прогудели в отсеке.

— Коллектор загорелся! — закричал Петрунин. — Накрывай брезентом!

Дрожащими руками Валька схватил брезент и стал сбивать язычки пламени с правого мотора.

В пробоину с силой била вода. Петрунин взялся забивать отверстие, а Вальку отослал к приборам.

Открылся люк бензинового отсека, и ввалился черный от копоти, обгоревший Шаманский, командир отделения мотористов.

Валька, едва сдерживая слезы, вцепился в рычаг, переключающий скорости, и следил за стрелками.

Лежащий в луже крови Саша Петрунин, мечущийся от мотора к мотору обгоревший Шаманский, языки пламени на стенках отсеков, зловещее бульканье воды в пробоинах, вой и грохот снарядов над головой... Было страшно, но мальчишка крепился.

Задание, поставленное перед экипажем «Девятки», было выполнено. Теперь предстоял обратный путь.

Но не успел катер выйти на середину бухты, как прямым попаданием был разбит — теперь уже окончательно — левый мотор. В пробоину хлынула вода.

Все, кто мог передвигаться, бросились в машинный отсек, пытаясь заделать пробоину. У штурвала стоял тяжело раненный командир.

«Только бы дотянуть до мола — тогда каменная стена прикроет», — думал командир.

Но враг, видимо, задался целью утопить дерзкое суденышко. Всю силу своего огня он перенес на катер. Вода кипела от разрывов мин и снарядов. Разорвавшийся снаряд разворотил скулу катера. Вода с шумом заполняла таранный отсек. Катер зарылся носом в воду и почти остановился.

Командир временами терял сознание, и тогда из красного тумана, застилавшего глаза, выплывало строгое лицо контр-адмирала, слышался его голос: «Мальчика с собой не брать ни в коем случае».

Командир приходил в себя и напряженно думал: «Вывести катер из порта, спасти жизнь личному составу и Вальке! Где он сейчас, Валька?»

А в это время Шаманский и Валька укрывали уцелевший мотор пробковыми поясами, бушлатами, чехлами. Кузнецов, упершись в переднюю часть мотора ногами, удерживал спиной переборку между таранным и машинным отсеками, прогнувшуюся от напора воды.

В это время с катером снова что-то произошло. Он резко накренился на левый борт, и вода хлынула в отсек с новой силой.

— Узнай, что там наверху! — крикнул Вальке Шаманский.

Выбравшись наверх, Валька увидел, что у штурвала никого нет. Катером никто не управлял. Командир неподвижно лежал на дне рубки.

Юнга кинулся к штурвалу и, напрягая все силы, вырулил на заданный курс. Прижав штурвал тяжелым ящиком с боцманскими инструментами, Валька бросился к командиру. Как мог перевязал его и снова стал к штурвалу, выравнивая кружившийся на месте катер.

Враг, видя, что «Девятка» хотя и медленно, но уходит из порта, перенес на нее огонь дальнобойных батарей.

А в командирском люке, вцепившись обеими руками в штурвал, стоял тринадцатилетний юнга, удерживая катер на курсе. Уже был ясно виден маяк на обрывистом берегу мыса Дооб. «Держать к мысу Дооб» — таков был последний приказ командира, и Валька старался выполнить его.

Израненный катер, медленно идущий посреди Цемесской бухты, привлек внимание нашего командного пункта. От берега к «Девятке» спешили два торпедных катера. Они прикрыли ТК-93 дымовой завесой и легли на параллельный курс, запрашивая, нужна ли помощь. Валька кричал что-то в ответ, но за шумом моторов его не слышали.

Радист Полич выскочил наверх, сигналами объясняя, что стопорить мотор для переброски людей на другой катер нельзя: при остановке уровень воды в машинном отсеке поднимется и мотор заглохнет окончательно.

На базу была послана радиограмма: «ТК-93 в тяжелом положении. Весь экипаж ранен. Катер продолжает идти своим ходом».

Между тем вода в трюмах угрожающе поднималась. Выбившись из сил, люди не справлялись с ней. Отяжелевший таранный отсек все больше зарывался во встречную волну. Шаманский, высунувшись из люка, закричал:

— Валя, давай к берегу, моторный заливает!

Волна накрыла катер. На мгновение Вальке показалось, что они идут ко дну. Он упал и с отчаянием крикнул:

— Товарищ командир, тонем!

Командир очнулся и увидел искаженное ужасом лицо мальчика. Приподняв голову, он глянул в иллюминатор: волна уже захлестывала палубу — катер в любую минуту мог уйти под воду. По левому борту над судном навис высокий, обрывистый берег мыса Дооб.

— Выбрасывайся на камни... — прошептал командир.

И Валька повернул катер к берегу. Под днищем раздался треск. Сильный удар потряс катер. Посыпались осколки разбитых стекол. Валька, не удержавшись на ящике, слетел вниз. Мотор заглох.

Из машинного отсека на палубу выскочили мотористы и Полич. У всех была одна мысль: «Что будет с «Девяткой»? Потонет или останется на плаву, сидя носом на камнях?»

Заглянув в таранный отсек, Шаманский увидел камни, торчащие, как огромные серые клыки, из днища.

— Сел плотно, не потонет.

Валька тоже выскочил на палубу. Его оглушила тишина. Было так тихо, что слышались плеск волн и щебетание птиц наверху у маяка.

К «Девятке» уже шли резиновые шлюпки. Из машинного отделения вынесли раненого Сашу Петрунина, из рубки вытащили командира, механика и боцмана.

На судне остались те, кто мог дождаться аварийно-спасательного катера. «Спасатель» снял «Девятку» с камней и отбуксировал в Геленджик.

И когда покрытый пластырями катер вводили в бухту, у штурвала под боевым Военно-морским флагом стоял тринадцатилетний капитан.

На другой день Валька вместе с комбригом приехал в госпиталь навестить раненых товарищей. Он передал командиру сверток, в котором был иссеченный осколками и пулями боевой Флаг катера — Флаг, под которым они прорывались в Новороссийск (сейчас он хранится в Центральном музее Вооруженных Сил СССР).

Валька надеялся, что скоро они вместе с командиром поднимут этот боевой Флаг на своей «Девятке». Но катер поставили на ремонт, раненых перевезли в другие госпитали, а Вальку направили на учебу в тбилисское нахимовское училище. В подтянутом подростке с боевыми наградами на груди трудно было узнать босоногого мальчишку, которого моряки приютили на своей «Девятке»...

После войны Валька окончил морское училище в Калининграде, работал в Ленинградском порту.

О ДНЯХ, КОТОРЫЕ НЕ ЗАБУДУТСЯ

В городе Горьком, от Дворца пионеров имени В. П. Чкалова, начался боевой путь тех, кого мы сегодня уже называем ветеранами, а к слову «юнга» добавляем «бывший». Около ста выпускников Соловецкой школы юных моряков — участников войны — разыскала редакция газеты «Ленинская смена». Венцом поиска, в который активно включились горком ВЛКСМ, облвоенкомат, члены ДОССАФ, красные следопыты и многие другие люди и организации, стал прекрасный музей юнг-горьковчан, участвовавших в сражениях с фашизмом, музей, созданный на общественных началах и впервые гостеприимно открывший свои двери в канун дня рождения Ленинского комсомола, 28 октября 1973 года.

Евгений БЕЛОВИЦКИЙ

МАЛЬЧИШКА С КРАСНОЙ ПРЕСНИ

Враг был на подступах к Москве. Учащихся 110-й школы Краснопресненского района столицы, где учился Вадим Василевский, эвакуировали в глубь страны. Перед его отъездом на несколько часов заехал домой отец. Попрощаться. Член партии с девятнадцатого года, участник гражданской войны, Иосиф Васильевич возглавил роту московских ополченцев.

Это была последняя встреча с отцом. В деревню Панино Горьковской области, куда была эвакуирована школа, в январе сорок второго года пришло сообщение, что командир Красной Армии И. В. Василевский погиб смертью храбрых в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Вскоре после этого Вадим не пришел в школу. Только через три дня педагоги узнали: в двухстах километрах от Панина его ссадили с поезда, следовавшего на фронт. На все вопросы директора школы мальчишка коротко отвечал:

— Ехал на фронт вместо отца...

В следующий раз он сумел добраться почти до самой Москвы... И снова пришлось возвращаться в деревню Панино, к занятиям в школе.

Узнав о наборе в школу юнг Военно-Морского Флота, Вадим одним из первых написал заявление. Принимали в нее с пятнадцати-шестнадцати лет. Василевскому было четырнадцать. И все-таки он получил заветное направление.

Холодное северное небо, вековые сосны, угрюмое побережье. Соловецкие острова.

Подростков распределяли по ротам и сменам: радисты, рулевые, боцманы, артэлектрики, мотористы... Василевский мечтал стать радистом. Проверка на слух... И решение авторитетной комиссии: направить в артэлектрики. Вадим обратился к начальнику школы. Офицер внимательно выслушал подростка, направил на переосвидетельствование. На этот раз мечта юнги сбылась: его зачислили в роту радистов.

«...Сосны шумят и шумят. При сильных порывах ветра они словно теснее обступают палатку, потом отходят. Если с головой укрыться, невнятный гул стихает.

— Подъем!

Последние два дня всей сменой — двадцать пять человек — мы долбили грунт вокруг этого валуна кирками. Обкопали его, выровняли землю... Канат соскальзывает с гладких боков валуна. Мы разбредаемся.

— Надо в другом месте копать, — вздыхает маленький лупоглазый юнга.

— Прыткий какой! — говорит Сахаров.

У «прыткого» шинель до пят, а бескозырка держится на оттопыренных ушах».

Этот крошечный эпизод взят из книги Владимира Саксонова «Повесть о юнгах», выпущенной Детгизом несколько лет назад. А «прыткий» маленький юнга — Вадик Василевский. Кстати, повесть открывается эпиграфом: «Мы первую любовь узна́ем позже, чем первое ранение в бою (из стихов

моего друга Вадика Василевского)». Автор повести был однокашником Вадима Иосифовича.

На одном из занятий отрабатывали настройку на волну. Будущие радисты внимательно вслушивались в эфир. Вдруг чей-то далекий голос прорвался через многокилометровое расстояние:

— Я «Чайка-три»... Таранил подлодку... Потерял ход, командир убит, в живых комендор-пулеметчик и я. Расстреливают прямой наводкой. Погибаю, но не сдаюсь. Прощайте...

Ребята стояли ошеломленные. У многих на глазах блестели слезы.

— Погибли... Но мы отомстим, — поклялись юнги.

Время учебы пролетело быстро. И вот подтянутые, в ладно сидящей флотской форме юнги несколько свысока смотрят на только что прибывших мальчишек.

Сроднившись за год, ребята прощались — выпускники первого набора юнг уезжали на действующие флота: Северный, Черноморский, Балтийский... Получившие боевую специальность шестнадцатилетние юнги становились защитниками Родины. Василевскому было пятнадцать.

Вадим попал на Черное море, на линкор «Севастополь». Корабль стоял в Поти. Во время налетов вражеской авиации линкор ставил дымовую завесу. В дыму скрывался весь город. Немецкие бомбардировщики не могли произвести прицельное бомбометание.

В военном билете Вадима Иосифовича в графе «Участие в Великой Отечественной войне» сделана запись: «Участвовал с 10 сентября 1943 года по 9 мая 1945 года». Два года службы на боевом корабле. За это время старательный, исполнительный юнга стал бывалым моряком, командиром боевого поста флагманской оперативной рубки. В его подчинении было двое сверстников — юнги второго набора. Любую боевую задачу команда выполняла только на отлично.

В один из майских дней сорок четвертого года в освобожденный Севастополь входила Черноморская эскадра. Город лежал в руинах. Обнажив головы, приветствовали моряки родную землю, родной порт.

Корабли медленно двигались по бухте. Юнга Василевский написал на броне тяжелого орудия линкора взволновавшие всех стихи. Вечером в одном из немногих полууцелевших зданий города состоялось торжественное собрание, посвященное освобождению Севастополя от немецко-фашистских захватчиков. Перед началом собрания было объявлено, что юнга Василевский прочитает свои стихи.

На сцену вышел невысокий крепыш и звонким, дрожащим от волнения голосом стал читать:

Мы вернулись к тебе,
Севастополь родной,
Русской доблести
город-герой.
Мы вернулись к тебе,
город славы.
Ты изранен, разбит,
но кирпич и гранит
Здесь, у моря,
лежит величаво.

Мы клянемся тебе, Севастополь родной,
Небом, морем,
матросской душой,
Что тебя мы опять
восстановим.
Снова вырастет
город героев.
Не явилась на свет еще сила,
Чтобы нас, моряков,
сокрушила...

Пусть стихи были далеки от совершенства. Но искренность этих слов, взволнованный голос юнги никого не оставили равнодушными. Зал рукоплескал.

Прошел год.

— Вадька, — совсем не по-уставному тормошил Василевского его подчиненный. — Победа! Победа, понимаешь?!

На линкоре творилось что-то невообразимое. Моряки стреляли вверх, пускали сигнальные ракеты, обнимались. Да, это была победа. За нее погиб отец Вадима, отдали жизнь двадцать миллионов советских людей. За нее сражался Василевский-младший, его товарищи по школе юнг, весь советский народ.

Адмирал обходил линкор, зашел и во флагманскую рубку.

— Командир отделения радистов юнга Василевский! — четко представился Вадим.

— Молодец, юнга, — похвалил адмирал. — Боевой пост содержится в образцовом порядке. Чем думаете теперь, в мирные дни, заниматься?

— Хочу стать морским офицером.

— Решение правильное. — Адмирал повернулся к своему адъютанту: — Возьмите на заметку.

Тогда Вадим Василевский не знал, что адмирал Николай Ефремович Басистый тоже начал свой путь с юнги, со школы юнг на Черноморском флоте. Быть может, это и объединяло их в минуту откровенного разговора.

В начале сорок шестого года Вадима направили на подготовительное отделение Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе в Ленинград. Казалось, будущее просто и ясно: училище, затем флотская офицерская служба на боевых кораблях. Но обстоятельства сложились иначе.

В Ленинград пришло письмо от больной матери, вернувшейся в Москву из эвакуации. Нет, она не жаловалась на лишения послевоенной поры, но из письма было видно, что ей очень трудно.

Нелегко было бросить учебу, но пришлось.

На многих морях, на различных судах трудился радист Вадим Василевский после демобилизации. В пятьдесят девятом году он приехал на Сахалин. Работал по своей специальности с геологами, рыбаками, учеными...

И вот однажды:

— Вадим Иосифович, к вам гость.

Навстречу шел незнакомый мужчина средних лет. Когда он подошел совсем близко, Василевский узнал старого друга:

— Саня!

— Вадька!

На далеком Сахалине через тридцать лет встретились воспитанники школы юнг на Соловецких островах — Вадим Иосифович Василевский и Александр Алексеевич Суворов, ныне научный сотрудник одного из сахалинских НИИ. Расстались они в сорок третьем осенью: Александра направили служить на Балтику... В день тридцатилетия Победы они шли вместе в колонне ветеранов войны.

Вадим Иосифович по-прежнему работает радистом. Встретиться с ним довелось на радиостанции Сахалинского авиазвена по охране лесов от пожаров. Сеанс связи окончен. Василевский отложил в сторону наушники, настроил приемник на далекую станцию. Вспоминает учебу в школе юнг, боевые эпизоды. Из динамика слышатся приглушенные тысячекилометровым расстоянием слова песни из кинофильма «Белорусский вокзал»:

Но, значит, нам нужна одна победа,
одна на всех...

Виталий ГУЗАНОВ

НИКАНОРЫЧ

Старый моряк заболел. Странное дело: второй день ломит поясницу, в груди щемит; раньше Владимир Никанорович такую хворь принимал за легкое недомогание. К врачу обращаться не стал, а взял трехдневный отпуск. У него были отгулы, которые он никогда не использовал, копить их — тоже не копил и к очередному отпуску не прибавлял, как делали другие. У него не только в будни, но и в выходные дни находилась на судне работа, и он как бы растворялся в ней.

Лето в том году было унылое. Дожди и слякоть. Ветры и холод. Вот и на этот раз не везет. С утра Припять затянуло туманом, а ближе к сумеркам ветер принес мелкий дождь, который к полуночи перерос в ливень. Казалось, что лето не торопилось уносить весну, как порой бойкий ледоход уносит зиму.

В такую погоду всегда зябко на душе у капитана Владимира Никаноровича Смирнова, или Никанорыча, как его попросту называют друзья, ветераны речники. В дождь и сырость у него всегда портилось настроение. Шаркая по полу войлочными шлепанцами, он бесцельно слонялся по дому, ежился, кряхтел как старик. Время от времени Никанорыч подходил к окну, сердито пыхтел трубкой, торчащей из-под щетинистых усов, бормоча какие-то ругательства.

Дочь его, Нина, светловолосая, с мягкими чертами лица, застенчивая на людях, посмотрела на отца с беспокойством:

— Может, пчелиным ядом потереть спину, папаня? — спросила она, не отрываясь от школьных тетрадей. — Отменное средство.

Но Владимир Никанорович что-то пробурчал в ответ и ушел в свою комнату.

Нина еще долго проверяла сочинения своих учеников и слышала, как вздыхал за тонкой перегородкой отец.

— Слышь, доченька, нынче Припять злая...

— Похоже.

— Непогодь разыгрывается, елки-моталки, как бы не нагнала балтийского ветру.

— Спи ты, знай, папаня.

Но разве может уснуть бывалый моряк Никанорыч? Ночные думы у таких людей всегда беспокойны, они прилипчивы, эти думы. Цепляясь клешнями друг за дружку, они плывут неудержимо, словно тучки по небу.

Спустя час легла и дочь. Завидный характер у нее, как и у Татьяны Константиновны — жены его, матери троих детей. Младшая, Нинка, вся в нее — свежая, с нерастраченной энергией. Уехала Татьяна погостить к старшему сыну в Горький, и, видимо, понравилось ей, осталась до зимы присматривать за внучатами. Павел сразу после службы обосновался на «Красном Сормове», строит суда, а средний, Анатолий, пошел в отца — моряк, штурман атомной подводной лодки. Интересно, где он сейчас? Наверное, в океане. Им, молодым, теперь море по колено, подавай широкий оперативный простор! Сам же Никанорыч в войну бороздил Баренцево и Карское моря. Какая сейчас непогода в том суровом краю? Наверное, штормит. Нордовый ветер дышит с океана. Вот уж где матросикам не сладко...

Всякий раз, когда Никанорыча одолевают такие думы, сердце его болезненно сжимается: ведь на Баренцевом море погибли его закадычные дружки, не оставив после себя даже могил. И сам он едва жив остался. Но об этом немного позже.

Родился и вырос Владимир Смирнов далеко от здешних мест, на Волге, в Лыскове. Отец был выходцем из села Большое Мурашкино, простым крестьянином, а потом рабочим, бетонщиком на строительстве моста через Оку, где она впадает в Волгу. Это место волгари исстари называют Стрелкой. Даже песня о ней сложена: «На Волге широкой, на Стрелке далекой...» Оттуда пятнадцатилетний Вовка уходил в сорок втором в школу юнг Военно-Морского Флота. Туда приезжал он в отпуск, а жить там не остался. Судьба привела его в Белоруссию, на реку Припять. Поехал навестить друга флотской юности Геральда Исакова и крепко встал на якорь, прикипел душой и сердцем к Полесью. С Герой Исаковым, юнгой-мотористом, Никанорыч служил на БО — «большом охотнике» за подводными лодками.

...В полночь команду разбудил колокол громкого боя.

«Большой охотник» только что вернулся в базу из дальнего похода. А через час сигнальщик принял семафор: срочно выйти в море.

Было это зимой сорок четвертого года, уже после того, как вышвырнули фашистов из Петсамо и Киркенеса. Неприветливые серые волны лениво перекатывались от кромки горизонта до острова Кильдина. С низкого угрюмого неба в любую минуту мог налететь снежный заряд. В осеннюю и зимнюю пору ветер, несущий липкий снег, — явление частое. Иногда в течение часа может обрушиться три-четыре хлестких, порывистых заряда. Берег, море и небо закрываются непроницаемым снежным пологом, ничего не видно на расстоянии вытянутой руки. И сразу становится жутко, холодно, неуютно. Но закон у моряков такой: чем погода хуже, тем зорче глаз, бдительнее вахта.

Корабль нес дозорную службу недалеко от Кольского залива. После долгого нахождения в море «большой охотник» обнаружил вражескую подлодку и приготовился атаковать ее. Но фашистский пират упредил действия дозорного корабля. Выпущенная с подводной лодки торпеда, видимо самонаводящаяся, попала в носовую часть. На БО создалась критическая ситуация. Все, кто находился в носовом кубрике, погибли. Многих, в том числе и командира, старшего лейтенанта Романова, взрывом выбросило за борт. На мостике и в рубке вспыхнул пожар. Моряки, находившиеся на шкафуте, были ранены или контужены. Аварийная группа, в которую входил Смирнов, осматривала помещения. Вместе с Герой Исаковым Володя вытащил из моторного отсека старшину. Командир отделения мотористов попытался открыть глаза, но не смог. Володя наклонился к нему, чтобы помочь подняться, хотел надеть спасательный жилет.

— Напрасно, юнга... Дай напоследок покурить...

Гера Исаков протянул старшине самокрутку, тот взял и сразу же выронил.

— Хлопцы, напомните командиру, чтобы не забыл передать мое заявление в партию... — с трудом произнес старшина. Это были его последние слова.

А тем временем краснофлотец Миша Буяльский разоружал на корме бомбы. Он, минер, лучше других понимал, какая страшная беда нависнет над товарищами, если глубинные бомбы начнут рваться в воде: могут погибнуть и те, кто остался на борту корабля, и те, кто находился на плотике.

— Поднять флаг! — прозвучал охрипший бас лейтенанта Гущина. Офицер был ранен, но, пока совсем не ослаб, руководил моряками.

Володя Смирнов и Гера Исаков повернулись в сторону мачты. Почерневшее полотнище флага медленно сползало вниз. Володя первым кинулся к мачте. Вскарабкавшись к гафелю, он с лихорадочной быстротой стал привязывать верхнюю шкаторину флага к перегоревшему фалу. И в этот момент почувствовал жгучую боль в локте правой руки. Пальцы обмякли, рука, как плеть, беспомощно повисла. Значит, он был ранен, но вгорячах не почувствовал. «Держись, Вовка!» — приказал он себе и снова потянулся к флагу. Нижняя шкаторина все еще трепетала, будто чайка с подбитым крылом. Последнее усилие — и юнга схватил флаг-фал зубами. Ноги, обнимавшие мачту, вдруг ослабли.

На помощь Смирнову поднялся Гера Исаков. Володя затянул зубами узел и, разжав пальцы, освободил фал. Полотнище флага вырвалось и распрямилось на ветру.

Флаг корабля... Юнге Смирнову не нужна была подсказка, он знал и без приказа — «Флаг не спускать!». Ни при каких обстоятельствах не может в бою спуститься флаг с мачты. Это определено уставом и освящено флотской традицией. И пусть грозит гибель кораблю — он уйдет в морскую пучину с гордо развевающимся флагом. Наверное, вот в такие минуты проверяется, на что способен моряк.

На палубе «охотника» почти пусто. Моряки вплавь добрались до плотика. У кого были на головах бескозырки — сняли, простились с кораблем. На корме еще оставался Миша Буяльский. Видя, что «охотник» все

больше и больше погружается, с плотика стали кричать Мише, чтобы он бросил все и плыл к ним, но минер наотрез отказался, махнув друзьям рукой.

Плотик, подгоняемый ветром, начал медленно отходить от корабля. Одним веслом не удавалось удерживать плотик в дрейфе. Да и здоровых людей на нем не было, одни раненые. Находясь на волоске от гибели, они не могли быть помощниками Буяльскому и с волнением наблюдали за Мишей, который вступил в единоборство ради спасения товарищей, ради их жизней. Скрюченными от холода пальцами Миша вытаскивал из бомб взрыватели. Пять, четыре, три, две... Осталась одна, последняя... К ней-то и устремился Миша. Бомба была закреплена у самого среза кормы. И самое печальное: взрыватель оказался закрытым металлическим угольником бомбосбрасывателя. Голыми руками ничего не сделаешь. Миша вернулся к кормовому мостику, снял с пожарного щита топор и попытался развернуть бомбу, но она не поддавалась. Набежавшая в этот момент волна подбросила корму «охотника», и обезвреженные бомбы покатились по палубе. Миша Буяльский потерял равновесие и чуть не свалился за борт. Цепко ухватившись за леера, он увидел: бомба, его последняя бомба, качнулась в сторону, затем в другую — и плюхнулась в море. Через несколько секунд над водой вырос огромный пузырь, в одно мгновение он превратился в высокий фонтан и закрыл собой тонущий корабль...

— Прощай, Миша... Прощай, родной корабль...

На глазах у моряков навернулись слезы.

Густая зелень воды переливалась сизыми отсветами. Волны несли на своих гребнях маленький плотик с горсткой изнемогавших от ран моряков, среди которых были и два юнги — Вова Смирнов и Гера Исаков...

Никанорыч встал, просунул ноги в шлепанцы, зажег лампу и набил трубку.

— Отец, а отец, — сонно сказала Нина. — Не курил бы на ночь глядя.

— Спи, дочка, спи, — миролюбиво ответил Никанорыч сиплым от курения голосом.

Матовый свет лампы освещал не весь стол, а только половину, оставляя комнату в тени. На столе — полный порядок, как на судне в штурманской рубке. Чернильница — медный трехлопастный винт, подарок Кости Юданова, друга с эсминца «Гремящий», пепельница из гильзы снаряда «Бофорса», автоматической пушки (память о «большом охотнике»), простенький альбом с любительскими фотографиями флотских друзей, сундучок хохломской росписи с яркими цветами на крышке. В нем-то, в сундучке, и хранилась «летопись жизни» Никанорыча, начиная со свидетельства об окончании школы юнг на Соловках и кончая грамотой Советского комитета ветеранов войны, подписанной самим генералом армии Батовым, одним из героев Сталинградской битвы. Ничего не скажешь, почетная награда за активное участие в работе по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Никанорыч честно заслужил эту грамоту. В такие бессонные ночи Никанорыч любил покопаться в своем домашнем архиве: сохранилась краснофлотская книжка, листовки, приказы Верховного главнокомандующего с благодарно-

ЭХО ПРОШЕДШЕЙ ВОЙНЫ

Тогда была война. И в ней наравне со взрослыми участвовали те, кто по мирным понятиям считается детьми. Что ж, нынче пятнадцатилетний — еще ребенок. А тогда жизнь перед этими мальчишками поставила суровый вопрос: Родина в опасности, и если говорить языком плаката, что ты сделал для фронта, для Победы? И они ответили на этот вопрос героическими, благородными делами.

Минуло более тридцати лет. Однажды газета «Комсомольская правда» начала разговор со школьниками — «Война глазами тех, кому сегодня шестнадцать». В подтексте не составляет труда прочесть: а как бы вы, ребята, решили для себя этот вопрос — каждый, лично?

Иной раз люди старшего поколения думают: смогут ли мальчишки и девчонки стать такими мужественными, как, например, Марат Казей и Саша Ковалев, Володя Моисеенко и Боря Цариков, которые героически сражались с врагом, пускали под откос эшелоны, ходили в разведку, дрались до последнего патрона? Они успели до войны окончить только пять-шесть классов. Не все из них к этому времени стали комсомольцами. Но в бою на них всегда можно было положиться. Мужеству, неистощимой энергии, беспредельной храбрости этих мальчишек могли бы позавидовать и бывалые воины.

Так смогут ли наши ребята быть такими?

Смогут! В этом нет и капли сомнения. Не надо далеко ходить за примерами. Давайте познакомимся с мыслями мальчишек и девчонок, с их, как говорится, думами, изложенными в письменном виде в школьных сочинениях. Так и назывались эти сочинения — «Урок мужества». Некоторые мы отобрали для нашего сборника.

В конце урока мужества, как бы подводя итог всему сказанному, с шестнадцатилетними ведет разговор известный советский писатель Сергей Сергеевич Смирнов. Это одно из последних его публичных выступлений перед молодежью семидесятых годов.

Война глазами тех, кому сегодня шестнадцать

Александр КУЗНЕЦОВ: Я поднимался по ступеням Мамаева кургана. Справа и слева — одетые в камень солдаты. Как они молчат!.. Потом — голос Левитана: «От Советского информбюро...». И песня: «Вставай, страна огромная!». Кажется, ты один на всем свете. Ты — и незримые солдаты, что поют эту песню, их атака и слова легендарного снайпера Зайцева: «За Волгой для нас земли нет!» Потом заметил стоящего рядом человека. Его лицо было в шрамах. А вместо левой руки — протез. В глазах у него стояли слезы. Он увидел, что я смотрю на него, и неожиданно подошел ко мне и обнял меня своей единственной рукой. И так мы стояли с ним, обнявшись, как два старых солдата. Такое не забывают.

Ирина ГОЛУБНИЧАЯ: Я ездила летом в Ростовскую область к родственникам. Перед поездкой в голове носились мысли одна заманчивее другой. Но я и подумать не могла, что встречусь с человеком необыкновенным, которого раньше считала совсем обычным и даже обижалась на него за это. Им оказался мой дедушка Миша. Вот ведь как странно получается. Сколько лет видела его, разговаривала, а о том, что он самый настоящий человек мужества, просто не догадывалась. Никаких особых подвигов он не совершал. С самого начала войны был санинструктором. Но воевал недолго. В сорок втором под Сталинградом попал в плен, и его угнали в концлагерь. Зверские издевательства, побои, работа от зари до зари. Постоянные унижения... Дедушка все это выдержал, не сдался. Лишь в сорок пятом Красная Армия принесла им освобождение. Дедушка пошел в действующую армию. Зимой сорок шестого он вернулся домой, где его считали погибшим. Одно лето изменило мое отношение к людям, да и к себе. Теперь я знаю: мужественными могут и должны быть все люди. И задаю себе вопрос: а смогла бы я перенести такие испытания? Честно говоря, не знаю. Но хочется верить, что смогла бы.

Галина МЕЛИХОВА:

В нашей школе стало традицией первый урок учебного года посвящать мужеству. Эти уроки так и называются — уроки мужества. Особенно запомнился мне последний. Все старшеклассники собрались в школьном музее комсомольской славы. Перед нами выступал ветеран комсомола, участник Великой Отечественной войны Габитов Равиль Салахович. Это было не выступление, а разговор по душам. Разговор старшего товарища с младшими. Он говорил с нами о мужестве, о том, что такое подвиг. Казалось бы, что эти вещи давно всем известны. Мы читали и слышали о героях-панфиловцах, о героях-партизанах. Зоя Космодемьянская, Александр Матросов, Гуля Королева, молодогвардейцы — все эти люди были для нас примером мужества, отваги. Но вряд ли кто из нас задумывался раньше о том, почему они смогли совершить подвиги. Всегда, когда я читала или слушала о героях, они мне казались необыкновенными людьми, людьми с большой буквы. Да и сейчас я так думаю. Но теперь я поняла: они были такими же, как и все. Только однажды, когда предстояло сделать выбор: тихо отсидеться или жизнью своей защитить Родину, — они выбрали второе...

Евгения СВЕТЛОВА:

Когда я была маленькой, то, как и другие дети, хотела совершить военный подвиг. Мечтала стать офицером. Мне жаль было, что война кончилась задолго до моего рождения. Теперь я уже не та маленькая девочка и совсем не хочу войны. Мне кажется, что каждый день жизни требует мужества. Честно прожить каждый из отпущенных тебе дней — это тоже мужество, и немалое.

Андрей МАКСИМОВ:

Вы не задумывались, почему плачут фронтовики? Вы не замечали — почти у каждого фронтовика дома живет собака. Почему?

Люди, которые «видели кровь и видели смерть просто, как видят сны», — эти люди никогда и никого не обидят. Эти люди слишком хорошо знают цену боли, чтобы причинить ее кому-нибудь.

Память о войне не исчезнет, хотя 9 мая у Большого театра собирается все меньше и меньше однополчан.

Вы бывали там 9 мая? Побывайте обязательно, пока не поздно. Вы придете и все увидите: как люди начинают жить одной жизнью, как понимают друг друга с полуслова... Вам кажется, что ничего не происходит. Но почему же хочется плакать?

Алла ГОЛОСОВСКАЯ:

Да, никто не забыт и ничто не забыто. Но довольно ли этого — только помнить? Помнить, не думая, нося память при себе, как вещь? Я помню, и это уже красиво? Когда-то мой отец в четырнадцать лет убежал на фронт... Не для того, чтобы помнить и отомстить за своего убитого отца, убежал он. Нет, он боролся за наше будущее. Иногда думаю: сделаешь что-то подобное — и уже не зря живешь, не бесполезно...

Михаил ДУБРОВСКИЙ:

Каждый человек, не участвовавший в войне, узнает о ней по-разному. Однажды, когда мне еще было очень мало лет, отец подвел меня к шкафу и достал оттуда небольшую металлическую коробку из-под печенья, бережно открыл ее. Там было все, о чем я мечтал в то время: пустые гильзы, осколки снаряда, стабилизаторы и даже настоящая пулеметная лента.

В то время я уже знал немного о войне, видел несколько фильмов, мне вслух читали некоторые книги (в то время я еще не умел читать). Но тогда война виделась мне чем-то вроде циркового представления; я мечтал стать солдатом, носить сапоги со скрипом и фуражку со звездой, я чуть ли не каждый день играл в войну с соседскими ребятами.

...Отец надолго задумался, а потом начал говорить. Это не было похоже на мои представления.

Отец рассказывал, как учил уроки при тусклом свете, как потом становилось ярко, потому что горели дома, зажженные бомбами, рассказывал про сводки информбюро, про письма, которые очень долго шли.

Война проходит через жизнь каждого человека, независимо от даты его рождения. Нет, по-моему, человека, который никогда в своей жизни не думал о войне.

Ольга БАЛЧ:

Конечно, они не рождались героями, вся жизнь которых показала бы: да, они созданы для подвига, для бессмертия. Может быть, внешне они были обыкновенными, эти будущие герои.

Елена САРКИСЯН:

Высоких фраз я не хочу писать, их и так сказано достаточно. Пусть они трижды правильны, но я не могу писать «правильно» о том, чего не пережила, что дошло до рассудка, но не дошло до сердца. А диктант писать не хочется.

Единственное, что глубоко, как следует, засело в моем сознании, — 14 сентября 1968 года, линейка, посвященная памяти учеников нашей школы, погибших на войне.

Я училась тогда в четвертом классе, и это была первая линейка, на которой присутствовал наш только что созданный пионерский отряд. Пришли родители некоторых погибших ребят. И так получилось, что они встали как раз напротив нас. Это были совсем пожилые люди, они казались гораздо старше наших бабушек и дедушек. У них были такие печальные лица.

Не помню, какие слова они говорили, кто выступал, да это и не важно. Эти люди все время прикладывали платки к глазам, и мне было как-то не по себе. К нам подошла очень пожилая, совсем седая женщина, стала поздравлять с днем рождения отряда, сказала, что ее Миша тоже был пионером, и посмотрела на мемориальную доску, где имя ее сына стояло вторым. В глазах ее было столько нежности. Так же она смотрела на нас, и мы понимали, что теперь будем ей Мишей.

Потом она часто приходила к нам на сборы отряда. А мы ходили к ней почти каждый день, вплоть до того злосчастного лета. Все разъехались, она осталась одна... До сих пор мы чувствуем вину за ее одинокую смерть.

Мне кажется, подобные воспоминания есть у каждого. Нам всем есть за что отвечать.

Борис МИНАЕВ: У меня нет фотографий в черных рамках на стене. Мои родители не слишком часто вспоминают о войне, да и не так уж много у них воспоминаний, ведь они были тогда детьми. Единственное, что они смутно помнят, — эвакуация. Из Москвы в Барнаул. Могу представить себе, что это такое. Военная дорога, постоянное недоедание, холод и тряска в вагонах, боязнь отстать и затеряться в страшной толкотне на бесчисленных вокзалах — это тяжелое воспоминание... Человек может привыкнуть ко всему, даже к смерти. Но привыкнуть к войне человек, я думаю, не может, не в состоянии. Ведь сколько объятий заключено, сколько сердец согрето радостью и, может быть, даже немало разорвалось от этой непомерной радости в день Девятого мая.

Война кончилась, осталось только эхо, эхо все глуше и глуше. Очень много людей, переживших войну, искренне радуются тому, что война забывается, становится историей, что все больше сейчас таких, как я, которых война почти не коснулась. Наверное, их можно

понять. Забыть войну нам, кто ее не видел, легко, но это подлость. Подлость и трусость. Подлость по отношению к тем парням, которым и сейчас, спустя несколько десятилетий, по восемнадцать.

С. С. СМИРНОВ, писатель, лауреат Ленинской премии:

Мужество — одно из самых важных качеств характера человека, кем бы он ни был, каким бы делом ни занимался. И в труде, и в быту, и в общественной деятельности жизнь не раз испытывает людей на мужество. Но высшим его проявлением всегда было и остается мужество человека перед лицом смерти, в бою за Родину.

Мужеством исполнены страницы истории нашей партии и Советского государства от героических дел первых революционеров-большевиков до подвигов покорителей космоса. И высочайшей вершиной этого нашего советского мужества была Великая Отечественная война с ее массовым героизмом, с благородной простотой подвигов тысяч известных и безвестных героев, без колебаний шедших на смерть «не ради славы, ради жизни на земле». Эта война, самая народная и поистине самая священная из всех войн на земле, навсегда останется для будущих поколений великим уроком человеческого мужества.

Еще живут на свете люди, которые преподали этот урок всему человечеству. Еще можно взглянуть в их глаза, столько раз смотревшие в лицо смерти, на их старые руки, когда-то державшие оружие победы, услышать их простые, бесхитростные рассказы о тех временах, ставших уже легендарными для нашей молодежи.

Эти люди по праву будут сегодня учителями на Всесоюзном уроке мужества в наших школах и профтехучилищах. И вместе с ними безмолвными, но не менее красноречивыми учителями будут их павшие соратники по борьбе, лежащие в многочисленных братских могилах, у огней вечной памяти народа. Ведь минуты торжественного молчания у этих могил и огней учат мужеству с не меньшей силой и убедительностью, чем рассказы живых ветеранов.

Пусть же добрые семена, посеянные в душах наших юношей и девушек на этом всесоюзном уроке, взойдут с годами щедрым урожаем народного мужества, стойкости в борьбе с любыми трудностями, высокой гражданственности, любви и преданности своей Родине и партии!

ВСЕ МЕНЬШЕ СРЕДИ НАС УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ИХ ДЕЛА, ИХ ПОДВИГИ ПЕРЕХОДЯТ В ЛЕГЕНДЫ, СТАНОВЯТСЯ ЧАСТЬЮ ПАМЯТИ НАРОДНОЙ И ДУШИ НАРОДА. <...> НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ДОСТОЙНЫМИ ГЕРОИЧЕСКИХ ДЕЛ СВОИХ ОТЦОВ И МАТЕРЕЙ, С ЧЕСТЬЮ НЕСТИ ВПЕРЕД ПЕРЕДАННУЮ ИМИ ЭСТАФЕТУ.

Л. И. БРЕЖНЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Г 93 **Орлята** Великой Отечественной...: Сборник / Сост. В. Г. Гузанов. — М.: ДОСААФ, 1979. — 207 с., ил.

1 р. 10 к.

В сборнике рассказывается о юных участниках Великой Отечественной войны: сыновьях полков, мальчишках-партизанах, воспитанниках кораблей — юнгах флота, которые вместе со старшими — отцами и братьями — участвовали в боях за Родину, не жалея своих сил во имя Великой Победы.

Для молодого читателя.

О $\frac{11204-027}{072(02)-80}$ БЗ-42-6-79 БЗВ-3-5-79 1304010000

ББК 9(С)27

ОРЛЯТА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ...

Сборник

Составитель — Виталий Григорьевич ГУЗАНОВ

Заведующий редакцией *Г. М. Некрасов*
Редактор *Т. А. Соколова*
Художники *И. В. Грюнталь, Н. Н. Захаржевский*
Художественный редактор *Г. Л. Ушаков*
Технические редакторы *С. А. Бирюкова, З. И. Сарвина*
Корректоры *В. Д. Синева, Р. М. Рыкунина*

ИБ № 859
Сдано в набор 11.03.79. Подписано в печать 14.11.79. Г-24589. Формат 70×90 1/16. Бумага глубокой печати. Гарнитура эксцельсиор. Печать глубокая. Усл. п. л. 15,21. Уч.-изд. л. 13,996. Тираж 100 000 экз. Заказ № 531. Цена 1 р. 10 к. Изд. № 3/1677.
Ордена «Знак Почета» Издательство ДОСААФ СССР. 129110, Москва, И-110, Трифоновская ул., д. 34.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Калинин, пр. Ленина, 5.

1 р. 10 к.

